

Джордж Фридман

политолог, автор бестселлеров New York Times,
предсказавший украинские и белорусские
события, войну в Сирии

АМЕРИКАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

ПРОГНОЗ 2020–2030

*Америка — страна, в которой
для затишья обязательно нужна буря*

Оглавление

Джордж Фридман Американская империя. Прогноз 2020–2030 гг	2
Введение	2
Часть первая Изобретение Америки	8
Глава 1. Американская политическая система и беспокойный народ	9
Глава 2. Земля: место, называемое Америкой	20
Глава 3. Американский народ	54
Часть вторая Американские циклы	73
Глава 4. Как меняется Америка	73
Глава 5. Как геополитика предопределяет 2020-е годы	77
Глава 6. Институциональные циклы и война	91
Глава 7. Социально-экономические циклы	111
Часть третья Кризис и затишье	139
Глава 8. Первые признаки грядущей бури	140
Глава 9. Кризис 2020-х: столкновение циклов	156
Глава 10. Кризис 2020-х в сфере технологий и образования	175
Глава 11. После бури	194
Заключение Американская эпоха	217
Благодарности	224
Об авторе	225

Джордж Фридман

Американская империя. Прогноз 2020–2030 гг

*Посвящается будущему США, моим
внукам: Итану, Остину, Мире, Эшеру, Ари,
Катрин, Николасу и Дугласу*

Это было самое прекрасное время, это было самое злосчастное время – век мудрости, век безумия, дни веры, дни безверия, пора света, пора тьмы, весна надежд, стужа отчаяния, у нас было все впереди, у нас впереди ничего не было, мы то витали в небесах, то вдруг обрушивались в преисподнюю, – словом, время это было очень похоже на нынешнее, и самые горластые его представители уже и тогда требовали, чтобы о нем – будь то в хорошем или в дурном смысле – говорили не иначе как в превосходной степени.

Чарльз Диккенс. Повесть о двух городах (перевод с англ. С. Боброва, М. Богословской)

© 2020 by George Friedman

© Перевод на русский язык ООО Издательство «Питер», 2021

© Издание на русском языке, оформление ООО Издательство «Питер», 2021

Введение

США переживают трудные времена. Внимание американцев приковано к президенту Дональду Трампу. Враги указывают на его коррумпированность и некомпетентность. Сторонники считают его жертвой элиты, защищающей свои позиции и желающей его уничтожить. Трампа много обсуждают, будто только он – единственная проблема или ее решение.

Ситуация не нова. Подобные взаимные нападки и раскол, которые мы наблюдаем в современной Америке, абсолютно ничем не примечательны по сравнению с другими периодами истории США: Гражданской войной, в которой погибли 650 тыс. человек, или 1960-ми годами, когда на подавление беспорядков в Детройте была брошена 82-я воздушно-десантная дивизия. Авраама Линкольна называли деревенщиной и обезьяной. Ричарда Никсона – преступником, каким он, по сути, и оказался, хотя винил во всем СМИ. Некоторых президентов, вроде Линкольна, Никсона или Трампа, кто-то смешивает с грязью, а кто-то – превозносит, но суть в том, что сами по себе они не настолько могущественны, чтобы быть истоками проблем или контролировать подводные течения, которые их несут.

Американцы уделяют много внимания своему президенту, как повелось со времен Вашингтона, Джексона или Линкольна. Но как ни удивительно, полномочий у американского президента меньше, чем у премьер-министра какой-либо европейской страны. Так было специально установлено с самого начала, и подобный порядок выдержал испытание временем. Президент имеет дело с двухпалатным парламентом, бесчисленными федеральными судьями и пятьюдесятью независимыми штатами. Ему вообще редко что удастся, но на нем сфокусированы ориентиры нации. Поэтому когда страна проходит через периодический и поддающийся прогнозу кризис, американцы винят или превозносят президента, вместо того чтобы пытаться понять объективные движущие силы событий.

Эта книга посвящена глубинным процессам американской истории; современная ситуация и ее острые моменты рассматриваются в более широком историческом контексте. Также в книге анализируется весьма реальный грядущий кризис 2020-2030-х годов и исчерпывающе демонстрируется, как США преодолеют тяготы и смуту, став сильнее и динамичнее.

В настоящий момент в США происходят глубокие структурные изменения, что ведет к серьезной напряженности. Федеральная власть периодически переживает своего рода сдвиги, в ходе которых меняются способ ее функционирования и привычные отношения с обществом. Эти подвижки вызваны постоянно углубляющимся провалом системы. Экономика также подвергается фундаментальным изменениям, отчасти спровоцированным избытком денежной массы и ограниченной возможностью

инвестирования. В свою очередь, это порождает заметный спад производительности, обусловленный снижением инновационного потенциала. На фоне этих двух полюсов напряженности, а также давления, возникшего из-за попыток США найти свое место в глобальной системе, связующая сила, которая цементировала американское общество, ослабла и продолжит слабеть на протяжении 2020-х годов. Поэтому независимо от того, кто будет президентом, в последующее десятилетие страну будут обуревать страх и ненависть.

В любом случае, подобное происходит не впервые.

Если мы углубимся в американскую историю, то обнаружим в ней два основных цикла – и, поняв эти циклы, поймем текущую ситуацию в США. Один из них – институциональный цикл, который повторяется примерно каждые 80 лет. Первый институциональный цикл начался окончанием Войны за независимость и разработкой текста Конституции в середине 1780-х, а закончился в 1865 году, вместе с Гражданской войной. Восемьюдесятью годами позже, с окончанием Второй мировой войны, завершился второй институциональный цикл. Теперь очевидны черты следующего переходного периода между циклами, который придется приблизительно на 2025 год.

Второй основной цикл – социально-экономический, который повторяется примерно каждые 50 лет. Последняя смена имела место приблизительно в 1980 году, когда экономические и социальные проблемы, начавшиеся в конце 1960-х, вылились в фундаментальный кризис функционирования экономической и социальной систем. В следующих главах я подробно объясню, как предыдущий социально-экономический цикл был запущен в начале 1930-х годов с приходом Великой депрессии, а перед этим – в 1880-х, когда страна восстанавливалась после Гражданской войны. Теперь мы имеем дело с социальной и экономической нестабильностью, которая завершится к концу 2020-х годов.

Анализируя эти два масштабных цикла, мы видим то, чего не замечали раньше. Текущий институциональный цикл закончится кризисом в середине 2020-х годов, а социально-экономический цикл – несколькими годами позже. Впервые в американской истории оба цикла завершатся практически одновременно. Очевидно, это означает, что 2020-е годы станут одним из труднейших периодов в американской истории, особенно если учесть новую и неоднозначную роль США на международной арене, а ведь почти во

все предыдущие циклы данный фактор не имел значения. Поэтому нахождение Трампа у власти является лишь предвестником и этого периода, и грядущего. Дело не в Трампе, как бы мы его ни оценивали – положительно или отрицательно. Можно считать его самоуверенным и неуправляемым либо некомпетентным и неотесанным, но если отбросить частности, то и он, и мы окажемся простыми пассажирами на аттракционе под названием «американские горки».

Следует учесть, что каждый из этих социально-экономических циклов завершался периодом уверенности и процветания. За Гражданской войной последовал значительный рост, в результате которого тридцать пять лет спустя на США приходилась половина мирового промышленного производства. После Второй мировой в стране появилось беспрецедентное количество квалифицированных специалистов; а после холодной войны начался технологический бум, перевернувший мир. Я сейчас не предсказываю крах. Я говорю о напряженном, сложном периоде, который наступает сегодня и продлится до следующей фазы американской истории, то есть до начала 2030-х годов, – и за которым последует период уверенности и процветания.

Важно заметить: в отличие от того, что иногда происходит в других странах, данные циклы не ведут к распаду США. Они, наоборот, способствуют движению вперед. Эти циклы – словно мотор США. Каждый период начинается с проблемы, оставленной в наследство предыдущим циклом, создает новую модель для усиления американской мощи и завершается нахождением решения, которое затем теряет свою силу и становится новой проблемой, которую следует решить.

Поражают периодичность и быстрота этих циклов. В то время как в других странах данные циклы намного менее предсказуемы в плане длительности и интенсивности, американские можно с легкостью прогнозировать, они регулярны. Данный факт объясняется быстротой и гибкостью развития Америки. В свою очередь, подобное развитие – результат внутренней организации США: государственного устройства, народа, территории. Все это вместе создало платформу не только для быстрого роста, но и для управления им. Усиление какого-либо государства не может происходить линейно. Старые системы, ставшие ненужными, должны быть разрушены, а новые – созданы. Сама суть

Соединенных Штатов всегда облегчала этот процесс, и, как мы увидим в следующих главах, так будет продолжаться и дальше.

Самое важное, что следует иметь в виду: США – нация искусственно созданная; она не формировалась естественным образом в течение тысячелетий из определенной общности людей на ее исконной территории, как, например, в Китае или России. Более того, США как нация были созданы намеренно и молниеносно. Американская форма государственного устройства была сначала сформулирована в Декларации независимости, а затем закреплена Конституцией. Американский народ формировали выходцы из разных стран, говорившие на разных языках и прибывшие в Америку по разным причинам – большинство по собственной воле, но кто-то вынужденно. Американцы изобрели самих себя с нуля. Да и американская земля, в сущности, изобрела себя сама. Она дала американцам неслыханные доселе возможности, которые можно было использовать так, как никто и представить себе не мог.

Все вместе: форма государственного устройства, народ и территория – в совокупности и придали нации ту маневренность, которой недостает большинству других народов. Созданный режим обладает гибкостью, позволяющей гражданам раскрыть свой потенциал с той же скоростью, с какой они смогли освоить преимущества новых земель. Это позволяет Соединенным Штатам развиваться с потрясающей скоростью. И поскольку каждому явлению присуще свойство достигать логического конца, подобное развитие ведет к частым кризисам, которые, как может показаться, разваливают государство. Однако вместо этого Америка выходит обновленной из этих кризисов, реформируясь с необычайной маневренностью.

Я разделил книгу на три части. Первая часть посвящена попытке объяснить американский характер, ценности и историю, которые привели к формированию «американского народа». В ней также показано, почему США настолько живучи и почему государство способно выжить даже в самые экстремально тяжелые времена. Во второй части подробно описываются два основных цикла, равно как и реалии, царящие в американской истории, – особенно те, что привели к кризису, в котором страна сейчас находится. Третья часть – это прогноз, описывающий кризис, который произойдет, когда в период с 2020 по 2030 год массивные силы этих двух циклов наложатся друг на друга. Ничего подобного ранее не происходило.

Кроме того, в этой же части мы рассмотрим дальнейший ход событий и будущее, которое ждет Америку после того как буря стихнет.

Данная книга описывает глубинные процессы функционирования США. Чтобы разобраться в них, необходимо начать с постижения американской государственности, народа и территории. Однако настоящая история США – это хроника систематических изменений облика в расчете на дальнейший рост. А это означает, что мы должны понимать облик США с момента их основания, а затем уже двигаться к пониманию того, как работают циклы и что они предвещают.

Часть первая

Изобретение Америки

Глава 1. Американская политическая система и беспокойный народ

В последний день заседания Конституционного конвента, сразу после принятия^[1], женщина, ожидавшая у здания Pennsylvania State House, спросила вышедшего оттуда Бенджамина Франклина, монархия будет в стране или республика. На что он ответил: «Республика, если вы ее сбережете». Конституционный конвент изобрел американскую форму правления. Это было двойное изобретение. Во-первых, была создана центральная власть, не существовавшая до того момента. Во-вторых, на Конвенте отцы-основатели силой разума воплотили в жизнь правительственный механизм, структуру управления. В отличие от других форм управления, у американской модели не было прошлого. Она обрела жизнь благодаря замыслу, четкому логическому построению и точному расчету.

Два основополагающих принципа легли в основу политического механизма. Во-первых, отцы-основатели боялись правительств, потому что те имели тенденцию аккумулировать власть и превращаться в тирании. Во-вторых, они не доверяли людям, потому что люди, преследуя свои частные интересы, могли заставить правительство свернуть с верного пути, ведущего к общему благу. Однако и правительство, и граждане были необходимы – стало быть, и те и другие должны быть ограничены так, чтобы правительство не имело возможности концентрировать всю власть в своих руках. И отцы-основатели такой механизм собрали.

Они хотели изобрести такой механизм, который сдерживал бы сам себя, поэтому предусмотрели в американской жизни обширное пространство, свободное от правительства или политики. Они желали создать область частной жизни, в рамках которой граждане стремились бы к счастью, обещанному Декларацией независимости. В эту область входили торговля, производство, религия и бесчисленные удовольствия, относящиеся к сфере частной жизни. Главной особенностью нового политического механизма была его степень невмешательства в виды деятельности, которые они считали наиболее важными, – те, которые не были связаны с политикой.

Но одно дело – что-то изобрести, а другое – заставить изобретение работать без масштабного техобслуживания. Решение заключалось в том, чтобы сделать это изобретение малоэффективным. Созданная система распределения властных полномочий примечательна по трем пунктам: во-первых, она невероятно усложняла процесс принятия законов; во-вторых, не давала возможности президенту превратиться в тирана; в-третьих, Конгресс в своих действиях ограничивался полномочиями судов. Потрясающе неэффективная политическая система отцов-основателей делала то, для чего и была задумана: работала мало и плохо. Правительство должно было защищать граждан и развивать международную торговлю. Для созидательной деятельности отводилась частная жизнь, которая позволяла обществу, экономике и правовым нормам развиваться заметными темпами, при этом не разрывая страну на части (если не брать в расчет некоторые потенциально опасные инциденты, оставшиеся без последствий). Именно поэтому Бенджамин Франклин выходил из здания Pennsylvania State House в Филадельфии, испытывая одновременно и уверенность, и настороженность. Он понимал, что утвержденная форма политического устройства была призвана уравновесить могущественные и опасные силы, и форма эта была принципиально новой и доселе не опробованной.

И дело не только в юридических формулировках, содержащихся в Конституции. Гораздо важнее было создать и закрепить моральные принципы, одни – в имплицитной форме, другие – в явно выраженной. И для социального, и для частного аспекта жизни общества можно установить ограничения не только путем политического указания свыше, но и с помощью позиционирования некоей исключительной моральной концепции в качестве составляющей здравого смысла представителей нации. Моральные принципы были сложными и зачастую противоречили друг другу, но у них была общая черта: любой американец имел полное право как преуспеть, так и потерпеть провал в том деле, которым он желал заниматься.

Именно в этом заключалась идея права на стремление к счастью. Государство никому не станет чинить препятствия. Судьба конкретного человека будет определяться исключительно его характером и способностями. Отцы-основатели сделали намного больше, чем просто отделили государство от личной жизни: они создали между ними неослабевающее напряжение. Загляните на

заседание школьного совета^[2] в любой местной государственной общеобразовательной школе – вот там государственные реалии встречаются с потребностями людей. Желание оставить налоговую нагрузку на прежнем уровне, при этом получая больше услуг, сталкивается со стремлением властей усилить влияние и увеличить собственное финансирование, не беря на себя никаких новых обязательств. Поэтому все большему давлению подвергаются демократически избранные члены школьного совета: фактически они находятся между молотом и наковальней. Подобное напряжение существует на всех уровнях – от местных органов управления до центральной власти в Вашингтоне.

Республиканское устройство, в принципе, не является чем-то присущим какой-то определенной территории или конкретному народу. Те, кто стоял у истоков США, представляли республику наиболее естественной и нравственной формой управления и устройства общества. Она могла быть идеальной формой правления где угодно. Форма республиканского правления могла не прижиться в США независимо от того, существовала она где-либо еще или нет. Однако в глазах основателей эта форма политического порядка все равно оставалась бы наиболее справедливой.

Это значит, что данный режим был уникальным. Он не был как-то исключительно связан с людьми, населявшими Америку. Он являлся их режимом, пока они сохраняли его, и начинал принадлежать другим народам, если те выбирали подобное устройство управления. Именно эта черта выделила США из списка других государств, выросших из общих истории, языка, культуры, территории. Например, Франция и Япония теснейшим образом связаны с собственным прошлым. Америка же выросла из целенаправленного изобретения, из формы правления, разработанной в нравственных и практических целях, – но отнюдь не из сущности американского народа. Именно этим объясняется предостережение Франклина. Сама суть американской республики искусственна, не связана с прошлым.

Политическое устройство – Соединенные Штаты. Страна называется Америка. Их связь основана на том, что страна принимает принципы политического устройства. Для того чтобы Америка существовала как страна, подобного принятия не требовалось. Американцы могли с полным правом выбрать другую форму правления – монархию, к примеру, – а страна все равно осталась бы Америкой. Но тогда мы не были бы Соединенными

Штатами в полном институциональном и нравственном значении этого слова. Соединенные Штаты Америки – это место, где принципы политического устройства правят страной. Это крайне важное отличие от положения вещей в других странах, и оно имеет значительные, но не всегда осознаваемые последствия.

О себе можно сказать: «Я гражданин Соединенных Штатов», но «Я штатец» – нельзя. Язык не позволяет. Ощущать тесную связь со своей родиной – Америкой – естественно, поэтому ничего сложного нет в том, чтобы называть себя американцем. Однако любовь к родной земле и ее народу и отношение к Соединенным Штатам – это разные вещи. Одна из сложнейших и постоянных задач республики – сохранить связь между этими двумя понятиями, так как любовь к собственному дому – наша естественная потребность, а вот любовь к республике является, скорее, результатом целенаправленных умственных усилий. Им не нужно быть единым целым, но фундамент американского общества заложен так, чтобы можно было с уверенностью утверждать, что между ними нет непреодолимых различий. И в большинстве случаев подобный подход срабатывает. Когда же не срабатывает, возникает напряжение.

Вскоре после подписания Декларации независимости Томас Джефферсон, Джон Адамс и Бенджамин Франклин вошли в состав комитета для разработки Большой печати. Учитывая, что подписание Декларации привело к Гражданской войне, проектирование печати вряд ли могло показаться первой необходимостью. Однако эти три человека понимали, что США – проект нравственный, а таким проектам нужны символы, определяющие нравственное призвание и дающие чувство причастности к святыне. На создание Большой печати ушли годы. В 1782 году секретаря Континентального конгресса Чарльза Томсона попросили довести проект до конца. Он исполнил просьбу, и теперь печать – священный символ, воплощающий республиканские принципы американской жизни. Самое главное место, где можно обнаружить эту эмблему, – ближайшее к сердцу американцев: долларовая купюра.

Создание принципов управления стало прологом к созданию нации. Однако если властные структуры могут быть просто отлаженными механизмами, то понятие народа должно соответствовать повседневной жизни людей. Ведь человек не ведет некую абстрактную жизнь – он живет реальной жизнью внутри

целого народа, который и дает ему осознание того, кто он такой. Частично в этом процессе задействована власть, частично – убеждения народа, говорящие нам, что мы за люди и какими должны быть. На эту тему можно написать увесистые тома, но вместо этого Джефферсон, Адамс и Франклин дали нации Большую печать – она должна была стать призмой, через которую следовало смотреть на самих себя и которая объясняла, почему мы ведем себя именно так, а не иначе. Большая печать – символ, а символы необходимо интерпретировать. В этих символах мы можем найти указание, какими, по их замыслу, следует быть американцам и каким должен быть гражданин США.

К Большой печати следует относиться серьезно еще и потому, что мы знаем, кем были трое ее создателей. Они не только принадлежат к наиболее выдающимся членам группы видных политиков, но также являются представителями всех важнейших революционных фракций. Джефферсон был демократом, Адамс – федералистом, Франклин – борцом с традиционными верованиями и, возможно, в наилучшей степени воплощал американский дух. Он был серьезным человеком, но не до чопорности. Франклин – единственный в своем роде – являлся образцом человека, любящего свою страну, но понимающего, что юмор не унижает достоинства. Удивительно, как три великих ума: философ, юрист и любящий жизнь человек – сообща разработали единое видение того, кем мы были до сих пор и кем должны оставаться.

На лицевой стороне печати изображен белоголовый орлан, который, как считается, символизирует мощь Америки. Бенджамин Франклин вообще-то выступал против такого символа, объясняя это в письме дочери так:

Со своей стороны, я не желал бы, чтобы белоголовый орлан стал символом нашей страны. У этой птицы дурной моральный облик. Она нечестно добывает себе пропитание. Можно наблюдать, как белоголовый орлан усаживается на какое-либо засохшее дерево рядом с рекой и смотрит, как трудится, ловя рыбу, ястреб. Сам орлан слишком ленив, чтобы заниматься подобным. И когда ястреб, эта достойная птица, наконец поймал рыбу, несет ее, зажав в клюве, чтобы прокормить партнера и потомство, белоголовый орлан бросается в погоню и отбирает добычу.

Говорят, Франклин предпочел бы, чтобы на печати была изображена более достойная птица – индейка. Видимо, образ орла

ему совсем не нравился. Франклин, конечно, любил пошутить, но при этом серьезно подходил к вопросу выбора символов.

На свитке, который орел держит в клюве, написано *Epluribus unum*, что означает «Из многих – единое». В те времена эта фраза относилась к 13 колониям^[3], которые, будучи множеством, становились одним целым. Со временем она приобрела иной смысл. Как только США начали захлестывать волны иммиграции, данный девиз стал обозначать процесс превращения представителей разнообразных культур, приехавших в Америку, в единую нацию. Вряд ли отцы-основатели представляли себе масштаб иммиграционного наплыва, хотя Конституцией подобная ситуация предусмотрена, поскольку в ней прописан порядок натурализации. Шотландских ирландцев^[4], то есть шотландских протестантов, живших в Ирландии и прибывших в Америку после англичан, уже обосновавшиеся поселенцы ненавидели всей душой и считали дебоширами, не способными к ассимиляции. Это хорошо известная глава в истории американской иммиграции. Большая печать в общем и целом утверждена – но на практике претерпевает изменения. Девиз «Из многих – единое» стал тем непростым фундаментом, на котором вырос американский народ. И теперь, 250 лет спустя, вопрос иммиграции до сих пор терзает нацию.

Однако изначально фраза *Epluribus unum* указывала на другую кровопролитную проблему, приведшую к Гражданской войне. Сейчас нам несложно запомнить, насколько колонии отличались друг от друга и насколько они сами осознавали собственные различия. Род-Айленд отличался от Южной Каролины и в плане географии, и в плане традиций и социального устройства. Эти различия – хотя не настолько сильные, как в те времена, – остаются и по сей день. *Epluribus unum* был выбран в качестве девиза не потому, что новые штаты имели много общего, но потому, что в некотором смысле они рассматривали друг друга как экзотических незнакомцев. Сейчас, возможно, мы не чужаки друг другу, но житель Нью-Йорка зачастую смотрит на техасца как на нечто экзотическое, и наоборот. Напряжение никуда не исчезло.

На обратной стороне печати изображена незавершенная пирамида – оригинальный выбор для недавно появившейся страны в то время, когда мода на строительство пирамид прошла уже много столетий назад. Но в этом выборе прослеживается могущественный символизм. Пирамида – это масштабная инициатива, задействующая финансовые и природные ресурсы и труд людей. У

нее объединяющий принцип действия. Пирамида связывает республику, символом которой является, и людей, ее построивших, в единое целое. Нам становится ясно, что республика – это не просто понятие, а результат труда людей, поэтому республика и народ тесно связаны.

Печать указывает также и на то, что республика продолжает формироваться и для ее развития требуются интенсивные усилия американцев. Народ постоянно будет сооружать пирамиду на своей территории. Кстати, сама форма этого архитектурного сооружения предполагает соблюдение вполне определенной последовательности строительных работ. Берется кирпич, делается раствор, на него кладется еще один кирпич – и так далее до бесконечности. Пирамида придает человеческим усилиям конкретную форму и позволяет их прогнозировать. Конечно, трудовому процессу присущи и затруднения, и мгновения успеха. Это краткое описание того, какой будет американская жизнь.

Над пирамидой начертаны слова *Annuit coeptis*, означающие «Он одобрил наши начинания». «Он» – это Бог. Было решено не использовать само слово «Бог». В Америке ведется масштабный спор между теми, кто считает США христианской страной, и теми, кто провозглашает Штаты полностью светским государством. Те, кто создавал Большую печать, отлично осознавали данную проблему. Неизвестно, пошли они на компромисс или единогласно приняли соответствующее решение, – но Христос или даже Бог не упоминается ни в Декларации независимости, ни в Конституции. Однако прослеживается четкая отсылка к чему-то, что находится за пределами человеческого существования, что оценивает и одобряет начинания, – Провидению, как оно названо в Декларации независимости. Отцы-основатели могли напрямую упомянуть Христа либо полностью избежать намеков на божественное начало. Но они не сделали ни того ни другого. Они не склонились ни к секуляризму эпохи Просвещения, ни к английской религиозности. Они не стали называть чудесные силы по имени, но ясно дали понять: эти силы существуют. Подобная неоднозначность, думаю, была намеренной. Она же привела к напряженности, которая ощущается до сих пор.

На обратной же стороне печати под пирамидой размещен третий девиз: *Novus ordo seclorum*, который означает «Новый порядок веков». Так отцы-основатели видели учреждение США как государства. Это не новая форма правления, а впечатляющий сдвиг

в истории человечества. Достаточно радикально. Однако Чарльз Томсон, придумавший эту фразу, заявил, что она означала «начало новой американской эры». Наиболее логичным способом интерпретации будет следующий: началась новая эпоха, и Америка будет в центре нового мирового порядка. Во времена создания этого утверждения в нем не было ничего разумного. Фактически оно было совершенно несуразным. Америка находилась в начале пути и делила мир с другими государствами, существовавшими и развивавшимися в течение веков, если не тысячелетий. Век Европы в мире был тогда далек от завершения, а новая эпоха, способная превзойти европейское господство, еще не виднелась на горизонте. Тем не менее основатели увидели признаки новой эры – американской, что и запечатлели на Большой печати.

Большая печать дает нам прекрасное представление о замыслах отцов-основателей США. Замыслы эти были подпорчены рабством, что мы рассмотрим позже. Отцы-основатели считали образование США началом новой эры, преисполненной постоянным трудом, но труд этот был направлен в сторону заданной и логичной цели. Новая эра должна была ознаменоваться признанием чего-то божественного, но не конкретной божественной сущности. В своем воображении они рисовали картины величия, духовного начала и нации, сплоченной созидательным трудом. Печать помогает нам составить самое обобщенное, лишенное каких-либо подробностей, представление о том, к чему стремились создатели американской государственности. Начертанные на ней девизы придают смысл американскому пути развития и его конечным целям. Зная направление, мы можем составить схему движения и, исходя из этого, предугадывать опасности, с которыми столкнемся, и возможности, которые нам откроются.

Основатели верили, что горстка людей, осевших на западном побережье Атлантического океана, не только сможет победить мировую империю, подобную Британии, но и станет у истоков нации, которая окажется в состоянии перекроить мир. Таким образом, наша беседа плавно переходит от Большой печати к Войне за независимость^[5]. В каком-то смысле эта война велась не только против Англии. Она была направлена против европейской эпохи, начавшейся в 1492 году. Для американцев эта эпоха была основана на подавлении и неравенстве, в то время как европейские народы воспринимали подобные отношения в порядке вещей. Такому укладу отцы-основатели США противопоставили не только свободу

и равенство, но и власть над природой. Промышленная революция только зарождалась, но ее базовые принципы уже можно было различить. Верх над природой брали с помощью разума и технологии. В американской истории многое связано с наукой и ее ответвлением – технологией. Взглянув повнимательнее на Бенджамина Франклина или Томаса Джефферсона, мы понимаем, что отцы-основатели смотрели далеко вперед.

Самое время сделать паузу, чтобы напомнить: два человека из троих запуская в действие Большую печать были изобретателями. И Джефферсон, и Франклин изобрели множество вещей – от облегченного плуга до громоотвода. Джефферсон был прекрасным архитектором, по собственному проекту построившим великолепный дом на территории своей усадьбы Монтчелло. Там же он применил свое изобретение – компактный кухонный лифт^[6]. Поэтому, говоря, что политическая система была изобретена, я имею в виду, что она была создана людьми, которые всю свою жизнь были изобретателями. Они были инженерами, стремившимися придумывать вещи, которые усмирили бы природу и облегчили человеческую жизнь. Изобретательность являлась частью не только политической системы – она была встроена в американскую культуру. Джефферсон и Франклин подвергали сомнению в равной степени и все политические предпосылки, и любые другие явления окружающей жизни, беспрестанно пытаясь что-либо улучшить. Подобная склонность к усовершенствованию красной нитью проходит через всю американскую историю – от сельскохозяйственной техники до смартфонов.

К изобретательности добавилась необходимость действовать быстро. Люди приезжали в США для того, чтобы жить лучше, чем на родине. Нищий иммигрант, поселившийся в Нью-Йорке или Миннесоте, должен был и хотел действовать быстро. В американской культуре время играло и продолжает играть важнейшую роль.

Именно сочетание целеустремленности и инженерного гения выдвинуло США вперед. Каждое поколение создавало изобретения, коренным образом менявшие жизнь людей вокруг, и так сложился цикл преобразования общества в целом. Этот цикл включал в себя неизбежные провалы и разочарования, обязательно присущие процессу разработки чего-либо нового: и в проектировании домов, и в проведении электричества, и в создании формы правления. Уже существующее изобретение приходилось изобретать заново, чтобы

оно соответствовало требованиям времени и учитывало новые возможности.

Давайте возьмем фразу из Декларации независимости, которая настолько близка американскому образу мыслей, что ее удивительное своеобразие мало кто замечает. Основатели говорят о трех правах: на жизнь, на свободу и на стремление к счастью. Прообраз этой фразы можно найти у британского философа Джона Локка, писавшего о «праве на жизнь, свободу и собственность». Отцы-основатели заменили «собственность» на «стремление к счастью». Они сознательно выбрали такую сложную для понимания формулировку, стоящую тем не менее у истоков американской культуры.

Новые технологии и изобретения всегда в каком-то смысле связаны со счастьем. Компьютер, автомобиль, телефон и прочие подобные вещи упростили работу, путешествия и общение. Они открыли нам новые возможности, которых прежде не существовало. Только подумайте о прогрессе в медицине! Открытия в этой области не устраняют смерть, но могут ее отсрочить, и это тоже делает нас счастливыми. Поэтому для американцев технологии и счастье связаны самым тесным образом, до такой степени, что временами технологии заменяют собой другие виды счастья – такие, как любовь или связь с божественным началом. Американцы ценят эти вещи, но в то же время совершенно искренне и страстно любят и передовые технологии.

Поэтому любая беседа об изобретении американской формы государственного управления будет неизбежно перерастать в разговор об изобретениях в целом, а оттуда – о счастье. Отцы-основатели отдавали себе в этом отчет, поэтому в Декларации независимости говорится о стремлении к счастью как о неотчуждаемом праве. И здесь возникает головоломка.

Стремление к счастью предопределяет американскую культуру. Дело не в отсутствии других ориентиров – к примеру, чувства долга, любви или благотворительности. Но все они вращаются вокруг центрального понятия, коим является стремление к конечной цели – к счастью, которое, по сути своей, понятие сугубо индивидуальное и может быть определено стольким числом способов, сколько живет на планете людей. Каждый волен дать собственное определение счастья. Если мы будем рассуждать в этом ключе, то определение свободы становится ясным. Свобода – это непереносимое условие,

позволяющее стремиться к счастью. Свобода – это возможность определять, в чем состоит твое собственное счастье.

Счастье же, в свою очередь, – это эмоциональный двигатель, придающий мощь США. Штаты – единственное государство, сделавшее стремление к счастью фундаментальным правом человека. Однако вместе со счастьем приходит и разочарование, точно так же, как и технологиям неизбежно сопутствует устаревание. Форма государственного управления – механизм, инструмент новейшего образца, предназначенный для выполнения задач. Но как только меняется задача, структура управления также должна измениться. А реформа государственных институтов традиционно была и остается болезненной – и она теснейшим образом связана с войной. Мы вернемся к этому пункту во второй части. Сначала необходимо взглянуть на американскую территорию – величину постоянную, хотя и претерпевавшую изменения и открывавшуюся заново множество раз.

Глава 2. Земля: место, называемое Америкой

Человеком, давшим название Западному полушарию, стал Мартин Вальдземюллер. В 1507 году этот немецкий картограф составил карту нового мира. Итальянский мореплаватель Америго Веспуччи, исследовавший новые земли под покровительством португальской короны, первым понял, что Колумб добрался не до Индии, а до нового материка. Веспуччи отослал свои заметки Вальдземюллеру, поскольку знал, что тот работает над картой. Картограф должен был как-то назвать новое место на карте: обозначить его Индией он уже не мог, независимо от того, что об этом думал Колумб. Поэтому Вальдземюллер решил назвать полушарие Америкой в честь Америго Веспуччи, так и родилось название.

До этого момента Западное полушарие никак не называлось. Коренные жители этих земель имели самообозначения и названия для своих соседей, но не испытывали никакой потребности как-то называть в целом континент, который был для них вселенной. Впрочем, уроженцы земель Восточного полушария также никак не называли континент. Дав название Западному полушарию, Вальдземюллер заново открыл мир. Он предположил, что мир состоит из двух полушарий, – и, назвав континент в честь итальянца (это название в ходу и по сей день), даровал ему европейскую идентичность.

Название Америка обозначало все земли полушария, и благодаря подобному переопределению они постепенно становились все более европейскими, хотя фактически по-прежнему принадлежали коренным жителям. География оставалась неизменной; над горами и реками пролетали века, но отношения между конкретным географическим положением и теми, кто населял эти земли, было уже другим. Строившиеся железные дороги и города изменили не только пейзаж страны, но и географические представления ее жителей. Изменение русла рек для ирригации засушливых регионов формировало одновременно и совершенно иное отношение к особенностям местности, и новое ощущение собственных возможностей. Поэтому я могу сделать вывод, что если в каком-то смысле географическое перекраивание местности свойственно всем людям, то американцы в своих амбициях (или в своих грубых заблуждениях) пошли еще дальше, по несколько раз открывая

собственную территорию. Именно это повторное открытие позволило США стремительно развиваться и столь быстро превратиться в могущественное государство.

Подобно тому как была изобретена форма государственного управления, так же изобрели и землю. Или, по крайней мере, – отношение к земле тех, кто решил на ней поселиться. Представители каждого поколения и каждой волны иммиграции называли горы, реки и земли по-своему. Америка была просторной, малонаселенной территорией по сравнению с Европой или Азией. Европейцы, отодвинув в сторону коренных жителей, превратились в американцев. И, проделав это, они получили возможность открывать и заново открывать землю. В этом смысле американская территория была так же искусственна, как и сама политическая система.

Освоение Северной Америки

Америка состоит из двух материков, соединенных узкой полоской суши – Панамским перешейком. Природные условия обоих материков различны. Наиболее поразительные достопримечательности Южной Америки – это обширные дождевые леса Амазонии и горная система Андские Кордильеры, окаймляющая с запада весь континент. В свою очередь, Северная Америка по праву гордится безбрежными равнинами, расположенными между двумя горными цепями – Скалистыми горами и Аппалачами, а также комплексом рек, берущих начало в горах, протекающих через равнины и впадающих в Мексиканский залив. На южном материке имелись значительные залежи золота и серебра. Северный континент, за исключением Мексики, располагал плодородными землями, пригодными для сельского хозяйства.

В Америку европейцы попали, ведомые желанием достичь Индии и Ост-Индии. Товары в Европу доставлялись сначала по знаменитому Великому шелковому пути (рис. 1), ведшему на запад из Индии и Китая, а далее – по Средиземному морю. В середине XV века преградой для перевозки товаров стала набирающая влияние исламская Османская империя, центр которой приходился на территорию, занимаемую современной Турцией. Османское государство сначала закрыло дорогу, а затем существенно подняло пошлины на провозимые товары. Европейцам был крайне важен этот торговый маршрут, но Османская империя взвинтила цены до невообразимого уровня.

Рис. 1. Великий шелковый путь

Тот, кто найдет дорогу в Индию в обход Османской империи, решит проблему всей Европы и обогатится. Сначала это удалось португальцам, которые по морю обогнули Африку. Испанцы, запоздало включившиеся в гонку из-за Реконквисты, искали путь на запад. Теоретически мысль была удачной. Но на практике она провалилась, поскольку испанцы не подозревали, что с запада прямой путь к Индии преграждают два континента.

Однако то, что поначалу казалось провалом, обернулось невиданным успехом – во всяком случае, для Испании. Благодаря попутным ветрам и течениям (рис. 2) с Пиренейского полуострова открывался удобный морской путь к территориям Карибского бассейна, оттуда – к восточному побережью Южной Америки, а позднее и к западному. Португальцы массово высадились в Южной Америке первыми и потому провозгласили Бразилию своей колонией, основав обширные плантации, на которых использовался труд порабощенных индейцев и рабов, завезенных из Африки. Однако именно испанцы, прибывшие вслед за португальцами, устремились далее на запад, до побережья и сорвали джекпот. Империя инков, находившаяся на территории современного Перу, контролировала сказочно богатые залежи золота и серебра. Инки уже успешно добыли немалый объем драгоценных металлов, являвшихся объектом вожделения испанцев.

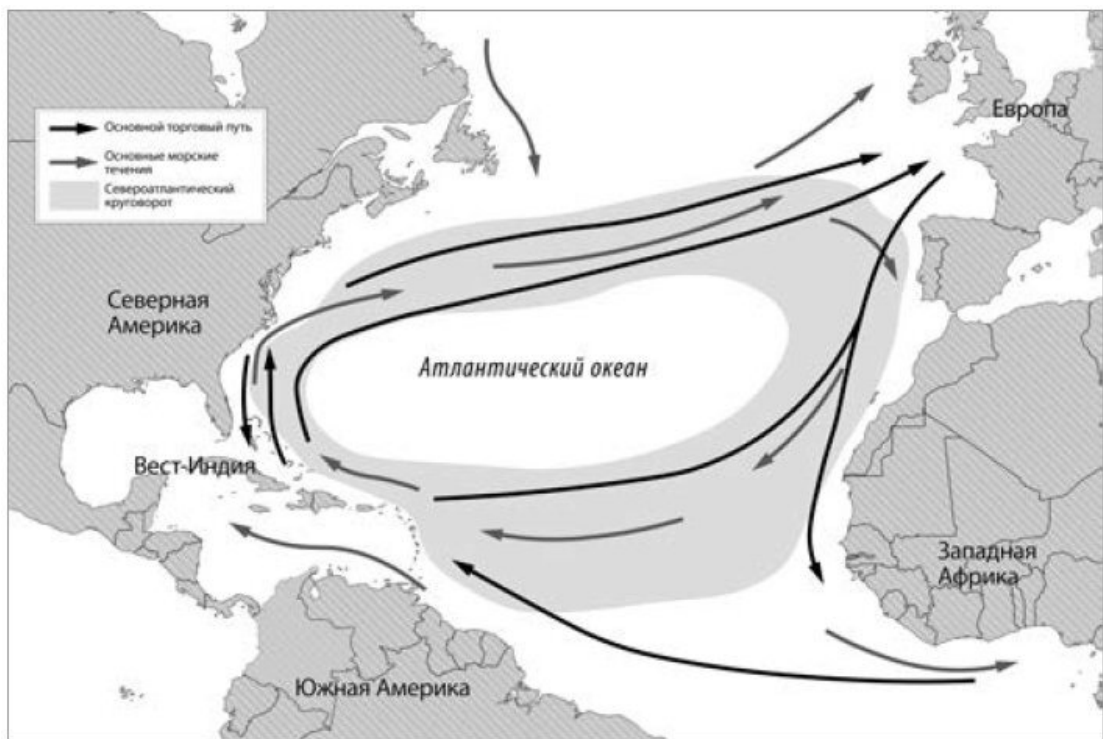

Рис. 2. Атлантические ветра и течения

Из-за течений и ветров добраться до Северной Америки было труднее, да и неясно было, насколько богатые там земли. Казалось, что в Северной Америке делать нечего. Испанцы, в частности, приходили не для того, чтобы поселиться на новой земле, а чтобы ее разграбить, поэтому их больше привлекала Южная Америка, с ее золотом и серебром. Испания – европейская страна, а в Европе постоянно враждовали. Испанской короне требовалась многочисленная армия, поэтому она не могла допустить эмиграции собственного населения. Так же вела себя и Португалия. Они довольствовались тем, что разрушали жизнь коренных жителей и обращали их в рабство, заставляя гнуть спину на плантациях, грабили чужое золото и серебро. Поэтому местным населением руководило небольшое количество авантюристов и наместников европейских королей. Удивительно, как горстке авантюристов удалось завоевать целые народы. Их технологический уровень развития, конечно, был выше, но победу они одержали только потому, что завезли из Европы болезни.

Португалия и Испания являлись победителями в краткосрочной, но не долгосрочной перспективе. Они не обживали Северную Америку по причине течений, ветров, погодных условий. Прибыв туда, путешественники сочли, что на Атлантическом побережье слишком часто бушуют штормы и что там живут индейцы, которых

не так легко запугать. Однако Северная Америка имела то, чего не было в Южной: в частности, пушных зверей, особенно бобров. Торговля бобровым мехом была удивительно выгодна для французов, которые также не слишком стремились осваивать земли, а предпочитали заниматься звероловным промыслом и торговлей. Французы воспринимали Северную Америку в качестве обширной территории, заселенной только индейцами и бобрами. Французские выходцы основали колонию в Квебеке, но, равно как и Испания, Франция не была заинтересована в масштабном оттоке своих жителей, поскольку французскому государству требовалось комплектовать армию. Однако отлов пушных зверей и торговля их мехом могли приносить существенную прибыль. А поскольку торговля шла лучше, чем звероловный промысел, французы завязали тесные коммерческие и политические связи с индейскими народами, вместо того чтобы тратить значительные силы на их подавление. Подобные отношения легли в основу французского могущества в Северной Америке.

Вторая особенность Северной Америки по сравнению с Южной – обширные и плодородные земли, пригодные для сельского хозяйства, а также речная система, по которой кораблями можно доставлять товары в порты. Первыми долгосрочные преимущества Северной Америки заметили англичане. Великобритания – это остров, так что государству не требуется большая армия. Английская корона могла себе позволить отпустить своих подданных осваивать Северную Америку, и новая земля радушно их принимала. В конце концов англичане выдавили с этой территории испанцев и португальцев, заменив в Северной Атлантике испанский флот собственными кораблями, и перекроили географию Северной Америки. Миграция являлась сложным, дорогостоящим и непрекращающимся процессом. Однако именно английские мигранты, английские поселенцы превратили Северную Америку в центр мировой системы.

Освоение англичанами новой земли началось с основания колонии на острове Роанок, на территории современной Северной Каролины. Это произошло в 1587 году – меньше чем через век после путешествия Колумба. Вскоре произошла катастрофа. Как только колония была основана, между Англией и Испанией разразилась война, поэтому в течение трех лет из Англии не приходили суда с продовольствием, а жители колонии не могли обеспечить себя сами. Когда война окончилась и к месту поселения

подошли английские корабли, оказалось, что колонисты таинственным образом исчезли.

Существует несколько версий относительно дальнейшей судьбы английских поселенцев из колонии Роанок. Наиболее очевидной является следующая: не получая продовольствия и не имея возможности в полной мере обеспечивать себя, поселенцы нашли пристанище у дружественных индейцев. Индейские племена, как и европейцы, постоянно воевали друг с другом. Есть основания полагать, что на племя, приютившее колонистов, напали враждебные индейцы, которые уничтожили и тех и других. Ужасная кончина в далеком от родины месте.

Прошло двадцать лет, прежде чем англичане предприняли новую попытку колонизации: на сей раз поселение было названо Джеймстаун (на территории современной Вирджинии). Это первое успешное английское поселение на восточном побережье Северной Америки. Английский король закрепил право колонизации за частным акционерным обществом под названием «Вирджинская компания»^[7], инвесторы ждали хороших дивидендов. Среди поселенцев были главным образом джентльмены, склонные к авантюризму и желавшие разбогатеть с чужой помощью, а также ремесленники и рабочие с амбициями поскромнее. Здесь иммигранты могли делать себе состояния, не выходя при этом за рамки английской классовой структуры, сохранившейся в нетронутом виде и определявшей, кто и какое состояние имеет право сколотить. Джеймстаун предопределил будущее Америки. Колонию финансировали инвесторы, ожидавшие существенной прибыли от честолюбивых замыслов и труда других. Джеймстаун стал точкой слияния английской аристократичности и американской предприимчивости.

В последующие десятилетия появились другие европейские поселения. Испанцы в 1607 году основали Санта-Фе (нынешний административный центр штата Нью-Мексико). Им хотелось еще больше золота, к тому же постоянно ходили слухи и легенды о несметных богатствах, ожидавших храбрецов на севере Мексики. Золота испанцы не нашли, но выяснили, что пустыни и горы, отделявшие современную Мексику от Северной Америки, ужасны. Жителям Мексики нужно было преодолевать пустыни, англичанам – океан. Нельзя было ожидать, что Джеймстаун переживет Санта-Фе на несколько веков. Через год после Санта-Фе (1608) на реке Св. Лаврентия появился Квебек. Время для основания поселений было

самое подходящее. В этом году развернулось соперничество трех крупнейших европейских городов: Лондона, Парижа и Мадрида, ознаменовавшее собой начало эпохи Новейшего времени.

Двенадцать лет спустя был основан Плимут (на территории современного штата Массачусетс). История Плимутской колонии лучше всего известна американцам, и потому многие из них считают, что она и была первым английским поселением. Это поселение, однако, было вторым после Джеймстауна, а если принять во внимание Роанок – то третьим. Как и в случае с Джеймстауном, колонизация местности финансировалась частной компанией под названием «Странствующие купцы» (Merchant Adventurers). Многие из числа поселенцев были совсем не отцами-пилигримами^[8], а искателями приключений, похожими на тех, что основали Джеймстаун. И не отцы-пилигримы управляли колонией, а «Странствующие купцы». Неудивительно, что колонию раздирали распри между пуританами и авантюристами, которых первые называли чужаками. Поэтому заключение Мэйфлауэрского соглашения^[9] оказалось трудным делом. Большинство мужчин-поселенцев в Плимуте были как раз чужаками. Однако если посчитать женщин и детей, которые не имели права голосовать, в большинстве оказывались пилигримы, поэтому они установили правила, лишившие чужаков права голоса, что вызвало существенные волнения.

Через пять лет после Плимута голландцы основали колонию под названием Новый Амстердам (на территории современного южного Манхэттена). Как и французы, голландцы по большей части приехали ради торговли, а не освоения территории. На средства Голландской Вест-Индской компании они обустроили торговый узел. Долина реки Гудзон надвое делила Аппалачи, открывая голландцам доступ к северному и западному Нью-Йорку и Великим озерам. В регионе водилось множество бобров, шкурки которых высоко ценились в Европе и шли на пошив мужских шапок. Охотники ставили капканы, выкупали зверей у индейцев, а затем продавали их на рынке, расположенном рядом с современным городом Олбани. Далее шкурки перевозились в Новый Амстердам, откуда кораблями доставлялись в Европу и там продавались. Гавань Нового Амстердама стала основным пунктом связи между Северной Америкой и Европой. Позже, в 1664 году, Англия захватила эту территорию и переименовала ее в Нью-Йорк.

Эти колонии предопределили американскую реальность. Каждая колония, по сути, являлась корпорацией, принадлежавшей инвесторам, которые шли на риск в надежде заработать значительные денежные суммы. Инвесторам было все равно, как и с чьей помощью будут получены деньги. Их не интересовало, шла ли прибыль от плантаций, основанных на рабском труде, или от торговых точек, контролировавших продажу меха, или от небольших ферм. Если протестантские сектанты желали думать, что они самостоятельно управляют Плимутской колонией, то компания «Странствующие купцы» не имела ничего против – до тех пор, пока отдача от вложенных средств была удовлетворительной. Последнее слово было за инвесторами, а на плечи поселенцев ложилась обязанность приносить прибыль.

Жизнь в Северной Америке

Атлантический океан и Аппалачи определяли характер жизни в поселениях. Расстояние между ними формировало не только коммерческий, но и моральный облик поселений. Аппалачи (рис. 3), расположенные к югу от Пенсильвании, находились на расстоянии более 300 км от Атлантического побережья. Земля там была ровная, обильная, плодородная – как раз для обширных сельскохозяйственных угодий. К северу от Пенсильвании расстояние между горами и океаном было гораздо меньше, почва каменистая и бугристая, а зимы – долгие. Такая местность подходила только для семейных ферм, занятия ремеслом, торговлей, банковским делом. На Юге для обработки просторных земель требовалась дешевая рабочая сила. На Севере в хозяйстве обычно нужны были один-два помощника, не больше. Данное различие предопределило ход американской истории и противостояние рабовладельческого Юга и свободного Севера, Конфедерации и Союза. Так было с самого начала. Из-за географических условий на Юге рабство было востребовано и приносило прибыль. На Севере, опять же из-за географических условий, рабство было экономически невыгодным. Таким образом, мы видим географическую подоплеку институционального и морального кризиса, который будет раздирать США несколькими столетиями позже.

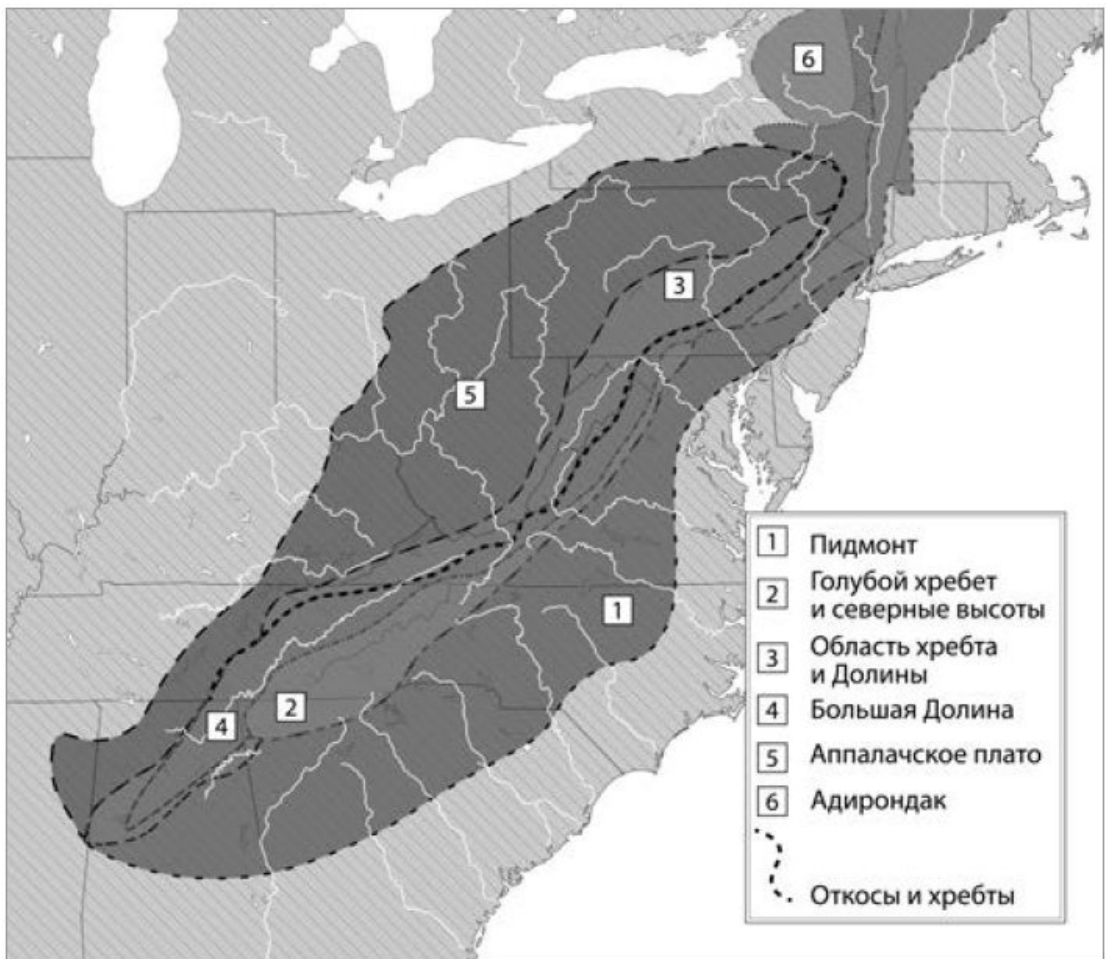

Рис. 3. Большая Долина Аппалачей

Две основные колонии являли собой две разные Америки (рис. 4). Юг, со значительным расстоянием от океана до Аппалачей, позволявшим возделывать обширные сельскохозяйственные угодья, формировал людей, чьи манеры, если не верования, отражали особенности английской знати, которой искатели приключений из Джеймстауна стремились подражать. На Севере кальвинистский аскетизм Плимутской колонии создал тип поселения, сочетавшего стремление к коммерческой деятельности с глубоким морализмом. Для каждого региона был характерен свой тип политического лидера; различие регионов вело к серьезному расколу в будущей республике. Рассмотрим двух лидеров эпохи Войны за независимость.

Джордж Вашингтон был правнуком Джона Вашингтона, прибывшего в Вирджинию в 1656 году. Отец Джона – англичанин из семьи убежденных монархистов. Когда же монархия потеряла свои позиции, отец Джона, имевший относительно высокий церковный чин, был лишен всех владений. Его сын устроился вторым

помощником капитана на корабль, направлявшийся в Америку. Джон был джентльменом, только очень бедным: он видел, как его семья растеряла в Англии все. В Америке он женился и постарался извлечь максимальную выгоду из своего нового положения. Он купил угодья под выращивание табака. В этом деле он преуспел и жил как английский джентльмен, не имевший титулов, зато окруженный рабами. Для того времени его история жизни была довольно обычной.

Джон Адамс родился в семье пуритан в Массачусетсе. Его отец служил диаконом в церкви, а дед по материнской линии был врачом. Адамс тяготел к профессиональным занятиям юриспруденцией и совершенно не желал подражать английской знати. Ему представлялись отличные возможности сделать карьеру в банковской сфере и кораблестроении. В Новой Англии был шанс обогатиться, но он жил как представитель того класса, который англичане называли средним.

Все поселенцы были родом из Англии, но устремления, приведшие их в Америку, различались. Некоторые прибывали, чтобы вести роскошную жизнь английской знати – имея просторные дома и используя в качестве слуг африканских рабов, за неимением других. Другие, приехав в Америку, становились солидными представителями среднего класса: проповедниками, адвокатами, коммерсантами. Большинство же приезжало, чтобы зарабатывать на жизнь своими руками. Как и миллионы других людей, прибывших в страну впоследствии, они искали работу, где их умения были бы востребованы, либо земельный участок, который могли бы возделывать. Их ожидания от жизни были скромными: лишь бы было лучше, чем на родине. Некоторые стремились преуспеть в коммерции – честно заработать и сохранить капитал. Были и те, кто мечтал об аристократической жизни, которой лишился в Англии.

Подобная разница объяснялась не только фактом существования Аппалачей. Свою роль сыграли и реки. К югу от Нью-Йорка все реки, стекавшие с Аппалачей, устремлялись на восток, в Атлантический океан. К северу от Нью-Йорка они текли с севера на юг, связывая штаты. Южные же реки штаты не связывали. Они не служили транспортными путями между штатами, а строительство дорог было сложным и дорогостоящим предприятием. На юге каждое поселение жило собственной жизнью и не стремилось менять ситуацию.

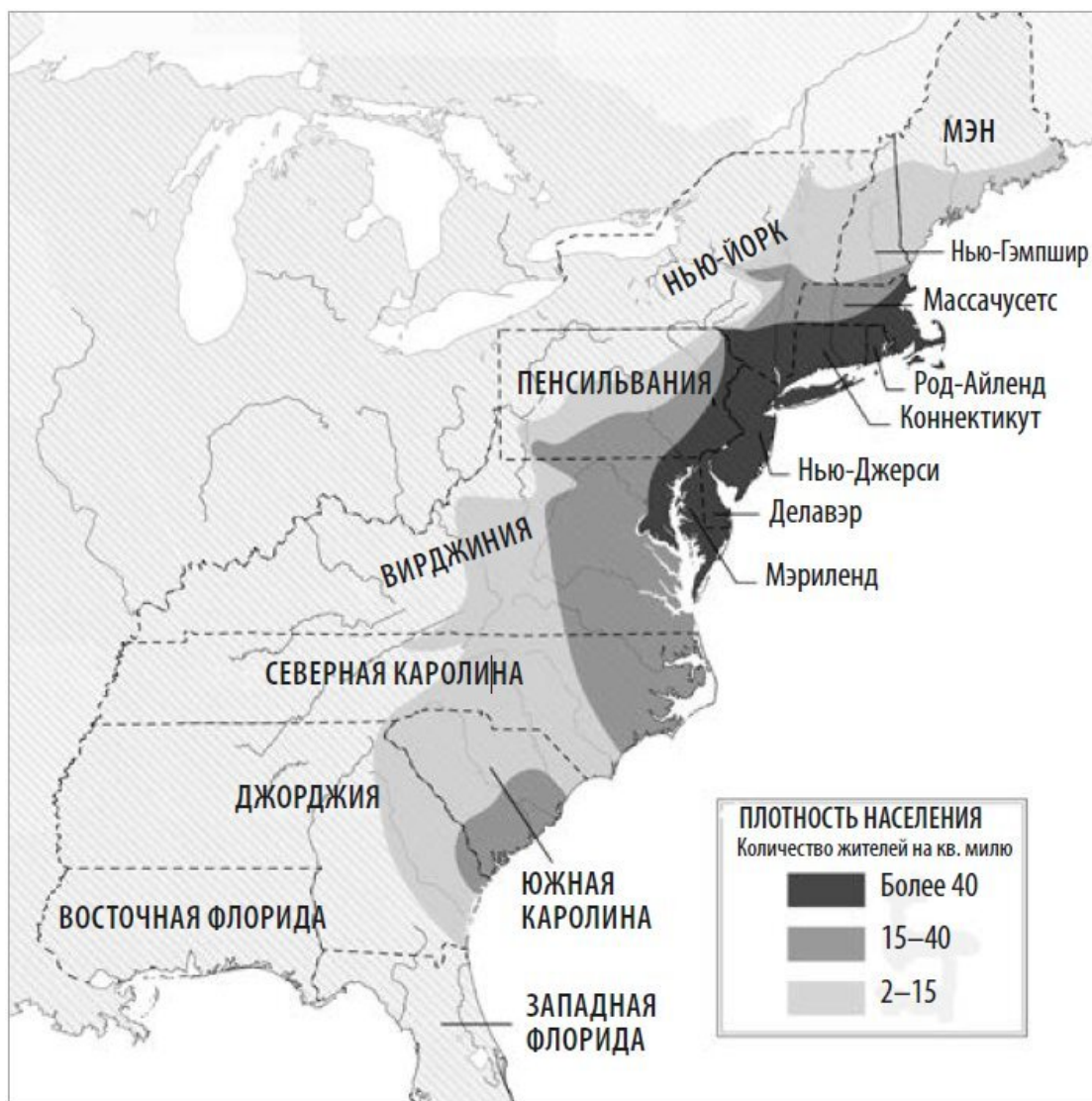

Рис. 4. Американские поселения, 1775 г.

Был и другой фактор, изолировавший южные колонии друг от друга и от Севера, – помимо плохо развитой транспортной сети, большой территории и разрозненности населения. Юг производил совершенно другие товары: табак и хлопок. И то и другое экспортировалось, в первую очередь, в Англию, а не на Север. Юг и желал бы независимости, но колонисты этого региона ощущали себя скорее жителями отдельных поселений, объединившихся с другими поселениями, чем собственно американцами. Идея единой нации под руководством одного правительства наталкивалась на географические реалии Юга. На Севере же, называемом Новой Англией, расстояния были короче, плотность населения – выше, и различия менее заметны. Идея наделенного значительными полномочиями правительства на Севере прижилась быстрее.

Фундаментальной проблемой, однако, были не отношения Севера и Юга, а скорее отношения поселений с Англией.

Истоки Соединенных Штатов

В 1754 году разразилась Семилетняя война. В той или иной степени в ней были задействованы все европейские державы, а отклики войны чувствовались и за океаном. Воевали два союза: один возглавляли англичане, другой – французы, началом конфликта стал спор относительно статуса Силезии. Еще одним поводом для противостояния послужили британские колонии в Северной Америке. Французы опасались, что англичане выживут их из Северной Америки, а англичане – что французы вместе с союзниками-индейцами захватят британские поселения. Однако настоящей причиной военного конфликта было выяснение того, кто будет доминировать в Европе и за океаном – Англия или Франция.

В Северной Америке стратегическим вопросом был контроль над областью Огайо. «Сердце» этой территории, находящейся к западу от Аппалачей, – река Огайо. Французы желали избавиться от британского контроля – в том виде, в каком он был, – на землях к западу от Аппалачей. Однако англичане обосновались к востоку от Аппалачей, поэтому французам нужно было пересечь горную цепь, вторгнуться в колонии противника и таким образом вынудить британцев покинуть территорию Северной Америки. Аппалачи превратились в поле военных действий (рис. 5).

Англичане воспринимали происходящее лишь как небольшую часть глобальной войны. Для колонистов же на карту было поставлено все. Они организовали ополчение, чтобы противостоять французам и их союзникам-индейцам. Одним из командующих был 22-летний майор Джордж Вашингтон. Колонисты еще следовали английской традиции, согласно которой в военной карьере важнее было происхождение, а не опыт. Вашингтон был не худшим командиром, однако в некоторых ситуациях его удача зависела исключительно от непроходимости Аппалачей. Колонисты сами держали оборону. Британская корона находила более важные занятия для своих войск.

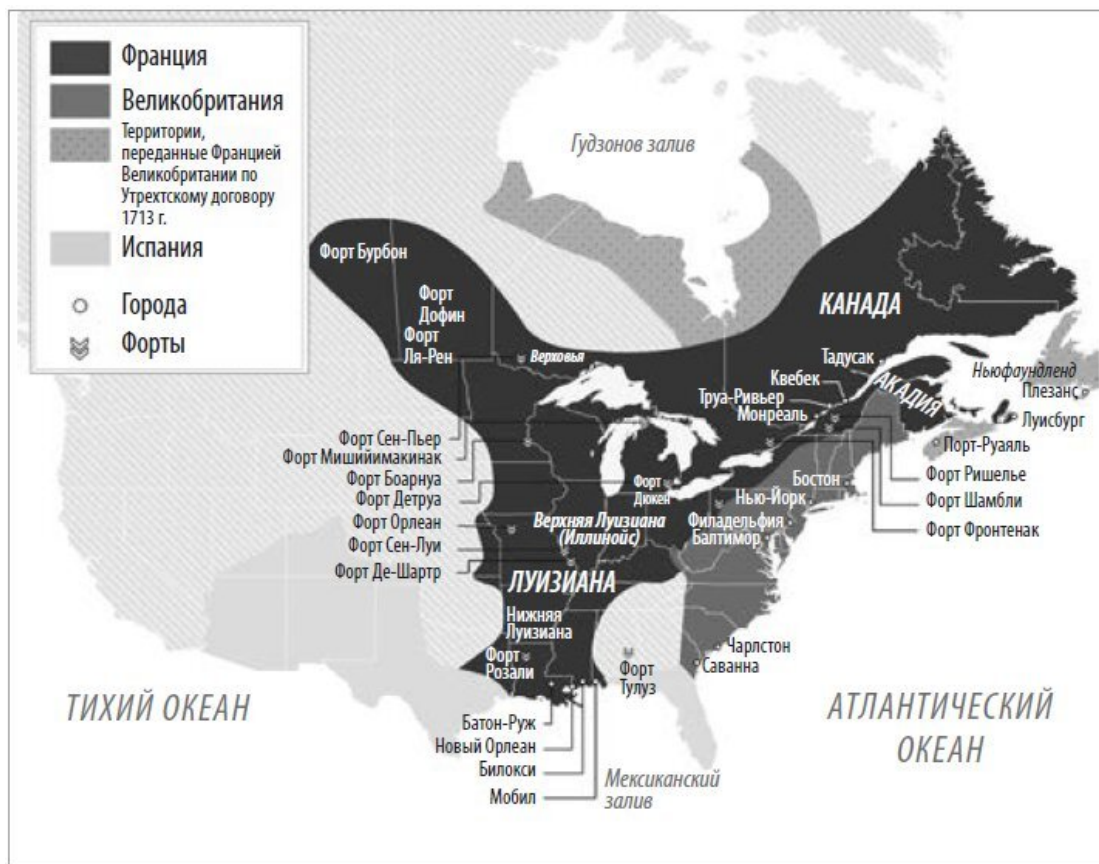

Рис. 5. Истоки США

Через какое-то время англичане все-таки прислали на подмогу войска под командованием генерала Эдварда Брэддока. Он не знал, что представляют собой Аппалачи. Англичане привыкли вести войны на севере Великой европейской равнины, весьма ровной поверхности. Там крупные военные формирования шли в наступление и маневрировали стройными рядами и колоннами солдат. Так сражались джентльмены.

Однако в Аппалачах сражаться по-джентльменски было невозможно: мешали гористый ландшафт и непроходимые леса. Здесь нужно было воевать поодиночке или небольшими группами, прятаться между скал и деревьев, устраивать засады. Маскировка и внезапные нападения являлись ключевыми навыками успеха в Аппалачах. А большая численность и строгий порядок были просто невозможны. Индейцы, конечно же, хорошо это знали, равно как и французы, перенявшие опыт индейцев. Среди колонистов подобную тактику применяли джентри^[10], желавшие походить на английскую знать, и бедняки, добывавшие себе в горах пропитание и считавшие тех – своих более успешных коллег по новой жизни – весьма

странными. Преимущество Вашингтона заключалось в том, что он реалистично оценивал сложившуюся военную обстановку.

Брэддоку и его офицерам практикуемые колонистами способы ведения войны казались недостойными. Выиграть войну для них значило не просто победить, но одержать победу с достоинством и красиво. Поэтому англичане пренебрежительно относились к американскому ополчению. Американцы, по их мнению, сражались как варвары. Для людей вроде Вашингтона, полагавших себя англичанами, офицерами и джентльменами, подобное отношение было невыносимо. Оно напоминало им о том, что британские аристократы считали их ничтожествами. Данную ситуацию можно назвать началом разрыва между Великобританией и колониями. Генерал Брэддок потерпел сокрушительное поражение в Северной Америке, приведя своих подчиненных к катастрофе. Однако даже на фоне этого поражения колонисты продолжали восприниматься людьми второго сорта.

Война настроила колонистов, особенно представителей влиятельных кругов, против британцев. Первоначальный гнев уступил место прозрению. В этот момент колонисты поняли, что они не англичане, а американцы. Война и Аппалачи способствовали возникновению самосознания нового народа.

Борьба за Аппалачи изменила американский характер и начала формировать нацию. Даже колонисты, желавшие походить на британскую аристократию, при этом не разделяли ее взгляды, согласно которым право на власть никак не зависело от их умений или заслуг. Для американцев, которым с трудом доставались все их достижения, личные заслуги были главным критерием. Даже Вашингтон, будучи джентльменом в третьем поколении, разделял такую точку зрения. Он скорее был аристократом в самом что ни на есть американском понимании этого термина. Британское презрительное отношение сообщило колониальной Америке необходимое направление мыслей. Наблюдение за действиями британских войск во время сражений в Аппалачах убедило повстанцев в том, что победа в Войне за независимость возможна. В конце концов, британцы сдались поселенцам в битве за Йорктаун, но те все-таки потеряли свои колонии несколькими годами ранее в районе форта Дюкен в Пенсильвании, где Брэддок потерпел поражение. Тогда британцы были разбиты в сражении, которое, как предполагалось, должны были выиграть. Этот урок американцы не забыли.

Поражение Брэдока обнажило культурную пропасть между колонистами и британцами. Американцы осознали, что англичане понятия не имеют, что такое Америка. Они осознали, что у Америки – свое, особое место. В каком-то смысле для южных штатов это был шок. Им был ближе скорее британский общественный строй, нежели социальное устройство Новой Англии. Однако всем стало ясно, что британская модель истории не станет американской. Началось глубокое переосмысление внутренней сущности Америки.

Люди, подписавшие Декларацию независимости, принадлежали к поколению, жившему в эпоху Семилетней войны. Почти все, кто поставил под ней свою подпись, родились между 1720 и 1740 годом, и Соединенные Штаты кардинально изменили их жизнь. В 1720 году примерно 466 тысяч европейцев проживали в поселениях. К 1740 году их количество выросло до 900 тысяч, а к 1776-му – до двух с половиной миллионов человек. Численность колонистов была сравнима с населением такой зрелой континентальной державы, как Португалия. Для этого поколения были одинаково близки и особенности жизненного уклада предков за Атлантическим океаном, и новые реалии колонистской жизни в Аппалачах. А кто-то, как Томас Джефферсон, смотрел поверх Аппалачей.

Реки Америки

Америка не смогла бы выжить, если бы ее территория ограничилась узкой полоской земли вдоль Восточного побережья. Британцы не забыли о тех колониях, власть над которыми утратили, и США было бы непросто защитить себя. Штаты располагали малочисленным флотом и не могли свободно перебрасывать военные силы в нужное место. Всему виной были реки (рис. 6). Большинство из них текло с запада на восток, беря начало в горах и впадая в океан. Поэтому перемещать военные силы на север и юг было затруднительно. Направление течения рек делало Соединенные Штаты уязвимыми, лишая их необходимой стратегической глубины^[11]. А с другой стороны Аппалачей были и жизненно важная глубина, способная решить множество проблем, и выдающаяся речная система.

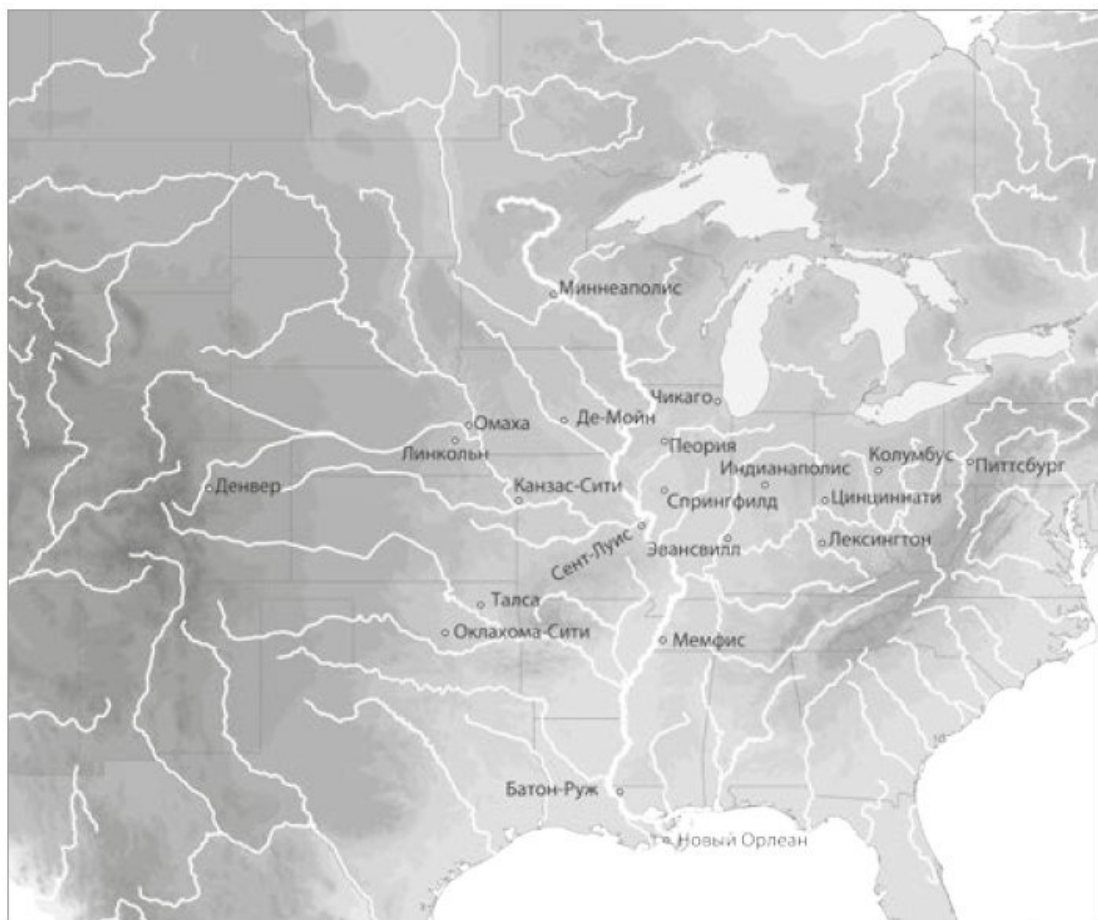

Рис. 6. Реки Америки

Решающим элементом американской экспансии стала Айтаска – крохотное озеро, расположенное на севере Миннесоты, красивой труднодоступной местности в 160 км от Канады. Площадь озера составляет всего 4,4 кв. км. Из озера по направлению на юг берет начало поток шириной 6 м. Индейцы племени оджибве дали этому потоку название Миссисипи, то есть «большая река». Миссисипи течет на юг, имеет 13 основных притоков, не считая 77 менее важных впадающих в нее рек. Большинство из них судоходны, и все они текут на юг, впадая в Мексиканский залив и океан. Недалеко от места впадения Миссисипи в Мексиканский залив расположен город Новый Орлеан (основан в 1718 году).

Джефферсон в свое время писал, что «единоличное владение Францией Луизианой^[12]... – это зарождающийся смерч, который обрушится на страны по обе стороны Атлантики и смешает их самые высокие планы». Джефферсон предвидел, что нация, получившая контроль над Луизианой, может превратиться в наиболее могущественную в мире. Как оказалось, он был прав.

Поскольку Наполеон крайне сильно нуждался в наличных деньгах, а Джефферсон настойчиво пытался заполучить Луизиану, Соединенные Штаты за 15 млн долларов – невероятно низкую сумму даже по меркам того времени – завладели ключом к глобальной власти^[13]. Наполеон был великим полководцем. Джефферсон знал толк в масштабных замыслах.

Томас Джефферсон полагал, что благодаря этому региону США обретут не только стратегическую глубину и безопасность. Благодаря этим территориям поселенцы получают возможность стать владельцами земель и возделывать их. Но что еще более важно – излишки товаров можно сплавлять на баржах по рекам на юг, в Новый Орлеан, далее грузить на океанские корабли и продавать в Европе. Подобная торговля создаст процветающую Америку, основу которой будут составлять состоятельные, свободные и равные друг другу фермеры. Подобный замысел был невозможен ни к востоку, ни к западу от Аппалачей – на территориях Северо-Запада, потому что над теми землями все еще нависала европейская угроза. Если бы Соединенные Штаты могли овладеть территориями восточнее Скалистых гор, то они обрели бы безопасность и стали бы великой державой.

Чтобы осознать последствия сделки, заключенной Джефферсоном, важно принять во внимание акт, принятый Конгрессом в 1787 году, под названием Северо-Западный ордонанс. Речь о Северо-Западной территории, области между Аппалачами и Миссисипи, которая перешла США от Великобритании по итогам Войны за независимость. Документ лег в основу перекраивания западных территорий. Согласно Ордонансу, Северо-Западная территория по мере роста населения должна быть разграничена на новые штаты, а не колонии. Документ законодательно запрещал рабство на создаваемых территориях. Он позволял ветеранам Войны за независимость приобретать землю за символическую плату, становясь полноправными землевладельцами и получая возможность заниматься коммерческой деятельностью на приобретенных участках, а также продавать их. Они не должны быть чьими-то слугами. И наконец – самое необычное нововведение: правительство каждого штата должно было путем продажи земель профинансировать строительство университета на своей территории. Так в 1804 году появился университет штата Огайо. Все эти меры относились и к Луизиане, способствуя возникновению на ее территории прослойки мелких

землевладельцев и обязательных университетов. А эти университеты коренным образом изменяют Америку.

У Джефферсона также имелись и политические мотивы для западной экспансии:

Чем шире наш союз, тем меньше он будет подвержен местным распрям; и в любом случае, не будет ли лучше, если другой берег Миссисипи станет заселяться нашими братьями и потомками, а не чужаками из другой семьи?

По мнению Джефферсона, для покупки земель, помимо стратегических причин, существовали еще и крайне важные политические: чем больше страна, тем она стабильнее, так как локальные конфликты имеют куда более ощутимые последствия в небольшом государстве, по сравнению с крупным. Имелась также и причина экономического характера. Луизиана располагала одними из богатейших в мире сельскохозяйственных земель. Данное обстоятельство могло стать фактором роста американской экономики, сдерживая центробежные силы, возникающие по мере экономического развития. Джефферсон стремился предупредить угрозу фрагментации государства и попутно создать экономическую базу, которая смягчила бы процесс прохождения Соединенными Штатами исторических циклов.

Луизианская покупка станет движущей силой, которая приведет Соединенные Штаты к мировой власти век спустя. Эта сделка также создаст силу, которая положит конец первому циклу американской истории, когда западные переселенцы бросят вызов власти банкиров с Восточного побережья и владельцев плантаций. Если форма государственного устройства заложила моральные и политические основы американского могущества, то Луизианская покупка приведет в действие экономические силы, которые последовательно, на протяжении более чем двух столетий, будут руководить сменой исторических циклов в Штатах.

Войны с индейскими племенами

Много сломано копий по поводу того, как называть коренных жителей Северной Америки. Разумеется, наилучшие обозначения – те, с помощью которых данные народы называют себя сами. Однако важно также иметь общий термин для всех этих народов. Понятие «индейцы» берет начало от Колумбовой ошибки в расчетах. Если называть их «коренными американцами», то выйдет, что их так называют в честь итальянца. Канадцы предпочитают говорить

«исконный народ», но основной недостаток этого термина в том, что он не соответствует действительности. Они жили в Западном полушарии в течение тысячелетий и, как все народы, воевали друг с другом, захватывали чужие земли. Народы, жившие в то время, когда на континенте появились европейцы, вряд ли можно назвать «исконными». Трудности с обозначением указывают на сложность моральной дилеммы. Я употребляю термин «индейцы», поскольку он не менее уместен, чем все остальные варианты, и широко распространен.

Северная Америка была заселена индейскими племенами (рис. 7), и ранняя история Соединенных Штатов тесно переплетена с историей этих племен. В Мексике и Перу испанские конкистадоры ошеломили ацтеков и инков и быстро разрушили их государства. В Северной Америке обстоятельства сложились иначе. Во-первых, индейских племен было много, и уничтожение одного не приводило к исчезновению другого. Существовало множество племен, различных языков, культур. Эти племена задолго до прихода европейцев на континент подвергались нападениям чужеземцев – таких, как тольтеки или апачи. Они вели войны, дипломатические переговоры, сражаясь с команчами или вступая в Лигу ирокезов.

Чужеземцы были частью североамериканской культуры, и появление еще одной группы чужеземцев, даже учитывая странный внешний вид и новые технологии европейцев, психологического кризиса не вызвало. К примеру, ирокезы руководили сложным союзом различных племен, а также покоренными народами. Европейские технологии, такие как выплавка железа и изготовление пороха, были для них в новинку, но, учитывая количество европейцев и их неспособность ориентироваться на местности, неудивительно, что ирокезы и другие коренные жители не только не отступали, но и поначалу побеждали пришельцев при столкновениях.

Основные индейские народности в 1800 году распределялись так:

Рис. 7. Индейские народности, 1800 г.

Карта расселения индейцев Северной Америки была похожа на карту любого региона Восточного полушария. Континент был поделен между группами, чуждыми и зачастую враждебными друг к другу. Имелись подгруппы, сопротивлявшиеся появлению мощной центральной власти. В целом индейцы не были ни миролюбивее, ни воинственнее любой другой народности в мире. Факторами, препятствовавшими погружению территории в пучину всеобщей войны, служили размеры и слабая заселенность континента: это позволяло более слабым группам отступать и выживать, ведя кочевой образ жизни. В этом отношении Северную Америку можно сравнить с Центральной Азией и другими частями Евразии. Дело в том, что определение радикальных различий между индейской и европейской культурой возможно только до некоторой степени. Если же шире взглянуть на индейцев, считающих себя отдельными народами и вовлеченных в дипломатические отношения и междоусобные войны, то различия перестают быть заметными. И так же, как в Европе, эти национальные группировки зачастую были раздираемы противоречиями. Крайне важно понимать, что индейские племена не считали себя единым народом. Друг друга они тоже воспринимали как чужеземцев, а к европейцам относились как к экзотическим, но, в конечном счете, доступным для понимания существам.

Вторжение европейцев создало сложную геополитическую ситуацию: индейские племена вступали в союзы с европейцами,

иногда сражаясь с другими европейскими народами, а иногда – и с другими индейскими племенами. Порой союзы были долговечными; в других случаях быстро распадались. У европейцев, а затем и у американцев имелось три преимущества. Во-первых, поскольку они смогли закрепиться на новых территориях, у них была возможность постепенно прибывать на континент в огромном количестве. Во-вторых, их технологические навыки превосходили умения индейцев. Наконец – и это самое важное – индейцы увязли в противоречиях друг с другом, и союз с европейскими силами мог помочь им одержать верх над врагами. Еще одним преимуществом, – более разрушительным, чем оружие, – были болезни, которые европейцы принесли с собой и к которым у индейцев не было иммунитета.

Жизненно важна история команчей для понимания истории Северной Америки. Пекка Хямляйнен в своей отмеченной наградами книге «Империя команчей» рассказывает о взлете, господстве и падении агрессивной индейской империи, существовавшей во времена американского продвижения на Запад. До 1700 года команчи были крохотным народом, жившим на землях каньона в Нью-Мексико. До этого они обитали на территориях Центральных равнин, но были вытеснены оттуда более сильными народами и отступили в негостеприимные земли каньонов, где они были в безопасности, потому что никто больше не претендовал на их пустынную местность. Как пишет Хямляйнен:

Несмотря на скромное начало, исход команчей на юг к Великим равнинам – один из поворотных моментов ранней американской истории. Обычная миграция превратилась в полномасштабный проект колонизации с далеко идущими геополитическими, экономическими и культурными последствиями. В результате началась полувековая война с апачами, которая привела к переносу Апачерии – автономного масштабного геополитического образования – с лугов к югу от Рио-Гранде в самый центр северной части Новой Испании. Вторжение команчей в южные равнины было, по сути, самой долгой и кровопролитной завоевательной кампанией, свидетелем которой стал американский Запад – и еще станет, вплоть до агрессии Соединенных Штатов через полтора столетия.

В то время испанцы уже обосновались в Мексике, и команчи стали торговать украденными у них лошадьми, которых те завезли из Европы. Команчи ухватились за эту новую технологию, новый

для них образ жизни – и блестяще справились. Воины-команчи стали прекрасными наездниками, намного более искусными, чем другие индейцы или европейцы, знакомые с лошадьми целое тысячелетие. Лошади и историческое недовольство изгнанием с исконных территорий стимулировали возрождение команчей в новом качестве.

В течение следующего столетия команчи покинули истощенные земли каньонов и продвинулись к равнинам к востоку Скалистых гор. К концу XVIII века они создали огромную империю (рис. 8), изгнав с обжитых мест проживавшие там народности. Их достижения состояли не просто в том, что они заняли определенные районы. Разведывательные отряды команчей уходили на большие расстояния от этих районов, так что область их влияния была даже значительнее, чем обычно указывается на картах. Освоив технику конкистадоров, они сами стали конкистадорами.

К XIX веку команчам удалось заблокировать продвижение европейцев в глубь страны. Хямляйнен так описывает ситуацию в Северной Америке во время активного продвижения на запад об Аппалачей:

Вместо того чтобы рассматривать действия коренных жителей по отношению к колонистам исключительно как стратегию выживания, можно взглянуть на все с другой точки зрения: согласно ей, индейцы тоже могли затевать войну, обмениваться товарами, заключать договоры и захватывать людей для того чтобы расширять свои территории, заниматься вымогательством, манипулировать и доминировать...

Судьба коренных культур не была предрешенным необратимым скатыванием к утрате земель, вымиранию населения и культурной деградации.

Команчи были настолько же кровожадны, как и европейцы, если не больше. Они уничтожали другие народности, поработав и истребляя их физически. Их беспощадность нагоняла страх не только на другие племена, но и на европейских поселенцев. Однако, вдобавок к этому, у них была развитая культура, они были весьма цивилизованным народом.

Предположение, будто европейские поселенцы просто подавили беспомощные и высокодуховные народы или что бессильные дикари были сметены ими с пути, не соответствует действительности. Фактически европейцы одержали верх над способными и умелыми создателями империй, оказавшимися

слабее. Команчи и ирокезы, равно как ацтеки и инки, стояли у истоков могущественных империй, подчиняя своей власти другие народы. Они умели пользоваться собственной силой. И индейцы, и европейцы были в полной мере наделены достоинствами и пороками, свойственными человеческой природе.

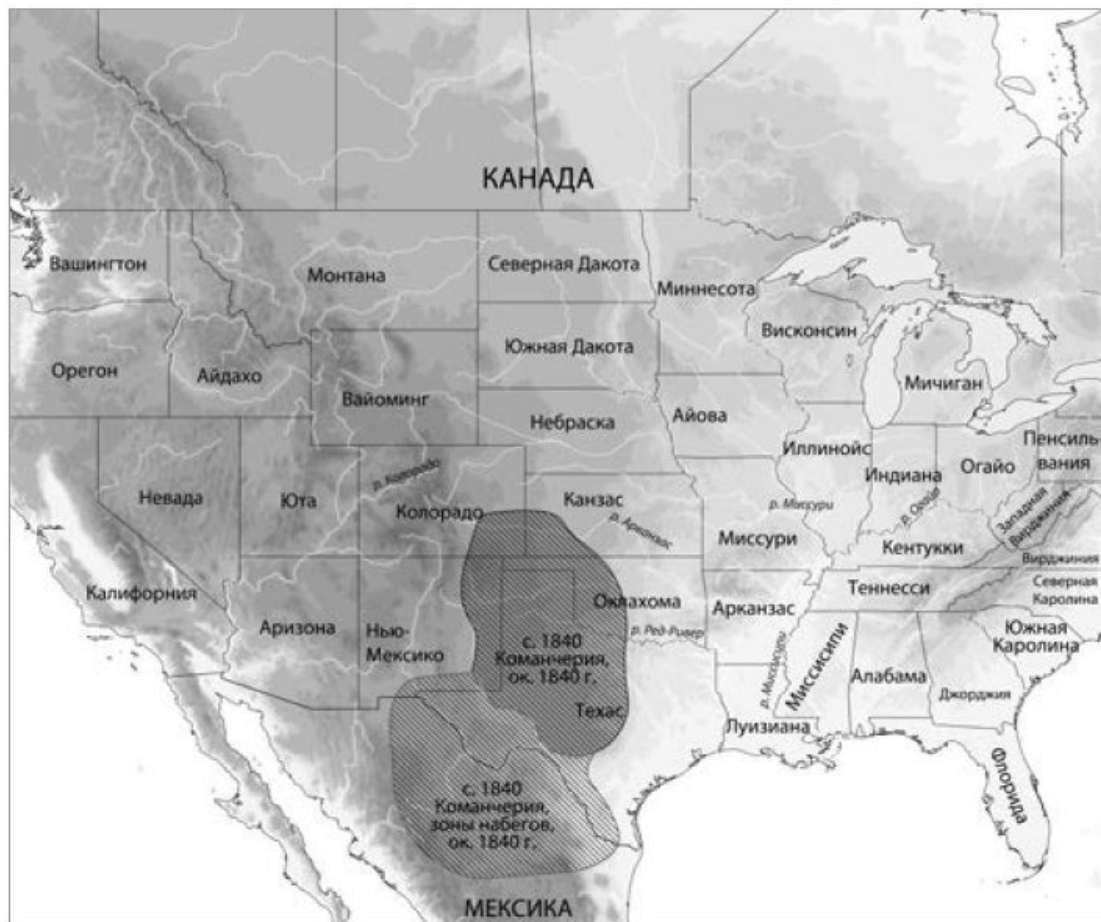

Рис. 8. Империя команчей (Источник: книга П. Хямляйнена, 2008)

Индийские народности, населявшие Северную Америку, на каждом этапе развития Соединенных Штатов выступали то жертвами, то союзниками, то врагами, то завоевателями. В итоге они проиграли, отчасти потому, что отставали в технологическом смысле, отчасти – по политическим причинам. До самого финала в 1880-х годах они ни разу не создавали полноценный альянс между собой. Некоторые индейские народы считали дружбу с американцами выгодной для себя, рассчитывая с их помощью одержать победу над более опасными врагами. Неприязнь апачей и команчей друг к другу была сильнее их ненависти к американцам, особенно в самом начале европейского переселения. Американцы

же, как и все успешные завоеватели, включая римлян и британцев, обращали междоусобные раздоры в свою пользу.

Было бы интересно представить себе развитие ситуации в том случае, если бы индейцы сплотились и действовали совместно против европейцев. Но это было невозможно. Поскольку континент был огромным, аборигены хорошо знали местность, где обитали, и своих непосредственных соседей, но понятия не имели об отдаленных районах. Они не разговаривали на одном языке, не поклонялись одним богам. И точно так же, как люди по всему земному шару, друг друга они опасались больше, чем неизвестно откуда взявшихся чужаков. По мере усиления мощи Соединенных Штатов американцы одержали победу над британцами, прогнали французов, вынудили мексиканцев отступить к югу и разбили индейские племена и империи, объединившись для победы над врагом, который, в свою очередь, не мог противопоставить им аналогичное единство. Поэтому исход был предрешен.

Великие равнины

Просторы между Аппалачами и Скалистыми горами представляются мне частью единой гигантской равнины квадратной формы. Ее размеры – примерно по 1600 км с востока на запад и с севера на юг, ее площадь – 2,5 млн кв. км. Имеются и холмистые, и совершенно плоские участки. Но едва ли найдется место, где нельзя было бы возделывать плугом и засеять землю.

Для того чтобы культивировать равнину, нужна вода. По способу образования воды вся территория делится на две части, образуя два различных региона. В восточную часть вода приходит в виде дождя (рис. 9). В западной части имеется водоносный слой – месторождение подземных вод.

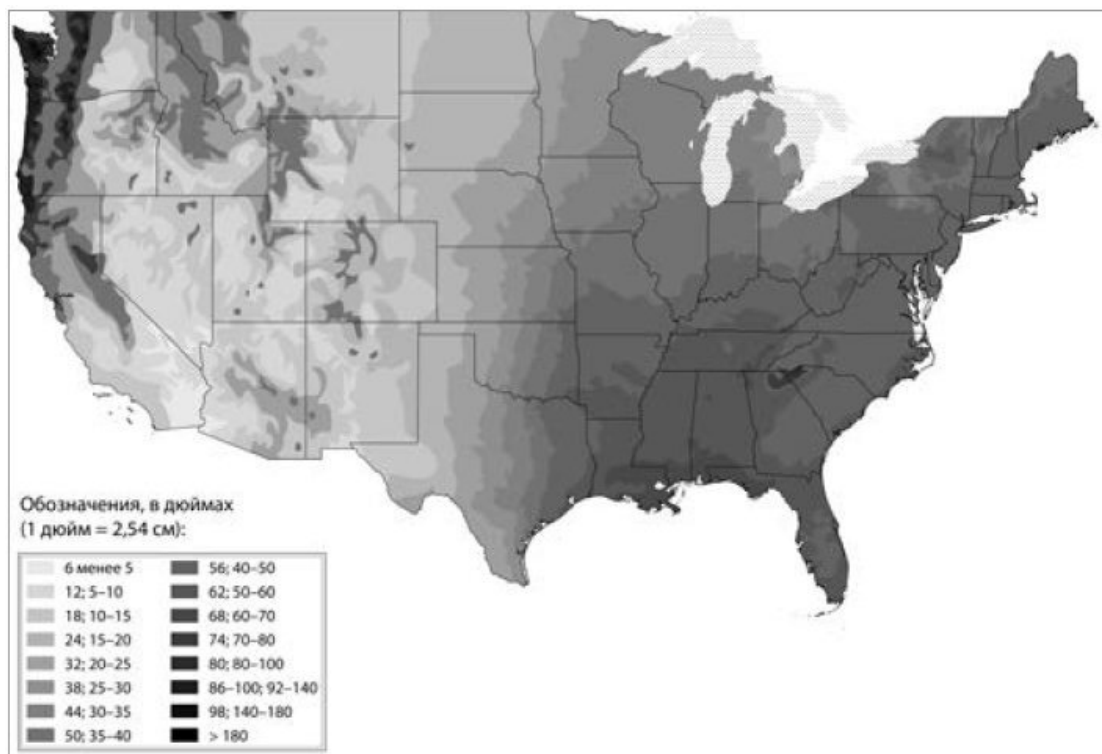

Рис. 9. Среднегодовое количество атмосферных осадков, 1961–1990 гг.

Существует граница, за которой выпадение осадков резко снижается. Эта линия, идущая от Миннесоты к центральному Техасу, – 100-й меридиан, четко разделяющий континент.

К востоку от данной линии располагались густые леса (рис. 10). Первопроходцам приходилось вырубать их, чтобы отвоевать землю под сельское хозяйство. Бревна они пускали на строительство домов в наших размышлениях о первых поколениях, пересекших Аппалачи^[14], подобная деталь становится глубоко символичной. Она напоминает нам о бревенчатой хижине, в которой родился Авраам Линкольн^[15]. Благодаря дождям и множеству лесов людей на востоке прибавилось, и эта густонаселенность наблюдается и в наши дни (рис. 11). Можно прочертить линию с севера на юг на карте США, по мере перехода через которую количество атмосферных осадков уменьшается, деревья встречаются реже и заселенность этих регионов снижается.

К западу от этой линии все еще бывают дожди, среднегодовое количество осадков в большинстве случаев составляет 38–50 см. Однако такого количества воды недостаточно для появления лесов. Поэтому на данной территории царствует безлюдная прерия, запечатленная во множестве ковбойских легенд. Поселенцы, добравшиеся сюда, строили дома не из дерева, а из дерна: на сотни

миль тянулись пространства, покрытые засохшими остатками корней травы. И эта земля оказалась пригодной для земледелия, потому что выяснилось – к большому удивлению первых поселенцев, – что под землей находятся значительные запасы воды, и ее можно добывать с помощью скважин.

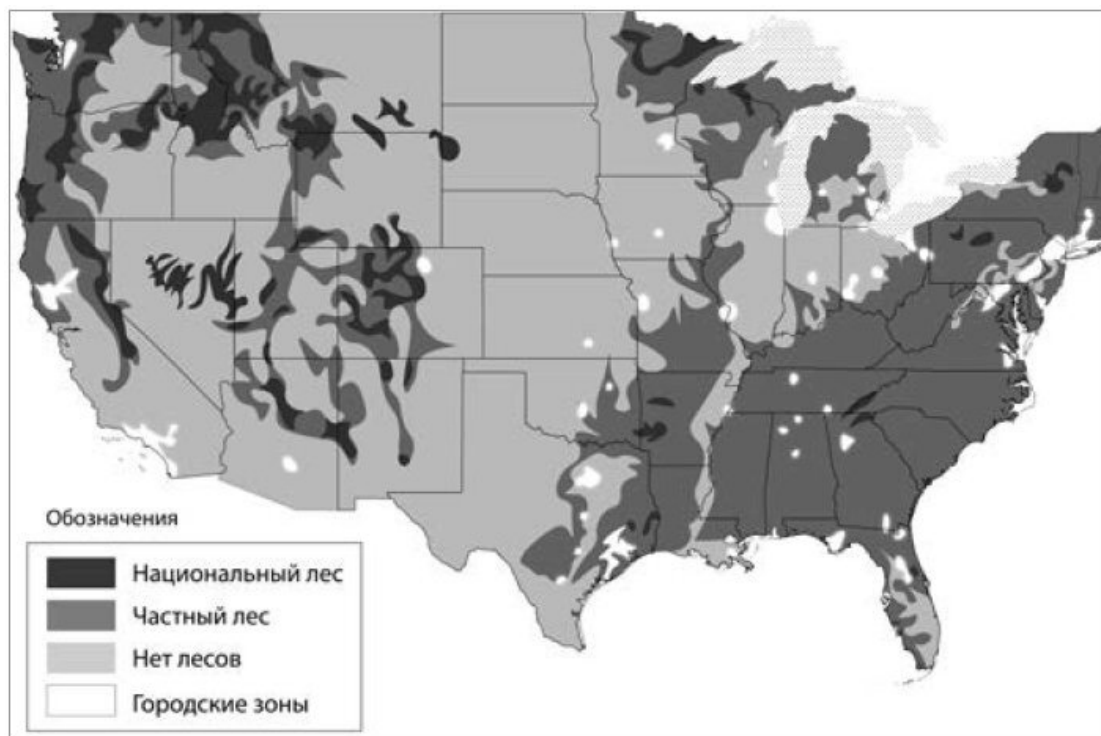

Рис. 10. Леса США

Нехватка древесины и добавившийся к этому труд по бурению скважин означали, что в этой области проживало (и до сих пор проживает) гораздо меньше людей. Такая ситуация породила два разных образа жизни. На востоке множились фермы, не испытывавшие недостаток рабочей силы, и так появились столь дорогие американской душе небольшие городки. На западе же люди жили на большем расстоянии друг от друга, поэтому, чтобы не слишком нагружать водоносный слой на каком-либо одном участке, бурить скважины приходилось глубже, что было намного сложнее. Чем дальше люди продвигались на запад, тем менее вероятными становились фермерские хозяйства и более вероятными – ранчо, владельцы которых занимались скотоводством, выпасом скота. На западе поселения, меньшие по размеру, были разбросаны далеко друг от друга, и их обитатели полагались скорее на себя, чем на соседей. Так сформировались две абсолютно разные этические системы. На востоке все решали сообщества. На западе каждый был сам по себе. Данный факт вызвал к жизни разные политические системы координат. На востоке требовалось сотрудничество. На западе сотрудничество лишь усложняло ситуацию.

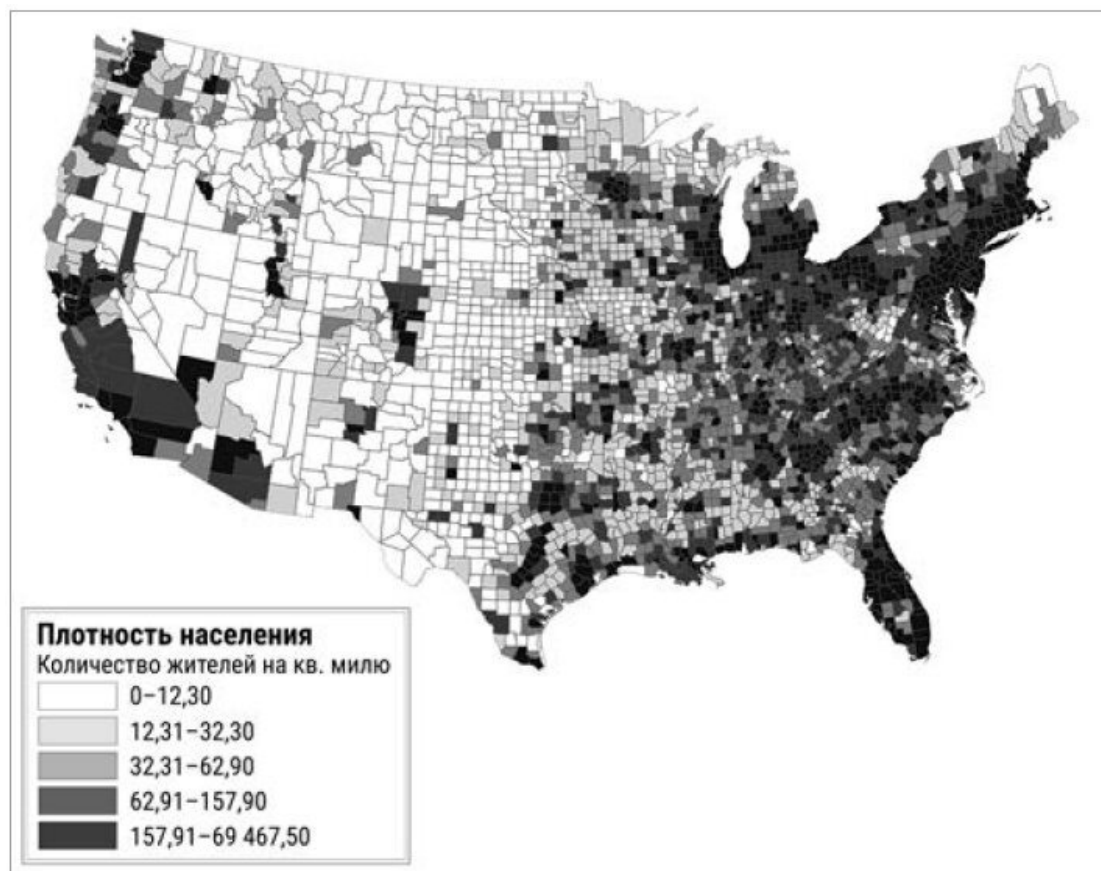

рис. 11. Плотность населения, 2010 г.

Защищая Новый Орлеан

Существование Соединенных Штатов стало возможным благодаря рекам (рис. 12). Новый Орлеан находит рекам практическое применение. Без этого порта Великие равнины были бы бесполезны.

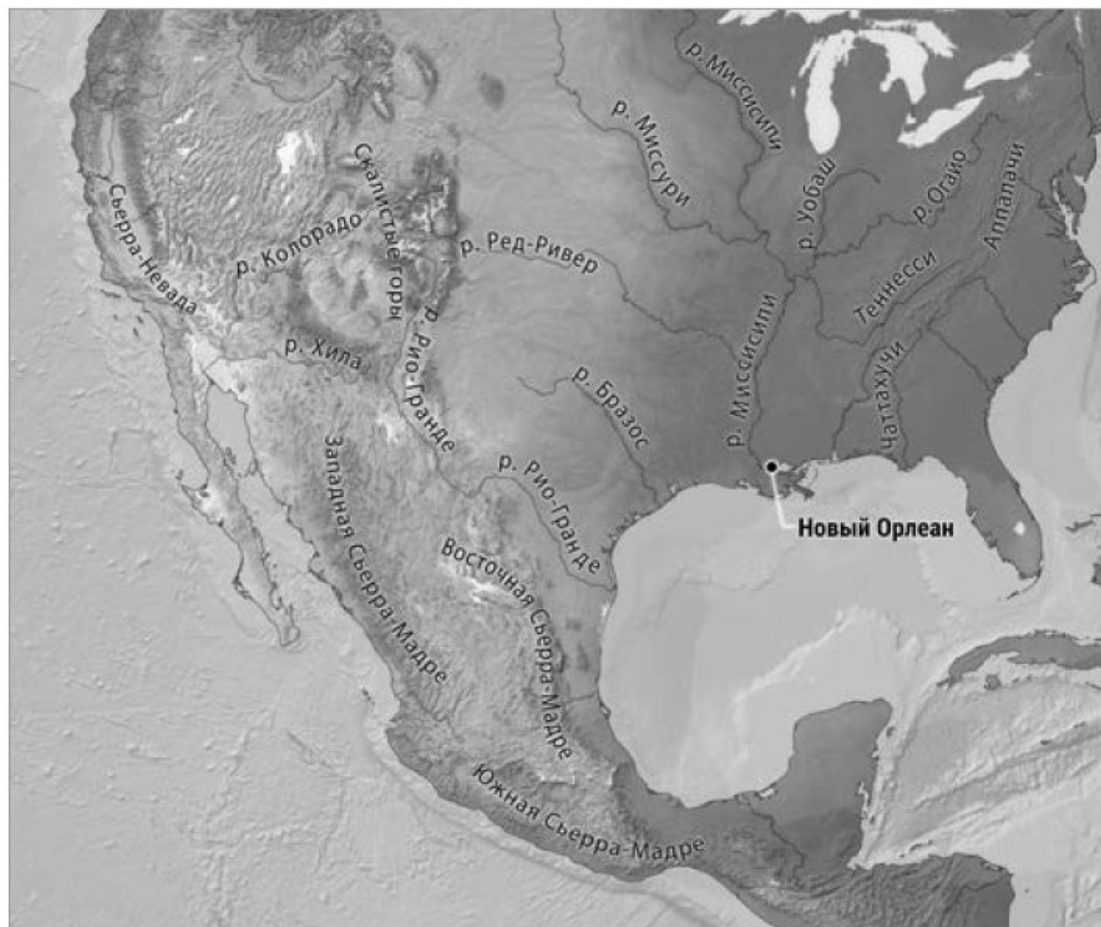

Рис. 12. Горы и реки

Джефферсон понимал, насколько Новый Орлеан был важен для выживания Америки:

Существует единственное место на земле, хозяин которого – наш естественный и закоренелый враг Это место – Новый Орлеан, через который должны проходить на рынок товары, произведенные на трех восьмых нашей территории. Именно из-за богатства наших территорий Новый Орлеан будет в скором времени пропускать через себя больше половины произведенных товаров и вмещать больше половины наших жителей. В тот день, когда Франция завладевает Новым Орлеаном, она подписывает себе приговор, который навсегда обяжет ее находиться на мели. Новый Орлеан скрепляет союз двух наций, которые сообща смогут удержать монопольный

выход к океану. Начиная с этого момента мы должны связать себя узами с британским флотом и нацией.

Джефферсон знал, что переход Нового Орлеана под контроль Франции или любого другого государства, включая Испанию или Британию, будет означать конец мечты об американской независимости. Тот, кто владеет Новым Орлеаном, владеет Великими равнинами. А тот, кому принадлежат равнины, распоряжается судьбой Соединенных Штатов. Штатам пришлось взять под контроль Новый Орлеан и победить британцев, когда в конце войны 1812 года те попытались завладеть регионом. Если бы регион контролировали британцы, они смогли бы вынудить США отступить на восток Аппалачей. А это означало бы, что рано или поздно они смогли бы переиграть итоги Войны за независимость. Американскими силами командовал Эндрю Джексон, и он победил британцев в Новом Орлеане. Впоследствии Джексон станет президентом – первым избранным уроженцем территории к западу от Аппалачей. Он понимал, какую важную роль играют реки, поскольку река Камберленд, на берегу которой стоял его дом, впадала в Миссисипи. Джексон понимал, что стоит на кону и что может означать победа.

Победа над британцами не означала, что Новый Орлеан и Миссисипи оказались в безопасности: во всяком случае, так полагал Джексон. Восточная граница Мексики проходила по реке Сабин, примерно в 160 км от Миссисипи и в 300 км от Нового Орлеана. Мексиканские силы, сосредоточенные на реке Сабин (сейчас граница между Техасом и Луизианой), могли ударить восточнее – отрезать Миссисипи и забрать Новый Орлеан. Мексиканское население в Техасе росло: в него входили и британские поселенцы, ставшие жителями Мексики.

Эндрю Джексон был избран президентом в 1828 году, но Новый Орлеан все равно не давал ему покоя. Он хотел создать штат, который служил бы буферной зоной с Мексикой. Он в этом преуспел, и в результате мексиканцы бросили значительные силы на подавление сопротивления. Такой поворот дел в планы Джексона не входил, поскольку в Техас были стянуты массивные военные силы, которые могли пересечь реку Сабин. Соединенные Штаты не были готовы к войне с Мексикой, поэтому они не вводили армию. Они разместили блокирующую группу к востоку от Сабин и дождались, когда техасцы сами справятся с мексиканцами.

Дорога в Техас вела к Сан-Антонио, где стояла крепость Аламо. Генерал Санта-Анна, командовавший мексиканцами, победил техасцев в Аламо в 1836 году и повернул на восток к Сабин. Намеревался ли он пересечь реку, неизвестно. Сэм Хьюстон, командовавший техасской армией, заблокировал наступление мексиканцев в Сан-Хасинто (нынешний Хьюстон). Техасцы победили мексиканцев, и Техас стал независимой страной. Семь лет спустя Техас был единственной территорией, вошедшей в состав США с помощью договора между двумя равными нациями: память об этом по сей день подпитывает особое чувство независимости жителей Техаса. В 1845 году, когда Техас стал штатом, угроза Новому Орлеану, похоже, была устранена.

Одержимость Мексикой продолжалась до конца 1840-х годов, когда президент Джеймс Нокс Полк начал войну с ней. В результате Мексика была вынуждена отказаться от территории, которая сейчас является американским Юго-Западом. Эта война способствовала завершению формирования континентальной части США. Пирамида, задуманная основателями, приближалась к своему географическому завершению. Полк, незаслуженно забытая историческая фигура, сыграл решающую роль в расширении Соединенных Штатов до их нынешнего размера и создании основы для отношений между США и Мексикой, какими они являются сегодня.

Поражение Мексики объединило американский Юго-Запад, с запада от Денвера до Тихого океана. Оно окончательно закрепило американское доминирование в Скалистых горах и дало Штатам контроль над узкой областью к западу от Скалистых гор, включая гавани в Сан-Диего и Сан-Франциско. Таким образом, США получили выход к Тихому океану.

На этом этапе «черновой вариант» США был готов (рис. 13). Страна состояла из области к востоку от Аппалачей, разделенной на границе Мэриленда и Пенсильвании на север и юг. Между Аппалачами и Скалистыми горами располагалась долина, ограниченная лесами с севера на юг. Доставшиеся от Мексики территории простирались от тихоокеанского побережья до пустыни. В каждом регионе развилась своя культура. Луга отличаются от северо-восточного побережья. Мексиканские регионы были не похожи на лесистый Восток. Каждый жил на свой манер, и только единственный раз – во время Гражданской войны – эти разногласия привели к кровопролитию.

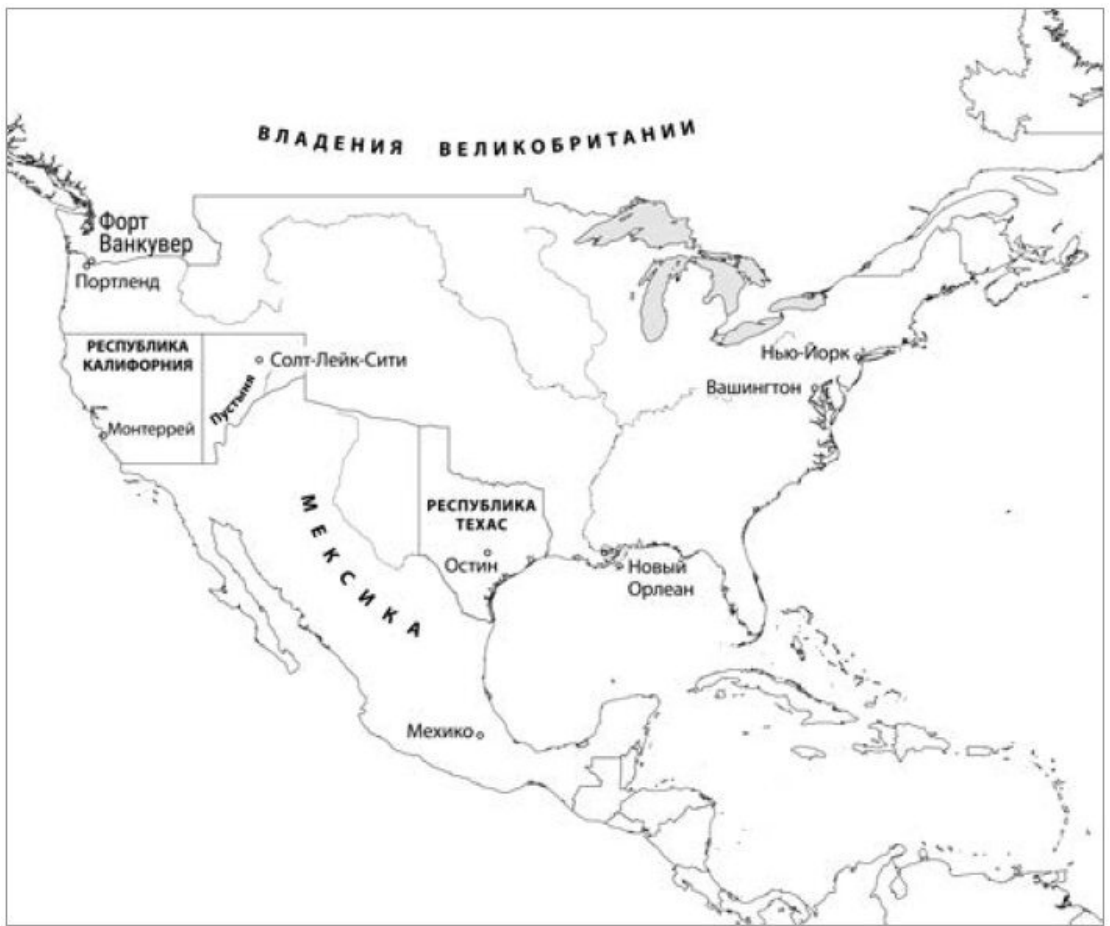

Рис. 13. США после 1836 г.

Ум, творческое начало, жестокость – эти и многие другие качества, испокон веков свойственные человечеству, понадобились американцам при строительстве государства. Примечательна тщательность их усилий. Начиная с 1776 года потребовалось немногим более семидесяти лет для того, чтобы на свет появилась созидательная континентальная держава, простирающаяся от Атлантики до Тихого океана.

Ни одному североамериканскому государству раньше не удавалось достичь подобного. У индейских наций было другое территориальное видение. Они опасались друг друга, но не научились страшиться глобальных сил, пока не стало слишком поздно. Испанские завоеватели не искали плодородную почву, пригодную для земледелия. Их карта интересов состояла из золотых и серебряных рудников и мифических городов из золота. Французы не считали континент богатым природными ресурсами, за исключением мехов, которые поставляли охотники. Британцы были довольны потоком хлопка и табака.

Большинство американцев не особо задумывались о будущем. Но только не Томас Джефферсон и не Эндрю Джексон. Оба понимали, что как отдельная нация Соединенные Штаты станут процветающей державой со стабильным демократическим порядком. Они также осознавали, что без отдельной государственности Соединенные Штаты будут уничтожены, как это произошло со многими народами и поселениями, существовавшими в Северной Америке ранее. Если бы Соединенные Штаты заняли лишь небольшую территорию или просто некую часть континента, то они не выжили бы. Континент, заполненный множеством независимых государств, – такой как Европа – рвется на части, как это и было в Европе.

Поэтому Джефферсон и Джексон сделали то, что нужно было сделать, чтобы создать единую континентальную державу. Осознавая особенности географического положения Америки, они за семьдесят лет создали территорию, которая будет доминировать в мире.

Созерцая союз

Джордж Вашингтон понимал, какие силы могут разорвать Соединенные Штаты, и отметил это в своем «Прощальном послании» 1796 года:

Север, постоянно контактирующий с Югом, защищенный равными законами единого правительства, находит в существовании последних громадные дополнительные ресурсы морского и торгового предпринимательства и драгоценные материалы обрабатывающей промышленности. Юг, поддерживая такой же плодотворный контакт с Севером, видит рост своего сельского хозяйства и расширение торговли. Заимствуя частично мореходные пути Севера, Юг видит, как развивается его собственная навигация; и, хотя он различными путями способствует росту и увеличению объема национального судоходства, он рассчитывает на поддержку морской мощи, на которую в одиночку не способен. Восток, также поддерживая отношения с Западом, уже находит и в процессе постепенного улучшения внутреннего сообщения по суше и морю все больше и больше будет находить ценный выход для товаров, которые он ввозит из-за границы или производит у себя. Запад исходит из поставок с Востока, необходимых для его роста и комфорта; и, что, возможно, имеет еще большее значение, – в силу обстоятельств надежными необходимыми рынками сбыта для своих

собственных товаров он обязан весу, влиянию и будущей морской силе атлантической части Союза, ведомого неразрывным единством национальных интересов. Любая другая ситуация, в которой Запад имеет это существенное преимущество, независимо от того, получено ли оно благодаря собственной силе или из-за отступнической и неестественной связи с какой-либо иностранной державой, должна быть по сути ненадежной. (...) В этом смысле ваш союз должен считаться главной опорой вашей свободы, и любовь должна побуждать вас беречь друг друга.

Вашингтон разделил страну на три части: Север, Юг и Запад. Сегодня мы можем добавить к этому и Дальний Запад. Он стремился связать эти регионы вместе двумя способами. Во-первых, он отмечал взаимодополняющие экономические интересы, которые связывали их вместе. Во-вторых, он подчеркивал, что только сообща они могут дать действительно ощутимый государственный отпор державам Восточного полушария. Такая оборона требовала сильного флота. Если страна раздроблена на части, то попадание одной территории под влияние иностранной державы разрушит всю стройную систему. Для Вашингтона экономические связи, которые держали страну вместе, гарантировали также и национальное единство, необходимое для взаимной защиты.

Вашингтон понимал, какие различия раздрают страну, и опасался их. Юг и Север имели различные экономические модели и нравственные принципы. Запад состоял из переселенцев-мигрантов: шотландских ирландцев, немцев и других, – не чувствовавших ничего, кроме неприязни, по отношению к англичанам, жившим на Востоке и смотревшим на них свысока. По мере того как в общую картину государства добавлялись новые географические подробности, появлялись трения, грозившие распадом страны.

Истока проблемы два. Институционально США – единая страна. Однако особенности менталитета в различных регионах были слишком очевидными, что постоянно вызывало разобщенность. Сегодня прибрежные регионы, с их высоким технологическим и финансовым развитием, обладают примерно одинаковым пониманием чувства собственного достоинства и справедливости, пренебрежительно относясь к тем, кто отличается от них. На промышленном Среднем Западе, некогда бывшем средоточием американского роста, с раздражением воспринимают те условия, в которых теперь находится этот регион, и неуважение, с каким относятся к его ценностям. В политическом смысле в стране всегда

чувствовалась разделенность, которая, конечно же, привела к Гражданской войне. Однако и в менее напряженное время – к примеру, как сейчас – отношение к Дональду Трампу на Северо-Востоке и Тихоокеанском побережье страны разительно отличается от отношения на Юге и Среднем Западе. Аналогичная разделенность существовала и в 1960-х годах. Во времена же потрясений и смены циклов возникает географическое разделение, подмеченное еще Джорджем Вашингтоном.

Америка обладает пылким единством, но в то же время в ней есть глубокие различия, которые во времена потрясений переходят во взаимное презрение. Подобная напряженность имеет и положительную сторону. Глубокие различия в культуре и мировоззрении, как это ни удивительно, становятся силой, ведущей страну вперед, но и оставляющей что-то позади. Через 35 лет после Гражданской войны, когда Юг после своего поражения стагнировал в нищете, на долю США приходилась половина мирового промышленного производства. Гражданская война – это крайний случай, но в Америке всегда были победители и проигравшие. Детройт в упадке, Атланта на пике. Происходят географические изменения, жители мигрируют, но США остается на плаву. Вашингтон в своем «Прощальном послании» указал как на слабые стороны США, так и на фундаментальные – сплоченность и живучесть, которые будут ее направлять.

Глава 3. Американский народ

У большинства народов национальность определяется через общую историю, культуру и ценности. У американского народа нет ничего из этого, даже единого языка. Прибывая в страну, поселенцы были чужими друг другу и не имели ничего общего. Однако удивительным образом за дело взялась эволюция. У иммигрантов появилось по две культуры: одна – семейная, напоминавшая им о прошлом, а другая – культура нации, в которую они влились, но не растворились полностью. Вся американская культура пронизана этой дихотомией, поэтому «американский народ» – понятие одновременно и весьма реальное, и искусственное.

Американский народ сложился подобным образом не только благодаря иммиграции. Американцы создали себя сами. В поисках того, чего у них не было на родине, они оказались на потрясающих землях и применили на них форму государственного устройства, которой не было аналогов. Попав на новый континент, они вынуждены были изобретать свою жизнь. Задача была не в том, чтобы выбирать из множества возможностей, а в том, чтобы пока еще не существующие возможности создать. Изобретатель – от Бенджамина Франклина до Стива Джобса – это метафора всей американской жизни. Изобретенные люди изобретали мир и себя самих. А чтобы такое случилось, американец должен был верить в собственные силы и обладать отвагой, которую он уже проявил, просто приехав сюда. Американцам, как и остальным народам, присуще множество пороков, но указанные выше черты являются добродетелями, совокупность которых вызвала к жизни единый народ.

Сложно полноценно описать любой народ, но еще сложнее описать тот, которого не существовало еще несколько веков назад. Американцы – это нация, чья история насчитывает лишь несколько последних столетий и зиждется как на иммиграции, так и на трансформации. Иммигранты привнесли динамичность в американскую модель отношений, ведь началось неуклонное радикальное преобразование повседневной жизни путем географических и технологических изменений, а также войн: все это непрестанно меняло понимание того, что значит быть американцем. У всех американцев была одна общая черта: они расстались с привычным миром у себя на родине и пожелали

приехать в Америку. С каждым последующим поколением желающих было все больше, а память о том, какой когда-то была их семья, тускнела, хотя редко растворялась полностью. Для выходцев из Англии, Ирландии или Польши связь с корнями была ощутимой. Даже те, кто приехал из Африки, помнили, кем они были когда-то. Возможно, они цеплялись за свое прошлое больше, чем другие, поскольку приехали сюда вопреки собственному покорному намерению жить в нищете у себя на родине.

Эта двойственность составляет сущность Соединенных Штатов, начиная с английских поселенцев. Их прошлое было связано с историей их семьи на прежней родине, а будущее – с Соединенными Штатами. Со временем семейные и национальные реалии слились друг с другом, в основном благодаря геополитике. Английского населения, которое сначала заняло восточное побережье, было недостаточно, чтобы управлять континентом. Даже с учетом афроамериканских рабов населения просто не хватало. Конституция (статья 1, раздел 8) признала это, обозначив метод натурализации иммигрантов. Отцы-основатели, понимая данную проблему, с ее учетом скорректировали политическую систему. Первой волной мигрантов стали шотландские ирландцы, то есть шотландские пресвитериане, до переезда в Америку жившие в Ирландии. Они жаждали земли и свободы от знати – и представляли собой беспокойную группу, которую многие англичане считали не поддающейся ассимиляции. Впрочем, они не единственные, кого будут считать таковыми.

Первоначально культурное ядро Соединенных Штатов составляло наследие первых английских поселенцев-протестантов. Понятие белого англосаксонского протестанта^[16] являлось определяющим в американской культуре до окончания Второй мировой войны, когда в вооруженные силы США влилось огромное количество представителей других национальностей и религий. При этом представление о WASP как о ядре американской культуры потеряло свою значимость, за исключением одного пункта: английский язык всегда оставался центром американского уклада жизни. Учить его, конечно, не обязательно – но тогда не нужно удивляться тому, что экономическая и общественная жизнь пройдет мимо. А поскольку иммигранты приезжали в страну именно ради социальных и экономических благ, нежелание изучать английский язык было сродни саморазрушению.

Существуют три символа, дающих нам представление об американце. Один из них – ковбой и его сложные отношения с чувством долга, жизненным злом и женщинами. Второй – это изобретатель, который придумывает и создает необычные вещи, заставляющие Америку двигаться вперед. Наконец, третий – это воин. Соединенные Штаты представляют собой парадоксальное явление. Америка – земля, предназначенная для стремления к счастью, – родилась в сражениях и с тех пор успела принять участие во множестве войн. Воин живет соображениями долга, а не счастья, являясь при этом неотъемлемой частью американской культуры. Ковбой, изобретатель и воин, все вместе, формируют ту модель отношений, которая вызывает в Соединенных Штатах потрясения, ведущие к прогрессу.

За этими стереотипами важно разглядеть следующее. Размышляя об американцах, я непременно вспоминаю о свойственной ковбою искусности. Известно, что тонкая организация редко соотносится с понятием американского образа жизни. Американцев принято считать простецкими и невоспитанными. Доля правды в этом может и быть, однако способность приехать в чужую страну и устроить свою жизнь, равно как и умение жить в условиях постоянно меняющихся технологий и обычаев, а также постоянно перекраиваемых земель требуют большой искусности и высокой самоорганизации. Отсюда берет истоки американская стойкость, и нигде эта стойкость не проявляется настолько ярко, как в мифе о ковбое.

Ковбой

Ковбой – ярчайший американский образ, увековеченный ярчайшим американским видом искусства, кинематографом. Европейцы считают всех американцев ковбоями, через этот образ они наделяют мужественностью как американских мужчин, так и женщин. Ковбой – сильный, немногословный, бесстрашный человек с непоколебимым стремлением поступать правильно. Его достоинство – не в богатой духовной жизни, а в действиях.

Однако в реальной жизни ковбои сильно отличались от своего кинематографического образа. По сути, они играли заметную роль в течение примерно двадцати лет, до тех пор, пока не получили широкое распространение железные дороги. Многие из ковбоев были афроамериканцами, мексиканцами, индейцами. К ним присоединялись белокожие бедняки из числа недавних мигрантов. В

кинофильмах же ковбои чаще всего предстают белыми мужчинами, из мексиканцев у них только повар. Кроме того, во многих кинокартинах фигурируют еще и бандиты, и шерифы, но совершенно отсутствуют коровы, которых, как следует из самого названия, ковбои должны пасти. Большинство из этих фильмов носит сугубо развлекательный характер. Однако есть и те, в которых мифическая фигура ковбоя прорисована более тонко: в таких фильмах и он, и его жизнь показаны совсем по-другому.

Вестерн «Ровно в полдень» (*High Noon*), считающийся одним из лучших в своем жанре, демонстрирует множество граней жизни человека, привыкшего стрелять направо и налево. Актер Гэри Купер исполняет роль Уилла Кейна, шерифа маленького городка на территории Нью-Мексико. Он недавно женился на Эми, которую играет Грейс Келли. Они собираются отправиться в свадебное путешествие, но узнают, что в город скоро нагрянет старый враг Кейна – головорез, взявший себе в подельники еще троих бандитов, чтобы свести счеты с Кейном.

Эми стала пацифисткой и квакершей, поскольку ее отец и брат были застрелены в потасовке. Она убеждена, что Кейн должен как можно скорее покинуть город, чтобы избежать столкновений и возможной смерти. Кейна же раздирают противоположные стремления: последовать совету любимой либо защитить свой город от бандитов. Однако мы понимаем, что речь тут идет о гораздо большем, чем выбор между женой и городом. Происходит борьба между двумя чертами американского характера. Первая – это идеал человеческой отваги, проявляющейся при столкновении с притаившимся в засаде злом. Другая – одна из традиций английского протестантизма. Главный герой воплощает собой отвагу, героиня – христианскую доброту.

Кейн считает, что как шериф выполняет свой долг, защищая город. Но он обнаруживает, что жители его не поддерживают. Кто-то боится, кому-то по душе направляющиеся в город головорезы, кто-то недолюбливает Кейна. Причины, по которым они не поддерживают шерифа, можно перечислять до бесконечности. Поэтому он вынужден противостоять злу в одиночку.

Кейн официально больше не служит шерифом, но выполняет свой долг, поскольку считает, что обязан так поступить. В сопровождающей кинофильм песне есть фраза, предостерегающая о возможности умереть как «жалкий трус». Самое главное для Кейна – не судьба города как таковая или долг перед жителями в качестве

шерифа. Речь идет о его долге перед самим собой. Вместо свадебного путешествия он вновь надевает значок шерифа и берет в руки оружие. Если и отправляться в могилу, то как мужчина. И когда он принимает подобное решение, возникает целая пропасть между ним и женой, между стремлением принять бой и христианской традицией.

История принимает неожиданный оборот. Между бандитами и Кейном завязывается перестрелка, шериф убивает двоих из четверых, но из засады появляется третий преступник. И тогда жена Кейна стреляет этому злоумышленнику в спину. Она не может оставить своего мужа. Эми спасает ему жизнь, поступившись собственными моральными принципами и безжалостно убив человека. В живых остается последний бандит, он берет Эми в заложники, приказывая Кейну бросить оружие. Тот собирается исполнить требование, но девушка вцепляется ногтями в лицо бандита, и Кейн убивает его. После этого он обнимает жену, кидает на землю значок шерифа и уходит с женой вдаль.

«Ровно в полдень» рисует Кейна спокойным решительным человеком, не подверженным эмоциям. Однако настоящий герой фильма – совсем не Кейн, а его жена. Она отбрасывает религиозные убеждения и переступает через себя, чтобы спасти жизнь своего мужа. В отличие от Кейна, который не стал бы стрелять человеку в спину без предупреждения, Эми не испытывает угрызений совести из-за этого. Не сдерживает она себя и когда вонзается ногтями в глаза последнему нападавшему, хотя это и назвали бы «нечестным приемом». Все только для того, чтобы дать шанс Кейну его прикончить. Ее долг – уберечь того, кого она любит, все остальное вторично. Если бы жена Кейна придерживалась собственных моральных принципов так же твердо, как он сам, то Кейн был бы давно мертв. Он не мог отбросить свои принципы, а она смогла. Ее чувства к нему превозмогли религиозные убеждения и общепринятые представления о правилах ведения боя. Кейн вынужден был действовать из опасения, что его посчитают жалким трусом. Эми же сама определила будущее. По части своих моральных принципов Кейн довольно примитивен. Эми же, будучи уроженкой американского протестантского городка, отличается сложными и неоднозначными христианскими воззрениями. Именно женщина, а не мужчина несет ношу нравственного выбора, и ее сознательно принятое решение поступить именно так, а не иначе спасает Кейна от самого себя.

Вестерн демонстрирует также еще одну черту, свойственную американскому характеру: страх перед надвигающимся злом. Бандиты, желающие убить Кейна, выглядят угрожающими, уверенными в себе. Им чужды любые человеческие чувства, за исключением опасности. Их цель – убийство, и они знают, что преуспеют в таком деле. Об одном из этих бандитов известно, что он побывал в тюрьме и по какой-то неназванной, странной причине был помилован. Что это за люди, откуда они родом, какие у них в жизни цели, за исключением убийства Кейна, – неизвестно. Мы ничего не знаем об их семьях, о том, чего они боятся и к чему испытывают сострадание, или о какой-либо их связи с кем-то еще, помимо их самих. Их объединяет только желание причинить зло. Они представляют собой пугающую силу, которая приходит в городок из бесконечной прерии.

Как и для большинства других небольших поселений того времени, единственное средство сообщения этого городка с остальным миром – поезд, не всегда приезжающий точно по расписанию. Жители не знают, какие именно злые силы скрываются в прерии. Единственное, в чем они уверены, – это в собственном одиночестве посреди широких просторов, и эта мысль пугает. Но ведь и в большом городе жизнь такая же. Одиночество в большом городе – реально, чувство изоляции – могущественно. И в мегаполисе, и в затерянном городишке на далеком Западе чувство страха перед надвигающимся злом одинаково.

В Америке нет привязанности к корням, и в этом один из секретов ее силы. Жители свободно перемещаются по стране, их не сковывают ни семейные обстоятельства, ни традиции. История совместной жизни обитателей городка, шерифом которого является Кейн, не длиннее, чем у человека, впервые приехавшего в Чикаго. Отсутствие у американцев привязанности к корням одновременно и развязывает руки, и пугает, поскольку вызывает страх неизвестного зла, таящегося в темноте. Полиция далеко, а соседи так же напуганы, как и вы.

Тонкость этого фильма – в том, что зритель видит классический образ шерифа из городка на американском Западе. Это суровый мужчина, точно знающий, что такое хорошо, не боящийся никаких преград. Если нужно, он готов и умереть за свои принципы. Жену Кейна часто недооценивают, однако ее характер имеет решающее значение, ведь она действует вразрез со своими моральными ценностями. Нравственные устои, будучи просты в начале фильма, с

развитием сюжета усложняются. Отношения между мужчиной и женщиной завязываются просто, но затем становятся крайне запутанными.

Этот фильм (а точнее вестерн) повествует о сложном эволюционном процессе, происходившем в американском обществе. «Ровно в полдень» был снят в 1952 году, через семь лет после окончания Второй мировой войны. В военное время все мужчины должны были быть похожими на Кейна, их больше страшила возможность прослыть жалким трусом, чем сама смерть. Этот фильм про жизнь на Диком Западе, но еще и про Вторую мировую и про то, как людям надо было вести себя, чтобы не сойти с ума. Воевали мужчины, но выиграла войну женщины.

Женщины выиграла войну в весьма традиционном смысле. Мужчины воюют за свои убеждения, свои страны и семьи. Так повелось еще с древних времен, и с войной связано множество стереотипов. Мужчины уверены, что женщины могут простить что угодно, только не слабость. Война является решающим испытанием на силу, и солдаты считают военный опыт доказательством собственной силы перед женщинами. Женщины заботятся о мужчинах, когда те, устав и ослабнув, приходят домой с войны, и возвращают им силы. Это не только стереотипы, но и древние истины, и именно сочувствие женщин и мужчин друг к другу всегда помогало приглушить боль войны.

Женщины одержали победу во Второй мировой и в совершенно новом смысле. Вторая мировая была индустриальной войной. Успех США тесно связан с промышленностью. 65 % занятых в авиастроительной области США были женщинами. 25 % замужних женщин ходили на работу; женщины составляли 37 % рабочей силы во время войны. В общей сложности 350 тыс. женщин служили в вооруженных силах. Женщины-пилоты доставляли бомбардировщики с заводов до боевых точек. Без женщин Соединенные Штаты не одержали бы победу над немцами и японцами. Советский Союз и Британия смогли противостоять немцам и уничтожить их только благодаря тому, что США поставляли им оборудование^[17]. Советские вооруженные силы победили Вермахт (что, в частности, сделало возможным освобождение Франции) исключительно с помощью оборудования, которое производили американские женщины.

Ядро любой культуры – отношения между мужчинами и женщинами. В ходе истории в большинстве случаев отношения

определялись и ограничивались биологическими и демографическими факторами. Для того чтобы численность населения оставалась стабильной, женщины должны были рожать как можно больше детей до самой своей смерти, зачастую случавшейся при родах. Работа была обязанностью мужчин – которые, кстати, в течение жизни нередко имели по несколько жен. Брак являлся социальной и индивидуальной необходимостью. Женщины были крайне нужны обществу, однако из-за своей ключевой роли в воспроизводстве человечества находились в зоне серьезного риска. Развитие медицины и улучшение санитарных условий изменили положение дел. Женщины стали жить гораздо дольше (примерно восемьдесят лет вместо сорока) и рожать одного-двух детей (вместо восьмерых), поэтому смогли заняться плодотворной деятельностью за пределами домашнего хозяйства.

В 1963 году Бетти Фридан опубликовала работу «Загадка женственности» (*The Feminine Mystique*), которая, как считается, положила начало современному феминизму. К концу XX века роль женщин в США заметно изменилась, что повлияло на общий циклический процесс в таком масштабе, который нам еще предстоит постичь. Феминизм имеет множество граней. В интеллектуальном смысле он является официальным признанием того, что биологическая составляющая женской жизни претерпела преобразования. Это, в свою очередь, обусловило появление новых возможностей – таких, как упразднение обязательных различий между мужчинами и женщинами и трансформация отношений между ними. От неизбежной и отчаянной битвы за рождение потомства общество пришло к браку как результату романтического влечения и свободного выбора, то есть к фактическому краху ритуала ухаживания.

Если взглянуть на ситуацию глубже, то встанет вопрос о скорости, с какой старые нормы в Соединенных Штатах сменились новыми. Мы говорим о социальной и экономической мобильности. Вместе с тем, культурная мобильность – это сама суть Америки. В жизни американского общества имеется множество странных, пугающих сторон, но нет ничего более пугающего, чем беспрецедентная скорость, с которой изменились представления о роли женщины и сексуальных отношениях. Эта смена явилась причиной великой неопределенности.

Какую бы отвагу ни проявляла жена Кейна в «Ровно в полдень», после того как все закончилось, она обустроила дом вместе со

своим мужем и родила детей. Как христианка она была бы шокирована тем, какой стала жизнь через столетие. Отождествление секса и рождения детей в браке ранее определяло роль женщин. Грейс Келли, исполнявшая роль Эми в «Ровно в полдень», и «Клепальщица Роузи»^[18] невольно явились подтверждением того, что женская гендерная модель, традиционно исполняемая в обществе и рассматриваемая им в качестве нравственной необходимости, внезапно стала всего лишь одним из множества равноправных вариантов стремления к счастью.

Изобретатель

«Ровно в полдень» – это фильм. А фильм не снять без кинокамер. Прототип современной кинокамеры изобрел Томас Эдисон, сделавший состояние на разработке практического применения электричества. Не он открыл электричество, и не он был первым, кто понял значимость данного явления. Еще Бенджамин Франклин указывал на сложность этого феномена. Однако именно Эдисон создал прибыльную компанию, демонстрировавшую, как можно применять электричество на практике. Он разрабатывал и продавал свои изобретения, но гораздо чаще – продавал другим компаниям практические идеи. А для этого нужны и маркетинг, и умение выгодно представить товар.

Конечно, он был не единственным изобретателем в мире. К примеру, Никола Тесла сделал немало открытий в сфере электричества, но ни один из его проектов не был по-настоящему финансово успешным. Эдисон же мастерски сочетал искусство изобретения и понимание того, как устроен бизнес. Он видел то, чего другие не замечали. Благодаря новым технологиям создаются товары, а товары должны продаваться. Он осознавал всю тонкость процесса изобретения, заключавшегося не только в научных изысканиях или создании продукта. Главная сложность состояла в том, чтобы понять, что людям нужно и что потребители купят. Быть просто ученым или инженером – недостаточно. Нужно быть еще и социологом, разбирающимся в предпочтениях общества. Томас Эдисон стал образцом для Генри Форда, Билла Гейтса, Илона Маска и всех тех, кто понял, что изобретатель должен иметь потребителя и что бизнес – это своего рода мост, связывающий их обоих.

Эдисон родился в Огайо, вырос в Мичигане. Школьную программу он освоил дома с матерью. Если не считать его интереса к книгам по естественным наукам, он рос обычным ребенком. Ему

приписывают одно высказывание, которое поможет понять ход его мыслей: «Многие люди упускают свою возможность, потому что она носит спецодежду и зовется работой». Другое высказывание гласит: «Гениальность – это 1 % вдохновения и 99 % изматывающего труда». Он говорил простые вещи, однако далеко не всем они кажутся очевидными.

Самый значительный вклад Эдисона – в создание инфраструктуры изобретения. Он основал первую промышленную исследовательскую лабораторию в Менло-парк (Нью-Джерси) и разработал методологию, согласно которой над изобретением работали целые команды. Он также внедрил принцип изобретательства, гласящий, что изобретения должны следовать требованиям рынка. Он стал первым маркетологом в технологической сфере, превратив свою фамилию в обозначение устройств, находившихся в каждом доме. Он прославился, превратив процесс изобретения в дело целой команды, управляемой им и подталкиваемой возможностями рынка. Он окружил свою персону эффективными маркетинговыми схемами.

Когда мы размышляем о других изобретателях, продававших потребительские товары: от Генри Форда (близкого друга Эдисона) до Стива Джобса, – мы наблюдаем созданную модель в действии: изобретатель-одиночка заменен командой. Цель – не в том, чтобы сделать важные научные открытия, а в том, чтобы найти науке сферу потребительского применения. Их усилия были тесно связаны с запросами рынка, и чем шире был рынок, тем лучше. Один мечтал о том, чтобы ночью было так же светло, как днем, другой – о том, чтобы сделать доступным передвижение, а третий стремился превратить компьютер в бытовое домашнее устройство со множеством сфер применения. Все они желали заработать на своих изобретениях большие деньги, но попутно преследовали и некую политическую цель, заключающуюся в улучшении демократической жизни посредством повышения уровня счастья. Эти люди были уверены, что кинокамера, автомобиль и компьютер будут способствовать и тому и другому. Технологии меняются, равно как и бизнес-модели, – но суть, идея бизнеса остается прежней, и фигура изобретателя-бизнесмена является неотъемлемой частью американской жизни.

Бизнес служил противовесом государственной машине. Отцы-основатели не доверяли государственной машине, но она являлась залогом военной мощи. Корпоративный же мир, сам по себе

довольно фрагментированный, был залогом финансовой состоятельности.

Каждая из этих сфер блокировала другой сфере доступ к абсолютной власти, и обе сотрудничали на взаимовыгодной основе. Отцы-основатели понимали, что бизнес-сфера, лишённая власти, никогда не сможет контролировать государство, пусть и разобщённое. Но и сами основатели были предпринимателями, бизнесменами. И они знали, что наличие бизнес-интересов одновременно коррумпирует и подрывает государственные принципы функционирования, хотя государство тоже способно нанести вред бизнесу.

В процессе создания Большой печати, с самого момента основания американского государства, между политической и экономической властями был заключён негласный контракт. Его подвергают резкой критике ещё со времени возникновения Республики, но он все равно остался неизменным. В конце концов, кто-то же должен был строить пирамиду, возвести которую желали отцы-основатели. С самого начала Соединённые Штаты являлись ареной конфронтации и сотрудничества денег и власти, а также сферой военного применения и того и другого.

Воин

Америка – культура борьбы. Кажется, что это противоречит словам о Томасе Эдисоне – не потому, что он был пацифистом, а потому, что развивал технологии и был бизнесменом. Технологии и бизнес нужны для развлечения потребителя и зарабатывания денег, то есть для достижения счастья. А война – это жертва и долг. Можно сказать, что Америка – страна бизнеса. Однако точно так же можно называть её страной войны. В этом утверждении заключается настоящее противоречие, которое сложно осознать. Однако, говоря об искусности американского народа, я покажу, как обе эти реальности соседствовали с самого начала.

Как уже было сказано, США рождены в борьбе: потребовалось восемь лет ожесточённой, непрекращающейся войны за независимость, в которой погибли 25 тыс. американских солдат. Поскольку на тот момент в стране проживало 2,5 млн человек, это означало, что погиб 1 % населения: гораздо больше, чем в любой другой войне. На жизнь практически каждого поколения приходится война. Некоторые войны были короткими, в них участвовало небольшое количество солдат, другие – масштабными.

Вдумайтесь в следующие цифры. Сейчас в США живет 25 млн мужчин и женщин, либо служащих, либо уже отслуживших в Вооруженных силах США. Это ошеломляющая цифра, но она не передает всей полноты картины. Солдат воюет не один. У него есть родители, супруги, дети и другие родственники, которые фактически вместе с ним переживают эту войну – либо в момент прохождения службы, либо позже, в процессе воспоминаний. На них война оказывает почти такое же глубокое воздействие, как и на самого бойца. Допустим, в среднем у четырех человек жизнь серьезно меняется из-за военной службы их близкого: это означает, что в той или иной степени война или ее отголоски коснулись 100 млн американцев. Это почти треть населения страны.

В 1812 году, через тридцать лет после Войны за независимость, США вступили на своей территории в вооруженный конфликт с английской армией. Спустя почти тридцать четыре года была война с Мексикой, а еще через тринадцать лет разразилась Гражданская война. Погибли 600 тыс. американцев. Далее последовал длительный финальный этап конфликта с индейцами. В 1898 году случилась Испано-американская война. Шестнадцать лет спустя началась Первая мировая, а затем – Вторая мировая война. После были войны в Корее и Вьетнаме, а с начала XXI века имеет место военное противостояние джихадистам. Как мы увидим, существуют геополитические причины того, что войны вспыхивают все чаще. Однако гораздо более сложным является следующий вопрос: как культура войны сосуществует с культурой счастья? Самый простой ответ: войны всегда занимают особое место в обществе. Оторванность от родного дома и близость к опустошительным реалиям войны всегда считались достойнейшими из занятий. Традиционно война рассматривается как испытание на мужественность, отвагу, наличие чувства долга и силы духа.

По этим причинам идея войны может иметь свою привлекательность. США – нация, все нации воюют, и воин занимает особое положение, к которому мужчины (а теперь и женщины) страстно стремятся. Однако США отличаются от других народов тем, что здесь имеется и другой класс героев: это те, кто с нуля заработал состояние. И те и другие борются, воюют за себя самих и свою страну. В Америке есть люди, которые являются героями в обоих смыслах, и восхищению ими нет предела.

Впрочем, прослеживается и более глубокое взаимодействие. Мы уже говорили о прогрессе, технологиях и бизнесе. Необходимо

рассмотреть этот процесс отдельно, чтобы увидеть, как все работает вместе, и понять, какие корпоративные ценности и точки напряженности могут возникнуть. Процесс можно разделить на три части. Первая – это базовая наука, понимание законов природы. Вторая – технологии, то есть преобразование базовой науки в инструменты использования природы. Третья – продукт: то, что может быть использовано для достижения определенных целей.

Действие в фильме «Ровно в полдень» разворачивается в Нью-Мексико. В этом штате произошла еще и великая научная битва: была испытана атомная бомба. Пустыни и города Нью-Мексико стали идеальными местами для разработки, сборки и испытания атомного оружия. Этот штат – место встречи университетских ученых и генералов. Ученые, подобно герою вестерна Кейну, сделали все, чтобы дать отпор злу, с которым столкнулась земля. С тех пор как «проект Манхэттен»^[19] испытал бомбы на полигоне в Нью-Мексико, у военных началась настоящая одержимость наукой и учеными. Своей работой ученые заложили основу для поражения врага и такого наращивания американской мощи, какое раньше никому и не снилось. Штат Нью-Мексико представляет собой обширное пустынное пространство на Западе, где лес, вода и люди – большая редкость. Именно в этом пустынном месте, под открытым небом, легко спрятать что-то от посторонних глаз.

Вместе с атомной бомбой родилась и моральная дилемма. Как и героиня Грейс Келли в фильме «Ровно в полдень», моральному абсолюту американцы предпочли победу и выживание. Америка была задумана основателями как моральное соглашение, и в этом качестве она вступала в противоречие с насущными потребностями народа. Подобные конфликты возникали с самого начала. Свое разрешение проблема получила в пустынной, малонаселенной американской местности.

Идет ли речь о «колье» 45-го калибра или бомбе «Малыш»^[20], в американской культуре мораль и оружие едины. После Второй мировой войны тесная связь войны как морального проекта и разработки новых технологий создала новую основу для американского общества. Например, Министерству обороны был нужен очень легкий компьютер для системы наведения баллистических ракет LGM-30 «Минитмен». Минобороны обратилось к ученым и инженерам. В 1956 году Джек Килби, работавший в компании Texas Instruments, изобрел интегральную схему – микросхему. Она была установлена на «Минитмен» в 1962

году. Для управления межконтинентальными баллистическими ракетами был создан прототип компьютера с микросхемой. К 1970-м годам эти микросхемы начали интегрировать в системы, созданные Стивом Джобсом и Биллом Гейтсом; так появился домашний компьютер.

Система глобального позиционирования NAVSTAR была запущена Министерством обороны в 1973 году. Ее задача заключалась в том, чтобы обеспечить американских военных максимально точными данными о местоположении нужного объекта. Метод, используемый NAVSTAR, был разработан физиками, изучавшими теорию относительности Эйнштейна. По итогам работы ученых Минобороны запустило на среднюю околоземную орбиту группу спутников, благодаря чему стали возможными точное определение местоположения и совершенствование системы наведения оружия. Под общепринятым обозначением GPS эта система стала частью повседневной жизни.

В 1960-е годы секретным исследовательским учреждениям США требовался безопасный метод быстрого обмена данными. Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны первым применило известную теорию передачи данных по телефонным линиям. Система, разработанная на основе этого приложения, называлась ARPANET и постепенно развилась в современный Интернет. Степень, до которой Министерство обороны изменило повседневную жизнь, редко осознается полностью.

«Проект Манхэттен» изменил американский характер. Мораль и применение насилия всегда конфликтовали. С появлением атомной бомбы эта проблема разрослась до предельного уровня. Однако основная напряженность между мужеством, оружием, справедливостью и моралью осталась прежней. Изменилось лишь то, что оружие стало гораздо мощнее и технологии значительно преобразовали общество в целом. Различие между миром и войной, между воином и гражданским лицом, ученым и бизнесменом становится все менее заметным. Гордость Эдисона по поводу того, что он ни разу не приложил руки к разработке оружия, и в его-то время не совсем соответствовала действительности, а сегодня и вовсе невозможна.

Есть технологии, есть бизнес, и есть война. Они кажутся разными, но в американской жизни ученый, ковбой и воин, а также бизнесмен – часть единой культуры. Это культура и противоречия и

примирения одновременно. Это совершенно разные типы людей, и можно предположить, что между ними мало общего. На индивидуальном уровне, возможно, так и есть. Однако они образуют единую ткань американского общества. Не будем упоминать множество других типов, но эти три дают представление о сложности и тонкой организации Америки. Жизнь здесь трудна, напряжение велико. Быть американцем нелегко. Европейское видение ковбоя упрощено. Американская жизнь сложна и противоречива.

Именно противоречия в американском обществе движут быстро развивающимися циклами его истории. Единство крайне разнообразных проявлений: ковбоя, ученого, изобретателя-бизнесмена, война – постоянно перекраивает Америку в бесконечном цикле взлетов и падений. Из-за напряженности между различными типами американцев (а я указал лишь на некоторые из них) невозможно точно определить американский характер. Он соткан из противоречий, гораздо более значительных, чем те, что сложились в странах, которые не перекроили себя в настолько недавнем прошлом и не находятся в процессе перекраивания. У европейцев и азиатов имеются тысячелетняя история и культура, на которые можно опереться. У американцев есть только будущее, и будущее должно создаваться снова и снова. Государственное устройство изобретено. Способ использования континента изобретен, и сама нация изобретена. И процесс изобретения продолжается, создавая постоянное напряжение, благодаря которому американцы будут отказываться от себя прежних в пользу себя таких, какими они станут. Этот путь каждый проделывает самостоятельно, поскольку каждое поколение отказывается от своего прошлого, и данный процесс обеспечивает как постоянно сменяющиеся циклы американской жизни, так и быстрое восстановление после неизбежных бурь.

Преступления народа: рабовладение и индейцы

Разговор о создании Соединенных Штатов немислим без рассмотрения вопиющих моральных преступлений нации. Бальзаку приписывают слова о том, что за всяким большим состоянием кроется большое преступление. А за большим американским состоянием скрываются два преступления, которые нельзя сбрасывать со счетов. Одно из них – порабощение африканцев, другое – геноцид индейцев. Эти два обстоятельства, по мнению

некоторых, лишают США права на какой бы то ни было моральный авторитет. Учитывая, что, как уже отмечалось, Соединенные Штаты являются моральным проектом, эти обстоятельства должны рассматриваться со всей серьезностью, и их значение нельзя приуменьшить. Штаты несут тяжелый груз национальной вины за оба этих преступления, но, как и в большинстве случаев – исторических и моральных, – история гораздо сложнее, чем обычно считается, и поэтому неполна. Груз вины как нельзя более реален. И в то же время для подобных деяний есть объяснения, которые, конечно, не могут служить оправданием.

Рабство было завезено в Западное полушарие за столетия до того, как появились США или даже первое поселение в Северной Америке. Португальцы и испанцы поработали американских индейцев; кроме того, португальцы завозили в Бразилию африканцев. В Бразилии, безусловно, большинство африканцев являлись рабами. Испанцы, голландцы и англичане ввели систему рабовладения в Северной Америке в начале XVII века, в то время, когда не существовало понятия «американцы», а были только европейские поселенцы.

В этом смысле рабство было общим преступлением, но Штаты сделали то, что я бы назвал чудовищным. США не только продолжили рабовладельческую практику, но и наделили африканца статусом недочеловека – формально и юридически. Декларация независимости гласила, что все люди созданы равными. Отцы-основатели искренне верили в это утверждение, однако желали продолжить практику африканского порабощения. Они знали, что без рабства на Юге создать Соединенные Штаты не получится, ведь тогда Юг не присоединится к Союзу. Поэтому основатели решили проблему способом, который можно назвать исключительно моральным преступлением. Поскольку все люди созданы равными, африканцы были объявлены недоллюдьми, а Конституция закрепила их моральную ценность на уровне трех пятых от белого человека.

Это непростительный грех Штатов. Такие люди, как Джефферсон и Адамс, конечно, осознавали, что афроамериканцы равны белокожим, но ради экономического и политического удобства согласились принять доктрину, утверждавшую противоположное.

Декларация независимости, как предполагалось, должна была служить путеводной звездой для всего мира. Рабство существовало до основания США, широко практиковалось и продолжало

практиковаться в других местах даже после 1865 года, но, извратив основополагающий документ нации, отцы-основатели создали длительные несправедливые условия по отношению к афроамериканцам. Документ закрепил статус афроамериканца как недочеловека в американской культуре, тем самым унизив его и породив порочный взгляд на него, который все еще развращает нацию и продолжает стигматизировать жертв, которые, как предполагалось, должны были быть свободны. Закон формирует культуру, но отмена закона сама по себе культуру не меняет.

Второе преступление, которое США обязаны признать, – это геноцид индейцев. Тема эта сложна. Недавние исследования истребления коренных народов Западного полушария показывают, что именно болезни, а не акты насилия, привели к исчезновению индейцев не только в Северной Америке, но и во всем полушарии. Корь, оспа и другие заболевания уничтожили до 90 % некоторых индейских племен. Европейцы, сами того не подозревая, принесли с собой болезни. Не зная причин появления этих заболеваний, они тем самым практически истребили не имевшее иммунитета население. Книга Чарльза Манна под названием «1491: новые данные о доколумбовой Америке» (*«1491: New Revelations of the Americas Before Columbus»*) подробно описывает процесс вымирания индейцев.

Многие индейские народы, с которыми столкнулись американцы в своем движении на запад, представляли собой разбитые и раздробленные остатки того, что когда-то было великими нациями. На основании этих остатков американцы составили мнение об индейцах. Однако не все индейские народы были раздроблены. Например, один из них – команчи – создал обширную империю от Скалистых гор до Техаса и Канзаса. Начиная с XVIII века они вселяли страх в другие индейские народности – в частности в индейцев, проживавших на территории Великих равнин. К истреблению этих наций и племен привели три фактора. Первый – болезни, завезенные европейцами. Второй – действия империи команчей, которая терроризировала также и европейских поселенцев. Третий – сами европейцы, которые воспользовались дестабилизированностью равнинных индейцев, чтобы истребить оставшихся или загнать их в резервации, к примеру, в Оклахоме.

История уничтожения индейских племен во многом связана с возникновением США, но она не сводится исключительно к действиям Соединенных Штатов. Неясно, смогли бы американцы

заселить Запад, не случись болезней и войн команчей. До распространения болезней численность индейцев была гораздо выше, и они были искусны и воинственны. У поселенцев имелось огнестрельное оружие, но стрелы индейцев также являлись грозным оружием.

Прежде всего, следует иметь в виду, что каждая индейская народность и каждое племя рассматривали друг друга как чужаков. Они воспринимали себя не единой нацией на всем континенте, а отдельными народами с отдельными языками и верованиями. Как и все народы в мире, они постоянно вступали в войны и союзы друг с другом. Во многих случаях индейские народы считали наступающих американцев союзниками в борьбе со своими историческими врагами. В ходе освоения Запада американцы обнаружили не только племена, уничтоженные болезнью или раздавленные команчами, но и союзников, довольных тем, что чужаки прибывают и присоединяются к ним в войне против их недругов. В определенном смысле они видели в американцах просто чужое племя. Следовательно, моральным стандартом для оценки последствий американского вторжения должно стать определение того, в какой степени сами американцы содействовали краху индейских народов, а в какой степени этот крах был обусловлен завезенными болезнями и фактом добровольного сотрудничества индейцев. Как и в истории любого континента, хроника военных действий в Северной Америке гораздо древнее и запутаннее, чем можно предположить, защищая мнение о безусловной виновности какой-либо одной нации. *И моральное преступление было гораздо сложнее, чем обычно представляют.*

Как бы то ни было, но болезни резко сократили индейское население, и те, кто сталкивался с поселенцами, зачастую были настолько запуганы другими племенами, что заключали союзы сначала с европейцами, а затем с американцами. Американцы пользовались этим положением, убивая все больше индейцев и завоевывая их земли, а затем подписывая соглашения с суверенными индейскими народами, как они делали бы это с другими нациями. Однако Штаты нарушили почти все эти соглашения: вот в чем состоит неотъемлемая часть преступления. Американцы не несли ответственности за запутанные политические и военные действия, которые одни индейцы предпринимали против других. Американцы также не были ответственны и за болезни, которые они привезли с собой. Но они были виновны в том, что

противостояли индейским народам, развязывая войну, а затем систематически предавая их всеми возможными способами. Из-за этого поражение, с которым индейцы вполне могли справиться, обернулось для них тотальным лишением прав на территорию.

Часть вторая

Американские циклы

Глава 4. Как меняется Америка

В целом эта книга посвящена США, а в частности – своеобразному пути развития страны. Иногда Соединенные Штаты достигают критической точки, впадая в состояние войны с самими собой, однако после длительного периода страна вновь изобретает себя – так, что остается верной своим основам и при этом радикально отличается от той, что была раньше. В первой части я объяснял, что США – это изобретенная, созданная нация, в рамках которой государственное устройство, жители и даже земли постоянно воссоздаются. В результате возникают периоды сильной напряженности. В данном разделе я хочу остановиться на кризисных циклах, порядке их смены и новом создании страны – процессах, которые уже сформировали Америку и которые предопределяют события в 2020-х годах и дальше.

Мы пытаемся дать оценку Америке, основываясь на ежедневных новостях, текущих тенденциях и ощущениях, но в более широком смысле Америкой управляют два крайне регулярных цикла – институциональный и социально-экономический. Институциональный контролирует отношения между федеральной властью и остальным американским обществом: он сменяется примерно каждые 80 лет. Социально-экономический – каждые 50 лет, и в нем пульсирует динамика американской экономики и общества. Оба цикла функционируют одинаково: как только характеристики текущего цикла теряют эффективность, модель начинает пробуксовывать. Возникает период политической напряженности, что приводит к необходимости реформы. Появляются новые модели, помогающие решить проблемы; страна начинает новый цикл, который длится до тех пор, пока не сталкивается с другими сложностями. Почему циклы занимают 80 и 50 лет соответственно, будет объяснено ниже, равно как и другие особенности.

Именно такое развитие Соединенных Штатов и было предусмотрено с самого начала. В течение почти 250 лет государство радикально преобразилось, превратившись из страны

третьего мира где-то далеко в Атлантическом океане в доминирующую мировую державу. Возможно, самое примечательное это то, что быстрая и напряженная смена циклов не раздирает страну на части. Даже Гражданская война в конечном счете заложила фундамент для мирного и впечатляющего развития страны. Основные вопросы, на которые следует ответить, таковы: что стало причиной столь бурного развития, почему США не распались на части и что ждет их в будущем?

Если оставить в стороне сам процесс изобретения страны, то факт, что государство с более чем 300 млн жителей генерирует строго предсказуемые циклы, не должен приводить нас в изумление. Человеческая жизнь циклична. Мы рождаемся, о нас заботятся, из детского мы переходим во взрослый возраст, стареем и умираем. Много циклов существует и в природе, поэтому было бы странно, если бы человеческое общество не развивалось столь же циклично. Человеческие циклы проходят по-разному в зависимости от того, где люди живут, кто является их соседями и как они сплотились в нацию. В различных местностях циклы могут быть длиннее или короче, более или менее предсказуемыми. Американские циклы вторят американской натуре. Американцы нетерпеливы по своей природе – это отголосок мировоззрения первых иммигрантов, испытывавших острую потребность как можно скорее заработать на жизнь. И эта нетерпеливость ведет к действиям, а действия приводят к чередованию циклов, которые строго упорядочены и, по историческим меркам, быстро сменяются.

Мы привыкли считать, что свободно распоряжаемся собственной жизнью. Однако это не так. Конечно, существуют исключения из этого правила, но в целом, если вы родились в Бурунди, то ваша жизнь безусловно будет отличаться от жизни уроженца Канзаса. Наши возможности в жизни ограничены тем, где мы родились, кто наши родители, какими ресурсами они располагают, насколько мы умны и талантливы, и множеством других факторов. Все мы живем в мире ограничений, в котором многие вещи нам просто недоступны. Мы делаем выбор, но выбор этот задан узкими рамками. Чем мы старше, тем ограничения сильнее, и именно они позволяют нам хотя бы приблизительно предсказать течение жизни. Вот на этом уровне, очевидно, люди и в состоянии делать выбор. Однако, как указывал Адам Смит, все эти акты индивидуального выбора формируют предсказуемый народ.

Поэтому за четкой упорядоченностью американских циклов стоит предсказуемость.

Политики тратят годы на то, чтобы прийти к власти. Борьба за место под солнцем вынуждает их быть прекрасно осведомленными о силах, которыми они должны овладеть. Эти силы продолжают предопределять их действия, даже когда они приходят к власти. Те, кто достиг политического верха, прошли через изматывающую борьбу. Американцы привыкли думать, что политические лидеры, особенно те, кто им не нравится, попали туда по ошибке. Однако дело обстоит куда сложнее.

Круг вопросов, находящихся в ведении американского президента, определяется не его намерениями, а границами его власти и давлением, которое оказывают на него социальные и экономические факторы внутри страны, а также конфликтом интересов с иностранными державами. И ни один из этих факторов он не имеет права игнорировать. Президенты знают (или узнают это достаточно быстро), что ограничения, лежащие в основе действий главы страны, и будут характеризовать период его нахождения у власти. Джордж Буш-младший, выиграв выборы, не мог представить, что его президентский срок будет определяться событиями 11 сентября и тем, что за ними последует. Барак Обама пришел в Белый дом, будучи убежденным, что сможет изменить отношения Америки с исламским миром. Дональд Трамп стал президентом, полагая, что сможет возродить американскую промышленность. Во всех трех случаях их иллюзии относительно собственного могущества быстро улетучились.

Политическая власть – это не удовлетворение своих прихотей, а понимание реалий.

Тезис, согласно которому глава страны является по сути своей следствием событийной цепочки, а не ее причиной, идет вразрез с теми сильными эмоциями – позитивными либо негативными, – которые мы ощущаем в отношении некоторых президентов. Однако утверждение, что нами руководят безличные силы и нам что-то удастся лишь в той мере, в какой мы им соответствуем, – совершенно тривиально. Именно так мы представляем себе рынок. Мы понимаем, что рыночная сфера включает в себя миллиарды решений, принятых миллионами людей, и что в целом поведение всех этих людей в значительной степени предсказуемо. Президент не может просто вмешаться и захотеть, чтобы рынок повел себя другим образом, по мановению волшебной палочки прервав

экономический спад. Границы полномочий президента или Федеральной резервной системы^[21] определяются масштабом проблемы и способом ее решения.

Если в историческом течении прослеживается закономерность и президенты остаются на плаву лишь в той мере, в какой способны осознать эти ограничения и соответствовать им, то становится возможным наметить ориентиры того, где мы находимся сейчас, и предсказать пути развития. В таком случае можно определить, на каком отрезке цикла находится Америка. Понимая в общих чертах, когда кризис, возникший из-за нерешенных проблем, достигнет критической точки, мы можем спрогнозировать два момента. Во-первых, найдя единственно требуемое решение, мы предположим, как проблема будет снята. А во-вторых – сможем спрогнозировать спазм политической системы, в результате которого появится новый президент, способный отвергнуть прежний цикл и начать поиски путей воплощения решения в жизнь. Не он делает историю – история делает его.

Существует и более глубокое глобальное течение, влияющее на политику страны и устанавливающее иерархию превосходства. После распада СССР это течение стало особенно благоприятным для США, а не Европы: Америка превратилась в центр мирового притяжения. Тот факт, что США занимают подобную позицию, означает, что американские институциональные, экономические, культурные и технологические силы оказывают значительное влияние на остальной мир. Вспомните, как изобретение микросхемы или экономический кризис в США повлияли на компании, рабочие места и жизнь людей по всему миру. Ровно так же, как Британская и Римская империи некогда расчерчивали мир с высоты своего могущества, сейчас это делают Соединенные Штаты. Давление американских циклов изнутри неизбежно сказывается на остальном мире в виде такого же давления. Именно эти внутренние циклы вкупе с глобальными силами недавно создали крайне неудачную ситуацию для США.

Глава 5. Как геополитика предопределяет 2020-е годы

Во введении я говорил о кризисе 2020-х годов: в этот период оба основных цикла объединятся, и это дестабилизирует страну, но таким образом будет дан старт новой фазе американской истории. Кризис 2020-х станет исключительным не только потому, что одновременно разразятся два кризиса, но и потому, что США достигли беспрецедентного этапа в своем развитии: Америка стала исключительной мировой державой и не знает, радоваться ли этому и что делать дальше. Именно этот фактор предопределяет и усиливает грядущий кризис 2020-х.

В 2020-х годах две основные циклические силы будут активны одновременно, что впервые происходит в одно десятилетие. Поэтому возникнет нестабильность, которая усилится еще по одной причине. Соединенные Штаты возникли как страна, расположенная где-то на краю света, с населением, сконцентрированным на восточном побережье, и постоянными угрозами от более крупных государств. США переросли этот период и стали мощной мировой державой. По этой причине стране пришлось пережить множество напряженных моментов, что привело к развитию институциональных, экономических и социальных процессов. Новое положение совпало с более чем восемнадцатилетним периодом военных действий на Ближнем Востоке, борьбы с террористическими угрозами и лавирования между глобальными интересами разных стран, с вытекающими из них трениями. В течение 2020-х годов давление на политическую систему, вызванное новыми геополитическими реалиями, приведет к росту давления на США в целом.

Исторически так сложилось, что институциональные циклы приводились в действие войнами: Войной за независимость, Гражданской войной, Второй мировой. Следующий институциональный цикл также возникает из войны. На первый взгляд речь идет о войне с джихадистами, которую США ведут с 2001 года. Но существует более глубокий сдвиг, приведший к этой войне. Речь идет о радикальном сдвиге американского положения в мировой системе. После операции «Буря в пустыне» исламисты стали крайне враждебно относиться к США. Эта операция была ответом не только на иракское вторжение в Кувейт: она была

вызвана тем фактом, что США, единственная мировая держава, вынуждены были создать и возглавить коалицию для ведения войны. Данный международный конфликт, обрамляющий новый институциональный кризис, не является таким же кровопролитным, как другие, но, возможно, более серьезен.

В 1991 году развалился Советский Союз, и впервые за пять веков в Европе не оказалось державы мирового уровня. По итогам 500-летнего геополитического цикла США стали единственным доминирующим в мире государством. Это не только изменило статус США, но и привело страну к сложностям в институциональном, социальном и экономическом планах. Американская политическая система никогда не предвидела такой столь масштабной роли и не знала, как структурировать государственные механизмы, чтобы совладать с новым положением. Поэтому кризис 2020-2030-х годов на самом деле – часть непрерывного процесса смены циклов, который определяет американскую историю. Однако сейчас кризис возник в совершенно новом контексте, что увеличивает напряженность, и без того свойственную американскому историческому процессу.

Соединенные Штаты стали империей. Империей не в формальном смысле, а по географическому охвату и могуществу. Ее власть держится на размахе экономики, военной мощи и привлекательной силе культуры. Они, в свою очередь, зависят от политической системы, территорий и народа. Масштаб подобного феномена впечатляет еще и потому, что тот не имеет формальной структуры. Как бы там ни было, США – самая могущественная сила в мире. Однако американское общество крайне сильно тяготеет собственной «имперскостью». В 1776 году в США произошло первое восстание против существовавшей империи: американскому народу не нравятся опасности и сложности, таящиеся за глобальной ответственностью. США стали империей не по своей воле, но и отрицать реальность подобного положения дел невозможно. США молоды как страна, а как империя – даже еще моложе. Огромная власть удерживает их на плаву, несмотря на абсурдные действия или повсеместное неодобрение. США учатся быть империей, создавая чудовищные напряженности в других странах, в своих собственных социальных институтах и в своем собственном народе. Это наиболее очевидно на примере топорного ведения войны против джихадистов в течение восемнадцати лет.

Можно говорить о существовании империи, если по сравнению с другими нациями ее сила настолько велика, что даже простым фактом собственного существования она меняет принцип отношений и поведения других стран. Бывают империи, возведенные намеренно, – например, гитлеровская. Некоторые империи возникли спонтанно. К примеру, Рим не собирался быть империей. Неспособность Европы сдерживать свои агрессивные стремления привела к тому, что она растеряла свои формальные империи, создав при этом вакуум, в который оказались втянуты Соединенные Штаты и Советский Союз. С распадом Советского Союза остались лишь региональные державы, а глобальной силой были только США.

Америка представляла собой государство, расположенное на особенной территории и населенное особенным народом, но, в отличие от большинства других стран, она была основана как моральный проект, как пространство, где могли бы процветать как права человека, так и национальные интересы. С самого начала США разрывались между этими двумя принципами. Сегодня из-за огромной мощи Соединенных Штатов и их влияния на мир данная отличительная особенность усилила ценностный конфликт между моралью и народом. Существует и другая точка напряженности. Часть общества стремится претворять в жизнь замыслы отцов-основателей в том виде, в каком они их понимают, чтобы избежать увязания в разборках других стран. Другие утверждают, что американские потребности могут быть удовлетворены только с помощью основательного и постоянного присутствия в мире. Эти две точки зрения связаны между собой и обсуждаются с момента основания Соединенных Штатов, а в наши дни становятся все слышнее. На каждом заседании НАТО, на любых переговорах с Китаем подобная напряженность возникает вновь.

Одна сторона выдвигает аргумент, согласно которому основная миссия США состоит в том, чтобы являть собой пример добродетельности, а американская сила должна использоваться для защиты и распространения американских принципов. В основе этой позиции лежит мнение, что Соединенные Штаты имеют обязательства перед собой и миром – отстаивать и защищать моральные принципы, на которых они основаны, а убеждение, что США должны себя вести как любая другая страна, защищая свои экономические и стратегические интересы, обесценивает саму суть Америки. Проблема этой точки зрения состоит в том, что

большинство стран не придерживаются американских моральных стандартов и власть США сильно ограничена. Это формула бесконечной войны.

На другой стороне находятся те, кто утверждает, что главный интерес США – в том, чтобы защищать Америку, ее территории и ее народ. Поэтому в мировой политике США должны участвовать ровно в той же степени, что и любая другая нация. Принципы нежизнеспособны, если не подтверждаются властью. Согласно этому аргументу, американские ценности не выживут, если не выживет сама страна, и их лучше всего распространять через американское влияние. Это означает, что Соединенные Штаты должны время от времени предпринимать действия, которые, казалось бы, противоречат американским принципам, – но ведь ослабление или исчезновение США не соответствуют вообще никаким принципам. Распространение американских ценностей иногда требует отказа от них. В ходе Второй мировой США заключили союз со сталинским СССР. Это было одновременно и необходимой, и пугающей мерой.

Этот спор не является конфликтом идеологий. Сегодня как левые, так и правые политические силы выступают за распространение американских ценностей. На левом фланге защитники прав человека утверждают, что США должны использовать свою власть и влияние для наказания режимов, нарушающих эти права, – то есть либерально-демократические принципы, на которых основана Америка. Правые неоконсерваторы, в свою очередь, заявляют, что Соединенным Штатам необходимо использовать свою мощь, чтобы помочь сформировать мир в соответствии с американскими принципами. Оба фронта готовы задействовать военную силу, экономическое давление – или финансировать политические группы для достижения своих целей. Неоконсерваторы прямо утверждают, что американская мощь, в том числе и военная, необходима для защиты государственных идей. Левые менее рьяно отстаивают необходимость применения силы, однако выступили за военное вмешательство в Руанде и Ливии – то есть в тех случаях, когда власть наносила ущерб своему народу. Левые и правые воспринимают друг друга как оппонентов с противоположными взглядами, но если отбросить нюансы, все они следуют одной идее, согласно которой смысл властвования США – проецирование американских ценностей на мир.

Спор на эту тему активно ведется с момента основания государства. Вскоре после основания Соединенных Штатов случилась Великая французская революция, взявшая на вооружение лозунги, которые в большинстве своем воспроизводили американские. В то же время в торговом отношении Соединенные Штаты зависели от Англии, а Англия была враждебна Французской революции. На одной чаше весов находился моральный принцип, на другой – национальный интерес. Вашингтон выбрал национальный интерес, а Джефферсон, склонявшийся к тому, чтобы предпочесть принцип, спорить не стал.

Дискуссия между следованием принципам и национальной безопасностью тесно связана с еще одним предметом споров, несколько отличным от первого. Это дебаты о том, избегать ли вмешательства в дела иностранных государств или преследовать национальные интересы посредством постоянного присутствия в мире. Хотя это вмешательство никогда не прекращалось, многие и сегодня с теплотой рассуждают о том далеком времени, когда Соединенные Штаты заботились только о себе. Страна, отделенная от мира двумя бескрайними океанами, не просила о помощи и не оказывала ее.

На самом же деле такого времени никогда не было. Соединенные Штаты родились из европейской войны – борьбы между Англией и Францией. Если бы эти две глобальные державы не сражались друг с другом, США не появились бы на свет. Америка была слишком слаба и неорганизована, чтобы победить Англию, за исключением тех случаев, когда английская армия и флот не обращали пристального внимания на факты неповиновения в североамериканских колониях, поскольку были заняты конфликтами с гораздо более насущным врагом – Францией. Основатели знали, что не смогут добиться успеха, не воспользовавшись этой войной. Они отправили Бенджамина Франклина в Париж, чтобы тот представлял колонии и добивался военной помощи французов. Франция была полностью занята Англией и могла оказать разве что минимальное содействие, отправив на подмогу военных советников вроде маркиза Лафайета, чтобы помочь американцам организовать регулярные войска.

Французы много обещали, но мало что могли дать. Опытные в дипломатических переговорах отцы-основатели подыгрывали французам, а французам – колонистам. Французы дали обещания, чтобы сохранить доверие американцев, которое побуждало бы тех

продолжать борьбу с английскими войсками. Американцы, в частности Франклин, понимали, что французы не могут перебросить свои силы на помощь Соединенным Штатам, но продолжали поддерживать в своих коллегах приверженность французской стратегии, а во французах – американской. В конце концов французы высвободили достаточно военно-морских сил, и в итоге Вашингтон одержал победу над Корнуоллисом и англичанами в Йорктауне с помощью французского флота, наносившего удары с моря. С самого начала своего существования Штаты занимались дипломатией и силовым давлением, активно вмешиваясь в любые трения иностранных государств. Это было неизбежно. Государства редко живут долго, если не берут в расчет внешние угрозы и возможности. Тем не менее, несмотря на реальность, в американской культуре сильны мифы о временах, которых никогда не было.

Дискуссии о политике силы и американских идеях, о выборе между изоляцией и активным присутствием на мировой сцене исторически определили американскую внешнюю политику. Тема постоянно обсуждалась, набор ответов не менялся. В то же время один ответ заставил Соединенные Штаты испытывать беспокойство. Это беспокойство присутствовало при переходе Америки из статуса «один народ из многих» в статус «ведущая мировая держава, империя». Отношение США к остальному миру фундаментально поменялось.

События в Перл-Харборе изменили все. Соединенные Штаты ожидали войны с Японией, но были абсолютно уверены в том, что японцы не представляют никакой угрозы. После нападения Японии на Перл-Харбор американцы осознали, что недооценивали не только опасность Японии, но и опасность мира в целом. Когда американские корабли затонули в Перл-Харборе, японцы заняли Филиппины и пронеслись через западную часть Тихого океана, в то время как США беспомощно за этим наблюдали. Соединенные Штаты поняли, что были чересчур самоуверенными. Потрясение событиями в Перл-Харборе превратило США из государства, уверенного в собственной силе и считающего собственную географическую удаленность лучшей защитой, в страну, находящуюся в состоянии постоянной боевой готовности, активно ищущую следующего врага и обязавшуюся не повторять ошибок Перл-Харбора.

Поэтому СССР стал не просто противником – он стал постоянной реальной угрозой. Это представление, возможно, имело под собой основания, однако возникло оно вовсе не в результате беспристрастного анализа действительности. США теперь были вынуждены предполагать худшее – и считать, что враг умен и опасен и может быть побежден только силой всей нации. Соединенные Штаты не ошибались в случае со сталинским СССР, но после Перл-Харбора они вели себя точно так же и с любым другим противником.

Из-за событий в Перл-Харборе появилось чувство страха перед опасностью, которая может возникнуть где угодно. В итоге США решили прилагать максимум усилий, чтобы постоянно быть готовыми к худшему. Вторая мировая война не оставила для Америки путей вмешательства в дела других стран, а в этой стратегии США уже весьма поднаторели. Война создала лишь страх, что государство не сможет постоянно предпринимать усилия по своевременному выявлению и устранению опасностей. У некоторых американцев появился также страх перед самим правительством, заговорами и группировками, которые, по слухам, контролировали властные структуры. После Перл-Харбора возникла теория заговора, согласно которой Рузвельт не только знал о нападении японцев, но и специально не остановил их, чтобы тем самым оправдать вступление во Вторую мировую войну. Чувство ужаса и страх заговоров были частью одного и того же исторического сдвига.

После Второй мировой войны каждого американского президента стал постоянно сопровождать офицер с «ядерным чемоданчиком»^[22], который глава страны мог использовать по своему усмотрению. Подобный шаг говорил о произошедших изменениях. Согласно Конституции, Конгресс должен легитимизировать начало военных действий путем декларации или четких резолюций. Однако, учитывая природу ядерной войны, такая легитимация не имеет практического смысла. Поэтому, по мере того как война становилась все более апокалиптической, Конгресс начал отходить на второй план. Президент стал исполнять гораздо более значимую роль, а не просто представлять одну из трех ветвей власти.

Такие изменения привели к созданию постоянного разведывательного управления после Второй мировой войны. Это было больше чем обычная разведывательная служба, собирающая

разведданные и анализирующая их: данное управление занималось также тайными операциями под контролем президента. Теперь президенту принадлежала чрезвычайно важная роль. Во время холодной войны, примерно к 1970 году, в Соединенных Штатах были созданы огромные вооруженные силы – для этого пришлось применить всеобщую военную обязанность. Такого прежде никогда не было в американской истории. Индустриальная составляющая военно-промышленного комплекса также неимоверно разрослась (об этом с тревогой предупреждал Д. Эйзенхауэр в своем прощальном обращении к нации) и практически во всех отношениях находилась под контролем федерального правительства. Во время Корейской войны страна под руководством Гарри Трумэна вмешалась в военные действия без какого-либо одобрения Конгресса. Кубинский ракетный кризис^[23] был чисто президентским решением, равно как и вмешательство в Косово в 1998 году. Во всех этих случаях роль Конгресса в принятии решения по ведению войны была, по крайней мере, уменьшена, а иногда и вовсе проигнорирована.

В период с 7 декабря 1941-го по 31 декабря 1991 года, целых пятьдесят лет, Соединенные Штаты находились в состоянии либо войны, либо подготовки к ней. Из пяти десятков лет примерно четырнадцать были потрачены на настоящие военные действия (Вторая мировая, Корея и Вьетнам). Остальные тридцать шесть лет прошли в состоянии повышенной боевой готовности на случай ядерной войны с Советами. Когда человек постоянно находится в состоянии конфликта или тревоги, воздействие адреналина меняет его. В случае с Соединенными Штатами, в дополнение к постоянному беспокойству, имели место стремление к секретности, создание масштабных учреждений для управления огромным военным и оборонным промышленным комплексом, а также введение института военной службы в качестве элемента обычной, повседневной жизни. Однако адреналин не только бодрит – он еще и утомляет вас.

За это время США создали мощную службу безопасности и разведки, развили невероятную военную мощь и значительную инфраструктуру для их поддержания. Наверху иерархической лестницы находился президент с гораздо более широкими полномочиями, чем то предусматривалось отцами-основателями, а федерализма в американском обществе было меньше, чем во время Второй мировой, но больше, чем до войны. Это не говорит о том,

что принцип федерализма плох или неудачен. Учитывая саму природу Второй мировой, подобный ход событий неизбежен. Если принимать во внимание природу холодной войны, было необходимо поддерживать некоторую версию модели Второй мировой. Соединенным Штатам пришлось постепенно мигрировать к состоянию готовности к войне, из-за чего президент получил исключительную власть в двух смыслах. Во-первых, на практике он имел теперь полномочия, которых у него прежде не было. Во-вторых, в его распоряжении отныне были ресурсы и средства, до этого не существовавшие.

Неизбежно США стали оказывать влияние на многие мировые регионы, вызывая у тех как враждебные чувства, так и желание примкнуть. Тем не менее не существовало никакой намеренно создаваемой империи, никаких стремлений к мировому господству. Наоборот, действовал противоположный импульс: избегать излишнего вмешательства – или, если уж вмешательство неизбежно, сфокусироваться на распространении американских ценностей, а не на установлении режима эксплуатации.

У США не было особых экономических и торговых поводов для того, чтобы возводить империю. Америка экспортирует лишь 13 % своего ВВП, в то время как у Германии этот показатель достигает почти 50 %, у Китая – более 20 %. При этом США является крупнейшим импортером в мире, хотя ввозит лишь 15 % от объема своего ВВП. Суть здесь в том, что внешняя торговля выгодна США, но не настолько, чтобы из-за этого строить целую империю для защиты торговых интересов. Стране не требуется внушительный импорт, также она не зависит от экспортных колебаний. В самом деле, США стремятся не заключить торговые соглашения, а скорее даже выйти из них или пересмотреть их, что мы наблюдали в случае с NAFTA^[24] или переговоров с Китаем^[25].

Экономических мотивов для создания империи нет. Тем не менее, сама того не желая, американская экономика является настолько значимой, что постоянно оказывает влияние на остальные страны мира. Технологическое развитие какого-либо американского потребительского товара оборачивается тем, что промышленники по всему миру переоборудуют свои производства. Изменения пищевых привычек американцев могут привести к серьезным и далекоидущим последствиям – например, к банкротству производителей сахара или кукурузы либо к тому, что в мире будут больше сажать киноа.

В этом смысле США постоянно влияют на остальной мир и раздражают его. Даже больше: США влияют на мир и раздражают его своей культурой – одновременно нацеленной в будущее и дерзкой. Она не чтит ни прошлое, ни традиции. При этом она крайне привлекательна. Поэтому столь сильно ею возмущены приверженцы традиций по всему миру, в том числе и в США. В основном традиции в мире выстраиваются вокруг религии и семьи, а американская культура рвет и с тем и с другим. В исламском мире и во многих других регионах присутствие американской культуры воспринимается как нечто подрывающее традиции и семейные ценности, а потому и общество в целом.

США, конечно же, в курсе подобной тенденции – и в каком-то смысле даже одобряют ее. По всему миру американцы наблюдают молодых людей, живущих в условиях тирании и слушающих рэп на своих айфонах. В Америке прекрасно понимают, что произойдет дальше: замена тирании либеральной демократией. Распространение американских технологий и музыки подрывает господствующую в другой стране культуру, и понятно, что это принесет с собой и другие американские ценности. Подобный сценарий разворачивается не часто, но за ним кроется стойкая убежденность в том, что изменения привычной жизни и принятие американских ценностей весьма желательны. Неудивительно, что США многих возмущают. Неудивительно также, что США всегда с отрывом лидируют в опросах, в которых граждан иностранных государств спрашивают, в какой стране они хотели бы жить, если бы покинули свою родину.

Империи недолюбливают, их ненавидят. А еще ими восхищаются, им завидуют. Они определяют культуру мира. Согласно такому определению, США – империя. Английский стал мировым языком бизнеса и управления, от любого профессионала ожидают знания английского. Мне доводилось присутствовать на встречах, в ходе которых иностранные эксперты и политики, говоря по-английски, с пеной у рта клеймили США. Британцы распространили английский язык, но американцы пошли еще дальше. Тот факт, что американское влияние расширяется без какой бы то ни было формальной структуры, говорит о том, что Штаты являются гораздо более могущественной империей, чем любая из когда-либо существовавших. Американская империя не только глобальная, но еще и «нерегулярная». Она пользуется своим

могуществом от случая к случаю, контролируя мир без какого-либо четкого плана или даже систематического намерения.

В настоящее время США переживают парадоксальный период. Базовые институты, созданные во время Второй мировой и холодной войн, все еще существуют, хотя и в урезанном виде. На поддержание армии выделяются значительные средства, разведслужбы продолжают функционировать, Совет национальной безопасности действует, а за президентом по-прежнему неотступно следует человек с «ядерным чемоданчиком». Военные в горе Шайенн^[26] (в окрестностях города Колорадо-Спрингс) круглосуточно, семь дней в неделю продолжают контролировать воздушное пространство, но зачем именно, не совсем понятно. США могли бы уже давно распустить эту структуру, однако не сделали этого. Бесконечное отслеживание возможного нападения уже наделено статусом официального института.

Неизбежно возникла основная проблема. США не ожидали, что холодная война закончится, не готовились к ее окончанию. В результате после войны страна осталась в позиции силы и не знала, что с этой силой делать. В 1980-х реальность была одной, в 1992-м она совершенно изменилась. Было легче представить, что жизнь скоро станет прежней и общественные институты не изменятся, и фантазировать, что мир с распростертыми объятиями встретит США и их экономическую модель, военную мощь, технологии и культуру.

Существовали некоторые признаки того, что так и случится. Когда распался СССР, Саддам Хусейн вторгся в Кувейт; возникла угроза в отношении нефтяных месторождений, разрабатываемых Саудовской Аравией. Американцы ввели войска, чтобы защитить Саудовскую Аравию, а потом сделали нечто из ряда вон выходящее. Америка создала коалицию из 39 стран, из них 28 отправили свои вооруженные силы для вытеснения Ирака из Кувейта. Такого поворота событий страстно желали бы ООН или Лига Наций. США практически за сутки создали действующую коалицию. Они вели себя как лидер мира и фактически являлись им.

Однако 11 сентября 2001 года все иллюзии улетучились в одно мгновение. В действительности атака на США началась незаметно для Америки, во время защиты американцами Саудовской Аравии от Ирака. Исламские фундаменталисты посчитали кощунством американское присутствие в стране, где расположены Мекка и Медина. Операция «Буря в пустыне» была одним из факторов,

сформировавших ненависть джихадистов к США. Вместо ожидаемого мира во всем мире государство снова погрузилось в состояние войны.

В психологическом плане 11 сентября было чем-то вроде Перл-Харбора. Это событие пришло словно ниоткуда; теракт был организован силами, о которых большинство американцев ничего не знали, и вызвал к жизни страхи вроде тех, что показаны в вестерне «Ровно в полдень». Америка ответила тем, что послала несколько дивизий в Афганистан – туда, где зародилась идея теракта против США. Далее последовало массивное вторжение в Ирак и менее массивные – в другие страны. Другими словами, несмотря на вьетнамский урок, США разместили свои стандартные военные силы для отражения партизанской войны.

Управление империей означает использование минимума силы, потому что мировая империя, скорее всего, будет воевать постоянно, если она чуть что всегда хватается за оружие. Основная стратегия империй состоит в том, чтобы действовать дипломатическим путем или использовать военную силу других государств, а не собственную. Вооружая чужую силу и давая ей политические или экономические мотивы для борьбы, империя как минимум решает имеющуюся проблему, не вовлекая при этом свои силы. Британия, управлявшая Индией, применяла именно эту технику: в Индии было размещено относительно мало британских войск. В течение столетия британцы редко прибегали к широкомасштабному использованию военных сил. Используя же данный метод против Америки, они проиграли. Когда позже они вновь прибегли к этой стратегии в англо-бурской войне, им пришлось отчаянно бороться. Британцы берегли свои войска для последнего, решающего удара, очередь до которого доходила редко. Они управляли империей с помощью местной военной силы, желавшей защищать британские интересы по своим личным причинам.

США должны быть готовыми к враждебным атакам. Их власть будет вызывать ненависть, им не следует рассчитывать ни на симпатию, ни на благодарность. Великие мировые державы никогда их не получают. Ожидание, что США будут пользоваться всеобщей любовью, как это было после Первой мировой, – признак незрелого государства. Те, кто жаждет восхищения от мира в адрес Штатов, не в состоянии осознать нынешний статус США и пересмотреть свои взгляды.

Американское стремление использовать собственные войска для борьбы с силами вроде «Аль-Каиды»^[27] нерационально. Не потому, что война с «Аль-Каидой» является несправедливой, а потому, что США не могут находиться в состоянии войны в течение восемнадцати лет, фокусируясь лишь на одной области мира и не обращая внимания на другие, столь же или даже более важные для Штатов регионы.

Главная опасность для империи заключается в постоянной войне. С позиции глобальных интересов, в мире всегда будет существовать какая-нибудь горячая точка. Если первичным ответом раз за разом будут военные действия, то империя всегда будет находиться в состоянии войны. А если она всегда где-то воюет, то всегда будет уязвима для кого-то, кто захочет этим воспользоваться. Даже более того: если империя не приносит блага своим жителям, а вместо этого высасывает из них соки и калечит их жизни войной, то политическая поддержка такой империи быстро испарится. И Римская, и Британская империи выживали, по минимуму используя прямые военные действия, стараясь обходиться другими способами поддержания собственного существования.

Проблема в том, что после событий в Перл-Харборе в эмоциональном и институциональном планах США ориентированы на ответную массивную военную атаку (даже если она будет неадекватной или недостаточно эффективной). Более того, государство устроено таким образом, чтобы фокусироваться на этой определенной угрозе, а не на том, чтобы рассеивать свое внимание. Во время Второй мировой войны такой угрозой считались Германия и Япония. В холодной войне – СССР и Китай. В обоих случаях остальной мир рассматривался через призму подобной первичной угрозы. Поэтому, если возникала проблема в Африке, а СССР не был в ней замешан, то США не обращали внимания на эти события. Если же СССР принимал участие в конфликте, то Штатами овладевала настоящая одержимость. Именно в подобных случаях страна неоправданно нарушала собственные моральные принципы, объединяясь с режимами, которые были неприятны США и имели крайне несущественное значение. Когда одному врагу уделялось практически все внимание, другие соображения стратегического или морального толка в лучшем случае отходили на второй план.

Война с исламистами была первой, в которой США участвовали как империя, но сражались так, как если бы были обычной влиятельной державой. Америка была одержима этой войной,

задействовав по большей части собственные военные силы и забросив другие свои интересы в мире; поиск альтернативных путей разрешения конфликта не велся. США на тот момент еще не перешли от образа страны, пережившей Вторую мировую или холодную войну, к образу государства, сознательно позиционирующего себя в качестве империи. Перехода от статуса влиятельного государства со значительными, но ограниченными интересами к позиции величайшей империи из когда-либо существовавших предпринято не было. В институциональном смысле США не имеют понятия, как уклониться от борьбы. Военные силы часто используются в конфликтах, которые, по сути своей, не поддаются решению военным способом. Структура принятия решений в Вашингтоне сложна, расплывчата, конфликтует сама с собой. Она предназначена не для принятия рутинных решений, а главным образом для действий в условиях кризиса. Поэтому проблема должна сначала достичь уровня кризиса, иначе система буксует, будучи не в состоянии отреагировать надлежащим образом. Она крайне редко выдает эффективное решение проблемы, не лежащей в плоскости кризиса. Что же касается империи, то она не может отвечать войной на каждый вызов, и процесс принятия решений не должен стопориться из-за любого второстепенного кризиса.

Из-за этого федеральная власть испытывает гигантское давление, которое будет давать знать о себе через проблемы, возникающие сейчас; а в 2020-х годах давление усилится. И бюджет, и государственный аппарат постепенно приспособятся к задачам управления империей, быть которой США не желают. Из-за подобного давления власть действует менее эффективно, что негативно отражается на социальной и экономической динамике. Неудивительно, что почти два десятилетия войны и устаревшие принципы функционирования федеральной власти, которой пришлось вести войну, неизбежно способствовали циклическим кризисам, свидетелями которых мы станем в 2020–2030-х.

Глава 6. Институциональные циклы и война

США зародились в сражении. Их государственные институты закалились в войне. Примерно каждые 80 лет в США меняются принципы функционирования политических институтов. Базовая структура Конституции остается неизменной, но федеральные и региональные институты меняют принципы взаимодействия и работы. До настоящего момента было три подобных сдвига. Каждый из них случился потому, что действовавшие прежде схемы более не работали. Подталкиваемая экстремальными условиями войны институциональная структура обнажила свои слабые места, и стало ясно, что требуется новая институциональная система, которая заменила бы прежнюю. Я покажу, что мы близки к новому институциональному сдвигу. Этот сдвиг назрел из-за неспособности системы работать с новой реальностью, а развился в конфликтах и неопределенности, вызванных превращением США в единственную мировую державу.

Три предыдущих цикла прослеживались ясно. Первый начался во время написания проекта Конституции в 1787 году, а к жизни был вызван Войной за независимость и ее последствиями. Первый институциональный цикл длился 78 лет – до конца Гражданской войны и внесения поправок в Конституцию 1865 года, в результате чего появилось федеральное правительство, но его отношения со штатами не были прояснены. Второй институциональный цикл был начат в 1865 году в результате Гражданской войны и привел к закреплению власти федерального правительства над штатами. Продолжался он до конца Второй мировой. Третий начался в 1945 году, возникнув из Второй мировой. В ходе этого цикла власть федерального правительства существенно расширилась, распространившись не только на штаты, но и на экономику и общество в целом.

Если данная модель продолжит существовать в таком виде, то следующий институциональный цикл начнется примерно в 2025 году. Приближающийся четвертый цикл заставит федеральную власть пересмотреть отношение к самой себе. Поэтому чтобы понимать, каким будет следующий цикл, поскольку он грядет и будет определять следующие 80 лет, необходимо разобраться в предыдущих циклах и в том, как в рамках этой структуры работают

американские принципы изобретения с нуля и повторного изобретения.

Восемьдесят лет – крайне короткий период для истории государства. Другие страны менялись гораздо медленнее, менее слаженно и предсказуемо. Как мы уже видели, США в этом смысле отличаются, и суть этого отличия – в том, что страна является артефактом, искусственно созданным государством. Изобретение встроено во все элементы американской культуры, от технологии до общества. Другие страны, такие как Россия и Вьетнам, не изобретали себя сами, но даже если и были искусственно созданы, то это произошло так давно, что у них развилась другая стержневая структура. Когда такие страны достигают точки, в которой их принципы функционирования дают сбой, они могут попытаться выбраться, могут быть парализованы или впасть в хаос. Их стержневая структура при этом не затронута. В США же изменения происходят иначе. В американских городах строятся гигантские здания, которые затем, через несколько десятков лет, демонтируются. Потому что в почете изобретение с нуля, а не традиция. Условное разделение истории на 80-летние периоды между Войной за независимость и Гражданской войной, между Гражданской войной и Второй мировой, возможно, является случайным. Однако же данные сроки реальны, и, я думаю, они слишком необычны, чтобы быть простым совпадением. Частично причина этого заключается в скорости, с которой американское общество, как предполагалось, должно развиваться, а частично – в том, что федеральная власть как таковая тесно связана с военными действиями.

В конституционном плане первичная функция федеральной власти – обеспечивать национальную безопасность. Президент является также и верховным главнокомандующим. С самого начала штаты имели значительные властные полномочия. За федеральным же правительством оставалось право воевать с иностранными государствами. Неизбежно по мере того как политические силы, ведущие к войне, и способ ведения военных действий изменились, институты федерального правительства также начали претерпевать изменения. Происходили преобразования и в других областях, что обусловило эволюцию прочих государственных институтов, но война осталась основной движущей силой.

Давайте сравним затраченное Штатами время на войну за последние несколько веков. В XX веке США были вовлечены в

крупные войны, такие как Первая мировая, Вторая мировая и война во Вьетнаме: в общей сложности это составляет 17 % от всего столетия. В XIX веке процент военных лет был выше. На ведение традиционных, неядерных войн ушел 21 % от столетия, включая войну 1812 года, Мексиканскую войну, Гражданскую войну и Испано-американскую войну. Однако если мы добавим сюда и действия против индейцев, то война займет практически 100 % времени. За прошедшие девятнадцать лет нового, XXI века США на 100 % были заняты военными действиями. Однако не все войны одинаковы. Совершенно особое влияние на нацию оказали Гражданская война и Вторая мировая, равно как и длительная война на Ближнем Востоке в сочетании с противостоянием терроризму и новой ролью Америки в мире.

Любая война оставляет неизгладимый след на институтах власти, но некоторые войны их просто-напросто ломают. Они ломают их потому, что, как в случае с Гражданской войной, военный конфликт возникает естественным образом из-за отношений между институтами, либо же, как во Второй мировой, потому, что война не может вестись без преобразования национальных институтов. Неудивительно, что США часто принимали участие в конфликтах. Само появление Америки бросило вызов Британской империи и европейской системе в целом. США также бросили вызов народам Северной Америки, Индии и Европы. Не все войны трансформировали институты, но когда социальные и экономические напряженности накладывались на войну, результатом оказывался институциональный провал и, в конечном счете, переосмысление принципов функционирования страны.

Однако произошло и другое, еще более значимое международное событие: не война, а переопределение того, что значит быть американцем, и введение в законные рамки постоянного присутствия страны на мировой арене. Американское могущество подразумевает постоянное участие в делах других стран, любое из которых может вылиться в войну. В мире должна присутствовать только одна глобальная сила, но не потому, что она этого желает, а потому, что масштабы ее экономики и вооруженных сил делают это реальностью. Так создается постоянное взаимодействие с большинством стран мира, а с некоторыми случаются конфликты. Во время холодной войны Соединенные Штаты знали, что Советский Союз представлял собой потенциального врага. Сегодня потенциальных врагов становится

много, это происходит не из-за действий США, а из-за того, чем США являются.

Это меняет не только внешнюю политику, но и институциональную структуру Штатов. Весь мир является потенциальным антагонистом и требует постоянного управления. Институты США и общественное представление о том, что значит быть американцем, должны адаптироваться к новой ситуации, а это сложный и длительный процесс. Впрочем, как мы уже наблюдали на примере всех циклов, война и постоянное давление, оказываемое ею, вызывают институциональные изменения. То, что должно произойти сейчас, – это появление зрелой и сдержанной модели поведения в отношениях Америки с остальным миром.

Поскольку я считаю, что мы приближаемся к концу текущего институционального цикла и началу четвертого, будет полезно более подробно рассмотреть, что привело к концу второго цикла и как возник текущий, третий цикл.

Крах второго институционального цикла

После Гражданской войны федеральное правительство получило окончательную власть над штатами. Власть была ограниченной, но достаточно сильной, чтобы создать неделимую республику. Однако это была республика больших расстояний и различий. Нью-Мексико сильно отличался от штата Мэн, и на практике федеральное правительство, учитывая ограниченные ресурсы для прямого контроля за обоими, управлять не могло. Власть федерального правительства основывалась на его способности обеспечивать соблюдение Конституции и ограничивать автономию штатов в этих рамках. Благодаря формулировкам в Статьях Конфедерации^[28] и неопределенности некоторых мест Конституции начался новый институциональный период, в котором существовала одна неделимая страна. При этом федеральное правительство не принимало участия в частной жизни граждан и, по большей части, в функционировании частной собственности, особенно бизнеса. По мере прохождения второго цикла стена начала разрушаться, но институты рухнули по двум причинам.

Ломка институциональных рамок второго цикла началась в 1929 году из-за Великой депрессии. Депрессия поставила страну перед большой проблемой. Если с ней не справиться, то она, безусловно, привела бы к социальным волнениям или даже к восстанию. Многие были в отчаянии, а отчаяние способно стать угрозой для

институтов власти. Единственный способ, которым федеральное правительство могло решить эту проблему, – преодолеть существующую институциональную структуру и вмешаться в экономику.

После избрания на пост президента Франклин Рузвельт был полон решимости устранить проблему, но не указывал, как конкретно он это сделает. Казалось, у него нет четкой идеи или плана. Пойманный в ловушку обстоятельствами, президент начал менять отношения между правительством и обществом. Великая депрессия привела к экономическому спаду, который перетек в социальный и политический кризис. Фабрики, которые могли производить продукцию, сталкивались с потребителями, которые не могли ее купить, потому что были безработными. Это вело к закрытию все большего количества производственных мощностей. Во время нескольких прошлых депрессий федеральное правительство предпочитало держаться на расстоянии от проблемы. Однако данный кризис имел два отличительных аспекта.

Прежде всего – его интенсивность и продолжительность. Когда президент Рузвельт вступил в должность в 1933 году, Великая депрессия бушевала уже более трех лет и не думала прекращаться. Вторая проблема заключалась в том, что общество стало намного сложнее. Аграрное общество, состоящее из мелких фермерских хозяйств, относительно простое. Экономические спады разрушают общество, но фермы производят еду, и этой еды достаточно для того, чтобы выжить. Между тем, индустриальное общество 1930-х годов зависело от городов, где проживало огромное количество рабочих и где фабрики объединялись в целые цепочки поставок. По городам депрессии бьют с удвоенной силой. Голод был не за горами. Возвращение людей к работе или, по крайней мере, облегчение их положения было политическим императивом.

Федеральная власть стояла перед проблемой. Сторонники второго институционального цикла полагали, что если правительство снизит налоги и не станет вмешиваться в экономические и социальные проблемы, то это поможет преодолеть Великую депрессию. Суть второго цикла в этом и заключалась. Однако подобное решение в перспективе увеличило бы давление на экономику; к тому же, даже если бы оно и было эффективным, время его осуществления и политическое время не совпадали. Принимая во внимание давление как на рабочий класс, так и на промышленное производство, нельзя было позволить событиям течь

самим по себе. Радикальные политические выступления, такие как движение Хьюи Лонга «Наше богатство» («*Share Our Wealth*») или заявления коммунистов, не имели реальной власти, но со временем и с учетом переносимых народом тягот вполне могли ее получить.

В экономической и политической областях требовалось решение, и единственно возможным путем стало вмешательство в экономику и социальные отношения. Отыскивая способы заплатить хотя бы части безработных, Рузвельт на законодательном уровне ввел максимальный налог в 75 %. В теории это должно было работать. Однако проблема заключалась в том, что в США имелись промышленные предприятия, чье предложение превышало спрос. Рост налогообложения урезал доходы, предназначенные для инвестиций в производство, и означал, что предприятия не будут наращивать свою мощность и что денежные средства пойдут на потребление. Никто не инвестировал в промышленность, поэтому на помощь безработным шло крайне мало денег. «Новый курс» Рузвельта не привел к окончанию Депрессии, но установил принцип, согласно которому правительство несло в определенном смысле ответственность за экономику и могло на законных основаниях регулировать экономические и социальные вопросы.

Силой, решившей эту проблему, приведшей к завершению Великой депрессии и, в конце концов, разрушившей институты второго цикла, стала война. Сутью американской стратегии во Второй мировой явилось промышленное производство. Благодаря 300 тыс. самолетов, 6 тыс. кораблей и почти 200 тыс. танков победа была предопределена. США мобилизовали на войну 12 млн мужчин и женщин; всех их нужно было кормить, одевать и размещать. Необходимо было производить боеприпасы, атрибуты вроде колючей проволоки, медицинское оборудование всех типов. Чтобы изготовить все это, значительная часть экономики была перепрофилирована под военное производство. В процессе этого перепрофилирования сырье, то есть нефть, сталь и медь, должны были распределяться не только среди гражданского населения, но и по различным предприятиям. Федеральным властям пришлось установить приоритеты и распределять сырье в соответствии с ними.

Промышленное производство в таких больших масштабах и в таком высоком темпе помогло справиться с безработицей. Война также разрушила многие барьеры между публичной и частной жизнью и изменила само понятие частной жизни: женщины и

афроамериканцы стали занимать места в обществе, раньше им недоступные. Самым крупным разрушенным барьером оказался тот, который разделял федеральное правительство и бизнес. Бизнес процветал за счет федеральных контрактов, но, в свою очередь, жестко управлялся федеральной властью.

Сложность участия в военных действиях и выстраивания экономики в соответствии с военными нуждами требовала управленческой системы, достаточно большой, чтобы контролировать разветвленные и непростые экономические процессы, и государства, которое осуществляло бы надзор над всеми. Большинство этих управленцев были выходцами из военных, а многие должностные лица, которым надлежало контролировать различные аспекты процесса, были набраны из сферы бизнеса. Федеральное правительство тоже повышало свой уровень. На фоне требований войны возникла необходимость интеграции федеральной власти в экономику и общество. Оглядываясь назад, мы можем сказать, что этот период был пройден относительно хорошо, потому что управленцы изобретали различные решения, рассматривая свою работу исключительно в качестве временной.

После Второй мировой федеральное правительство изменилось. Ушли в прошлое такие понятия, как продажа по карточкам; число военнослужащих сократилось. Федеральные контракты в экономике не доминировали. Впрочем, вовлеченность правительства в частную жизнь, прежде проявлявшаяся в военной сфере, не исчезла. Военная система проникла в мирную реальность: достаточно вспомнить, как запросы военной отрасли влияли на появление новых технологий, вовлекая ученых и корпорации в их разработку, а также в превращение их в потребительские товары, помимо продуктов чисто военного назначения.

Из-за Великой депрессии второй институциональный цикл устарел. Действовавшие институциональные правила не решали проблему, а она должна была быть решена. Вторая мировая привела «Новый курс» Рузвельта к окончательной развязке, переплетя федеральную власть с экономикой и обществом. Поскольку они были, по большей части, национализированы во время Второй мировой, прежняя модель была отброшена – и заложено основание нового институционального цикла, который продолжался следующие восемьдесят лет.

Чтобы понять, насколько сильна была федеральная власть, посмотрим, как во время Второй мировой строились отношения

власти и науки. Наиболее драматичный пример этого альянса – «Проект Манхэттен». Университетские ученые открыли базовые принципы ядерного деления. Когда разразилась война, они донесли до военных возможность создания атомной бомбы. Военные организовали ученых и связали их с представителями деловых кругов, чьи производственные возможности и знания потребовались бы для производства бомбы. «Проект Манхэттен» оказался успешным, и ученые заняли почетное место в умах граждан, военных, федеральных должностных лиц. Они стали символами американской победы.

«Проект Манхэттен» был лишь одной из многих удачных инициатив во время Второй мировой. Однако именно его успех скрепил нацию. Он оказался настолько впечатляющим и характерным, что послужил моделью для следующего цикла. Подобная программа могла существовать только на правительственные деньги; организация и продвижение также обеспечивались правительством. Проект нужно было держать в строгом секрете, и федеральная власть контролировала жизнь его участников, скрывая его от населения. Все эти меры были необходимыми – и именно они изменили принципы функционирования Америки. Федеральная власть имела право перекраивать промышленность и при этом не быть подотчетной за это обществу, хотя разработанные технологии были способны перевернуть повседневную жизнь людей. Таким образом, военные получили технологию, требовавшуюся для участия в холодной войне. Исследователи и другие ученые получили возможность продолжать научные изыскания, которые в противном случае они не смогли бы вести. Корпорации получили правительственные контракты и возможность перепрофилировать технологию в гражданских целях. Однако же именно правительство определяло вектор развития науки и технологии.

В предыдущем институциональном цикле научные исследования, технологии были сферой компетенции университетов и корпораций. Томас Эдисон являлся воплощением того, как наука может сотрудничать с бизнес-идеями, и мы видели, как он в этом преуспел. Он был еще и убежденным пацифистом, выступавшим против использования его разработок в военных целях. Однако подобный образ мыслей не годился в условиях Второй мировой, потому что был слишком расплывчатым и непредсказуемым. На войне требуются ясность и предсказуемость. Поэтому федеральные

ведомства объединяли университеты с их учеными, и корпорации с их инженерами в единое финансируемое из центра предприятие, и сотрудники этого предприятия пацифистами не были.

С одной стороны, отцы-основатели предусматривали вовлеченность федеральной власти в науку. В Северо-Западном ордонансе^[29], который был разработан Томасом Джефферсоном и определял порядок образования штатов, говорилось, что каждый новообразованный штат должен выделять землю под университет. Такой принцип существовал с самого начала, но получил совсем неожиданное развитие. В период, о котором мы ведем речь, объединились университеты, федеральный центр и частный бизнес – и жизнь каждого человека изменилась.

Эта модель до сих пор довольно распространена. Возьмем, к примеру, смартфон. Впервые сотовый телефон получил применение в 1985 году в американской армии. Камера, находящаяся в смартфоне, была разработана Национальным управлением военно-космической разведки США для разведывательных спутников. Функция GPS в сотовом телефоне разработана и внедрена американскими ВВС, литиево-ионные батареи – Министерством энергетики, а пионером в области разработки Интернета стало Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны Соединенных Штатов. Поэтому все, что вы видите в смартфоне, – это наследство военных технологий: большинство из функций были созданы университетскими учеными, при помощи корпораций получили применение в военной сфере, а затем уже стали распространяться среди гражданского населения. Поскольку изобретения в рамках федерального финансирования нельзя патентовать, компании вроде Apple позаимствовали технологию и разработали смартфон. Наука, производство и федеральная власть (в особенности военные) объединили свои усилия, чтобы придать ускорение американской экономике. Именно в отношении федерального правительства к переоценке институтов заложены и триумф, и провал системы.

Данная модель помогла США стать победителем во Второй мировой и сделала Штаты одной из двух мировых супердержав. Благодаря этой модели завершилась Великая депрессия и последовало дальнейшее, довольно впечатляющее развитие страны. Отношение федерального центра к частной сфере в период Второй мировой изменилось. Это было необходимо для победы в войне, поскольку выигрыш зависел от возможности использования

промышленной базы. Это означало, что необходимо соединить различные элементы индустриального общества в единое и управляемое целое. По сути, федеральный центр регулировал экономику, распределяя сырье, диктуя объемы и порядок производства.

Американские институты и общество после Второй мировой крайне отличались от того, чем они являлись в начале войны. Это ознаменовало окончание второго институционального цикла, и Америка снова себя переформатировала.

Третий институциональный цикл

Идея, созревшая в результате «Нового курса» и Второй мировой, заключалась в том, что государство, управляемое профессионалами, ориентированными на принятие решений без какой-либо идеологической окраски, сделает для страны то же самое, что сделало в условиях войны: приведет к успеху. Конечно же, такая идея стала принципом, принцип стал убеждением, а убеждение – идеологией. Вот так и был создан класс, который считал себя наделенным правом управления и верил, что подходит для такой миссии.

Подобное положение дел принесло некоторую долю власти и ученым, но этот класс включал в себя не только правительственных специалистов. Были и корпоративные эксперты, и академические мужи, и обладатели высшего журналистского или юридического образования, и выпускники бизнес-школ. Прошли те времена, когда можно было быть судьей Верховного суда, не будучи юристом по образованию. Теперь в состав Верховного суда входили юристы, а не люди, выбранные за свою мудрость. Финансовое сообщество тоже контролировалось экспертами. Согласно концепции технократии, возникшей в начале XX века, управлять государством должны профессионалы, находящиеся вне идеологии и политики, чья власть основана исключительно на их знаниях. Технократия изначально не была связана с богатством. Она основывалась на заслугах, независимо от наград. Таким образом, миллиардеры, сделавшие состояние на высоких технологиях, и ученые одинаково верили во власть знаний и заслуг, и прежде всего – в документы, которые подтверждали подобные вещи, – то есть дипломы правильных высших учебных заведений. Как мы еще увидим, технократия играет жизненно важную роль в нашем действующем и будущем циклах.

Внимание технократии было сосредоточено на социальной инженерии, помогающей перестроить способ работы экономических и социальных институтов в целях улучшения жизни граждан. У подобного стремления были прецеденты. Система распределения земель на западных территориях во время первого институционального цикла, безусловно, переделала общество. На данном этапе отличие заключалось в создании крайне организованных систем, взаимодействующих в целом с экономическими и общественными институтами. Существует большая разница между передачей земель поселенцам и созданием финансовой системы для владения домами – которая, в свою очередь, в корне изменила американский пейзаж.

Вернувшиеся с войны ветераны Второй мировой стали привилегированной частью общества. Многие женились и хотели иметь собственные дома, но им не хватало денег для первоначального взноса. Государство вмешалось в дело и поручилось за займы, поскольку они были сделаны без гарантийного депозита и по низкой процентной ставке. Так ветераны получили справедливое вознаграждение, а экономика была простимулирована. В концептуальном плане программа была простой, но беспрецедентной в плане вмешательства в сферу, которая раньше считалась сугубо частной: между кредитным учреждением и заемщиком. Программа следовала принципам нового цикла и имела далеко идущие последствия в плане создания среднего класса послевоенной эпохи. Проследивая этот путь, мы можем видеть, как он привел к кризису 2008 года.

Ветераны получили ипотечные кредиты – а значит, надо было строить дома. Однако под дома требовалась земля. Строить в уже переполненных городах было невозможно – там не нашлось бы нужного количества земли. Нельзя было строиться и вдалеке от городов, потому что трудящимся нужно было ежедневно приезжать в город на работу. В результате появились пригороды, окружавшие крупные города. Пригород, разумеется, требовал дорог, которые соединяли бы его с городом и с другими населенными пунктами. В пригородах, конечно же, должны быть магазины, чтобы удовлетворять запросы жителей, и парковки. Пришлось также строить новые школы, церкви, больницы и другие объекты инфраструктуры.

Федеральное правительство, желая обеспечить домами вернувшихся с войны солдат, коренным образом изменило

американское общество. Можно спорить, вышло ли это к лучшему, но отрицать сам факт изменения нельзя. И хотя технократы тщательно и успешно разрабатывали проект предоставления ветеранам жилья, обнаружились неожиданные препятствия для их усилий: степень социальной инженерии и узкоспециализированные знания технократов. Провал проекта означал пустую растрату ресурсов. Если же проект оказывался удачным, то ситуация выглядела так, как если бы Микки Маус сыграл в «Ученике чародея»^[30] – случайно выпустив на свободу всевозможные силы. Идеология узкоспециализированных знаний не учитывала следующего: узкий профиль задействованных экспертов не позволит им осознать, какие силы они выпустили на волю.

В данном случае пригород разрастался и за счет аналогичных программ, переплетавшихся с другими американскими реалиями. Концепцию ипотечного кредита ветеранам войны под госгарантии распространили впоследствии и на покупателей жилья с низким доходом, не являвшихся ветеранами. Программа проводилась Федеральным управлением жилищного строительства и позволяла нижней прослойке среднего класса покупать дома. Программа имела большой успех, и было решено, что задействованные банки могут продавать эти гарантированные ипотечные кредиты инвесторам, увеличивая количество денег, доступных для кредитования. Данное увеличение доступных денег стало манной небесной для строительной отрасли, покупателей жилья и банков.

В качестве инструмента выступала Федеральная национальная ипотечная ассоциация Fannie Mae: структура была создана государством, она принимала непогашенные ипотечные кредиты времен Великой депрессии, чтобы стабилизировать банковскую систему. Fannie Mae и в дальнейшем ее ближайший «родственник» – крупнейшее американское ипотечное агентство Freddie Mac – покупали ипотечные кредиты в банках, чтобы обеспечить наличие ипотечных денег. Банки в основном зарабатывали на ипотечных кредитах. Кредиты были проданы, и риск перешел к Fannie Mae и Freddie Mac – этим сложно организованным, наполовину государственным и наполовину частным компаниям. Поскольку первоначальная функция Fannie Mae заключалась в работе с проблемными кредитами, а Федеральное управление жилищного строительства гарантировало кредиты, предоставленные тем лицам, которые обычно не могли бы претендовать на ипотечные кредиты, а также поскольку закладные

были проданы Fannie Mae, всем было удобно: риелторам, застройщикам, покупателям жилья, банкам.

По мере перехода от 1950-х к 1970-м, а затем и к 2008 году мы замечаем проблему. Прекраснейшая идея превратилась в другую замечательную идею, которая стала активно использоваться и в других сферах, а не только при покупке недвижимости, – а затем привела к неконтролируемому безумию. К 2008-му никто, включая руководство Fannie Mae и Freddie Mac или Министерство жилищного строительства и городского развития США, не имел ни малейшего представления о хрупкости своих собственных учреждений. Об этом можно было бы узнать заранее, но тогда пришлось бы изрядно потрудиться. Государственная страховка создала иллюзию неуязвимости, и эффективная система управления так и не была построена. Федеральное правительство создало эти структуры, и никто из избранных должностных лиц не имел возможности их контролировать. К этому времени вопрос стал намного более запутанным: частные учреждения также покупали ипотечные кредиты и продавали производные по ипотечным кредитам, и никто не был в состоянии сказать, смогут ли люди, взявшие кредит, вернуть деньги.

Наша цель – отнюдь не разбор деталей ипотечного кризиса. Следует подчеркнуть, что изначально программа была разумным способом помощи ветеранам. Она переродилась в схему помощи нижней прослойке среднего класса и одновременно – бизнесу. Далее банки получили возможность продавать ипотечные кредиты, которые в течение нескольких десятков лет привели к возникновению частных покупателей ипотечных кредитов, а кредиторы стали в значительной степени безразличны к кредитоспособности заемщиков. Со временем это закончилось катастрофой. И как мы теперь видим, потребуются десятилетия, чтобы преодолеть кризис.

Институциональная проблема заключалась не в том, что федеральная власть слишком разрослась. На самом деле в процентном отношении к численности населения количество чиновников не выросло. Число государственных служащих удвоилось с 1940 года, но население увеличилось более чем вдвое, со 139 до 320 млн человек. Больше всего штат вырос не у федерального правительства, а у местных органов власти и правительств штатов. В этот же период государственная занятость за пределами вооруженных сил оставалась стабильной. Стоит

отметить некоторые факты. К примеру, последнее увеличение штата чиновников пришлось на время президентства Р. Рейгана.

Существует серьезная обеспокоенность тем, что размер федерального (равно как и потребительского) долга также будет иметь пагубные последствия для экономики (рис. 14). Идея, не лишённая смысла, заключается в следующем: в конечном счете долг достигает точки, когда он не может быть погашен. Этот страх остается актуальным со времен Великой депрессии, когда общественность научилась бояться безответственного поведения всех институтов. Однако дело в том, что, поскольку долг постоянно возрастал после Второй мировой войны, а затем в течение 1980-х годов и далее, опасения коллапса, гиперинфляции и тому подобных вещей не оправдались. Общий ответ таков: как бы там ни было, это произойдет. Может быть, это действительно так, но более вероятное объяснение отсутствия катастрофы вы можете увидеть на следующем графике (рис. 15).

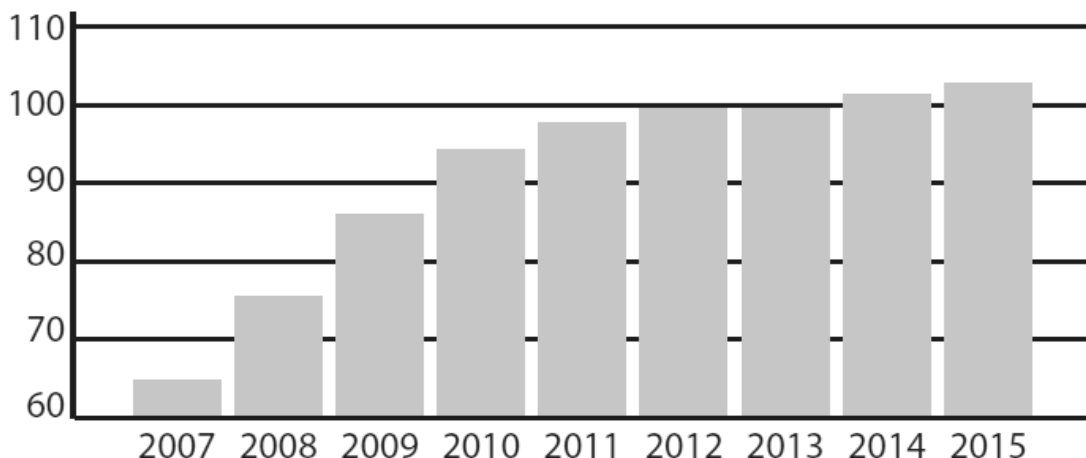

Рис. 14. Госдолг США в отношении к ВВП

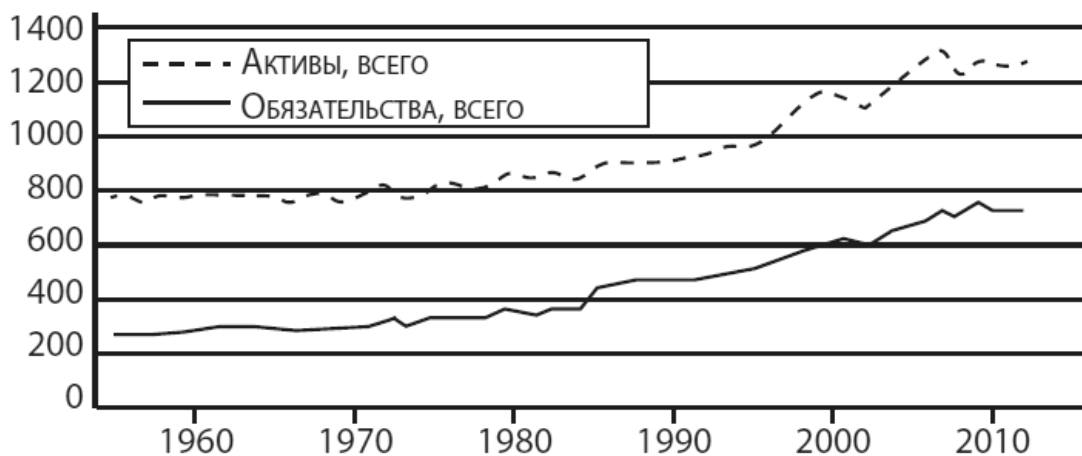

Рис. 15. Общие активы США и долговые обязательства

При оценке кредитоспособности физического или юридического лица во внимание берутся три фактора: сумма задолженности, годовой доход и совокупные активы. По каким-то непонятным причинам, когда оценивается кредитоспособность государства, производится расчет отношения годового дохода (ВВП) к общей сумме долга. Это как если противопоставить совокупный долг отдельного человека по ипотеке, автомобильным кредитам и кредитам на обучение доходу за один год. Очевидно, что это выглядело бы странно.

Представьте себе миллиардера, годовой доход которого \$50 млн, а совокупный долг – \$100 млн. Если не знать, что он миллиардер, то можно решить, будто он находится в бедственном положении. Однако если к доходам прибавить его активы, то ситуация уже не будет казаться столь плачевной. Если вы посмотрите на график, то увидите, что активы страны, вычисленные весьма традиционным способом, сильно превышают долговые обязательства. США – будто тот миллиардер, чьи долги превышают годовой доход, но не оставляют его без средств к существованию. Очевидно, что аналогичное отношение ВВП к задолженности в разных странах даст совершенно разные результаты. Некоторые страны не могут выполнить свои долговые обязательства из-за ограниченности активов. К примеру, вспомните ситуацию в Исландии в 2008 году, когда рухнули три основных банка страны (Glitnir, Landsbanki и Kaupthing), что привело к серьезной рецессии на несколько ближайших лет.

Проблема федерального уровня не в самой задолженности или ее размере: ведь ни одно из давних пророчеств не сбылось. Проблема скорее в том, что существенно выросший уровень вмешательства федерального центра в социальную сферу превысил институциональные возможности системы. Это и является причиной того, что национальный долг не имел тех последствий, которые многие предсказывали еще с 1980-х годов. Проблема федеральной власти кроется не в финансовой, а в институциональной области.

Институциональный кризис вызван двумя факторами. Во-первых, правящий класс и технократы концентрируют в своих руках власть и богатство и потому начинают перекраивать институты для защиты собственных интересов. Вторая проблема – в том, что знания, которые были накоплены в результате Второй мировой и на

которых построено поствоенное пространство, в настоящее время переживают собственную неэффективность: они распылены.

Распыленность – это распределение власти между несколькими министерствами или агентствами. На нижних уровнях это распыленность и фрагментированность знаний конкретных специалистов. Знание о том, что происходит, скорее дробится, а не консолидируется. Распыленность тесным образом связана с проблемой узкой специализации – безусловно необходимой. Однако все сотрудники являются экспертами в разных сферах, и когда организация на чем-либо специализируется, между ее подразделениями возникают барьеры, хотя иногда они имеют дело с одним и тем же феноменом. Вместо того чтобы создать единое видение проблемы, эксперты занимаются различными ее частями, и организация, которую они представляют, вынуждена параллельно уделять внимание отдельным элементам. Так создаются распыленность федеральной власти и зачастую противоположные направления работы учреждений. То, что началось во Второй мировой как попытка, которая была сильно сфокусирована на войне и жестко контролировалась, обернулось крайне фрагментированным проектом, зачастую терявшим ориентиры, благодаря которым его и можно было понять. Подобная ситуация характерна не только для федеральной власти. Она распространена во всех, особенно крупных, организациях. Подобный дефект является неотъемлемым следствием узкой специализации. Впрочем, на уровне федеральной власти проблема заключается в том, насколько этот дефект масштабен.

Еще одной проблемой является запутанность: множество государственных учреждений вовлечены в управление частями одной и той же проблемы. Одна из форм запутанности – когда различные ведомства борются между собой за финансирование и сферу влияния. По данным американского федерального агентства ACUS, занимающегося повышением эффективности работы госаппарата, в США на уровне федеральной власти действует 115 учреждений. Однако ACUS замечает:

Официального списка федеральных ведомств не существует. (...) К примеру, FOIA.gov [сайт, используемый Министерством юстиции] пишет о 78 независимых органах исполнительной власти, а также о 174 подразделениях министерств, которые соответствуют требованиям «Закона о свободе информации», распространяемым на каждое ведомство. Это выглядит довольно скромным перечнем

существующих ведомств. В «Руководстве правительства Соединенных Штатов Америки» приводится список из 96 независимых исполнительных учреждений и 220 подразделений различных министерств. Еще более содержательный список можно найти на сайте USA.gov: 137 независимых исполнительных ведомств и 268 подразделений в Кабинете министров.

Внутри каждого подразделения так много других отделов, что пересчитать их невозможно.

Путаница с многочисленными органами власти усугубляется еще и большой путаницей в социальной сфере. В свое время граница была сломлена, и осталось не так много частных сфер, куда государство в той или иной степени не вовлечено. Здравоохранение, образование, сельское хозяйство, транспорт, внешняя торговля – буквально любая значительная область деятельности так или иначе связана с федеральным органом власти, который выступает либо регулирующей структурой, либо основным потребителем. И практически не существует сферы, которая контролировалась бы одним органом власти. Путаница среди государственных учреждений становится определяющей характеристикой федеральной системы.

Поскольку социум сам по себе усложняется, а первоочередная задача федеральной власти состоит в том, чтобы не упустить эту растущую сложность, то и управление становится все более непростым, создаются менее понятные правила, а властные полномочия все менее ясно прописываются.

Институциональный кризис продолжает увеличиваться с момента созревания третьего цикла. Как и в случае с первыми двумя, то, что начиналось как потрясающая идея, постепенно, по мере изменений, случившихся в обществе, износилось. Если смотреть в корень, то станет видна принципиальная асимметрия между федеральной властью (той, которая была задумана в 1945 году) и современным состоянием экономики и общества. Гигантские корпорации и промышленная рабочая сила тогда заполнили пространство, а социальной проблемой было использование сверхбогатства, появившегося в эпоху Второй мировой войны. Как будет понятно из следующей главы, сейчас мы имеем дело с совершенно другим социальным и экономическим кризисом.

Другой важный аспект третьего институционального цикла – изменение равновесия между тремя ветвями власти. Возможно,

самый очевидный момент – то, как значительно выросли президентские властные полномочия. Формально сами полномочия не увеличились, но политический вес главы страны в общей системе стал гораздо больше. Отчасти это связано с внутренними вопросами и является результатом способности президента толковать значение законов в ходе написания постановлений и проведения их в жизнь. Вторая и по-настоящему серьезная движущая сила – сдвиг его властных полномочий во внешней политике.

Создание ядерного оружия и холодная война привели к возникновению чисто технической проблемы. Ядерная война подразумевает такую скорость действия, которая не позволяет президенту совещаться с Конгрессом. В случае ядерной войны президент должен иметь возможность немедленно осуществлять свои полномочия верховного главнокомандующего без официального объявления войны или получения резолюции Конгресса, как это предусмотрено Конституцией. У него есть безусловное право начать войну по своему усмотрению. Так что американский президент мог в любой момент не только ответить на нападение СССР, но и самостоятельно инициировать войну.

Такой же принцип позже стал применяться и в случае обычных, неядерных войн. Ни об одном начале войны со времен Второй мировой не было предварительно объявлено, а многие военные конфликты начались даже без резолюции Конгресса. США вступили в войну в Корее без одобрения Конгресса: президент Трумэн заявил, что, поскольку Совет Безопасности ООН дал санкцию на вступление в войну, а США являются постоянным членом Совета Безопасности, на вступление в войну в Корее одобрения парламента не требовалось. Эта война стала первой, начавшейся без парламентской резолюции. Аналогичная ситуация сложилась во Вьетнаме, когда президент Линдон Джонсон провозгласил, что «Тонкинская резолюция», в которой не затрагивался вопрос о том, может ли страна вступать в длительную, задействующую множество ресурсов военную операцию, является санкцией на военную операцию, приведшую к гибели в общей сложности 50 тыс. американцев. Во время Карибского кризиса вопрос о том, что следует делать, решался президентом и его советниками, без какого бы то ни было формального или неформального одобрения парламента.

Рост президентских полномочий становится наиболее заметным во время войн с джихадистами, ведущихся в течение последних 18 лет. Президент наделил себя правом отслеживать телефонные переговоры американских граждан, а также переговоры, ведущиеся при помощи других средств связи. Многие аспекты этой программы засекречены и не проходили через Конгресс. Итак, президент провозгласил себя верховным главнокомандующим, наделенным правом инициировать военные действия и следить за американцами по своему усмотрению без получения санкций Конгресса. Баланс сил во власти оказался нарушенным.

И это не просто имперские замашки президента – понятие, которое отсылает нас к 1960-м годам. Это реальность современной войны. Принять решение по ядерной атаке следует за считанные минуты. Северокорейские войска вошли на территорию Южной Кореи в выходной день, поэтому решение о вступлении в войну надо было принимать тогда же. Джихадисты планировали теракты, находясь на территории США, и слежение за частными лицами было единственным (возможно, неэффективным) способом их остановить. Карибский кризис, как многие другие до и после, разворачивался быстрее, чем велись бы обсуждения в Конгрессе. В большинстве случаев для эффективности действий их нужно держать в секрете.

Это еще больше нарушило равновесие сил. Сотрудники аппарата президента, а также эксперты из разведывательных служб, военных и внешнеполитических ведомств имели теперь большее влияние на процесс принятия решения, чем Конгресс. Глава Совета национальной безопасности или заместитель начальника отдела по спецоперациям ЦРУ больше участвовали в управлении американскими действиями и стратегиями, чем спикер Палаты представителей, которого иногда информировали о том, что произойдет, но с которым никогда не консультировались. Секретность превыше всего; аппарат, контролируемый президентом, обладал серьезными знаниями и дисциплиной для поддержания режима секретности. Конгресс был на это не способен. Поэтому в ходе третьего цикла президент постепенно аккумулировал в своих руках все больше полномочий в вопросах внешней политики и политики безопасности. Это, однако, не всегда вело к успеху.

Кризис налицо: институты, построенные на экспертных знаниях, перестали работать. Федеральная власть все больше и больше расплывается, запутывается и не может своевременно и эффективно

реагировать. Университеты все больше становятся неэффективными, стоимость обучения и кредиты на учебу запредельно высоки, в результате чего дипломы недоступны для большей части населения. Интернет становится все более неадекватным, а газеты уже не могут оплачивать работу нужного количества сотрудников. Что же до технократов из Google или Goldman Sachs, то определяющей характеристикой общества стало масштабное накопление денег. Эти средства все чаще не могли быть эффективно реинвестированы, но создавали при этом финансовую пропасть, до определенного уровня замаскированную после Второй мировой.

Накопление экспертами богатств вкупе со снижающейся эффективностью технократии и привело к этому третьему институциональному кризису. Однако поскольку мы находимся на ранней стадии его развития, те, кто хоть немного понимает, что кризис начинается, все еще бессильны что-либо изменить. Д. Трамп занял президентское кресло, пообещав «осушить болото»: эту метафору он использовал для обозначения засилья технократии, но у него не было ни ясной идеи, как это сделать, ни политической базы для исполнения обещания. Страна была разделена напополам, а технократы успешно защищали свои институты.

Третий институциональный кризис находится в самом начале, он вызван новым, неудобным положением США в мире и длительной борьбой с джихадистами. США находятся в поиске нового видения для взаимодействия с остальным миром, но не могут полноценно сделать это в рамках третьего институционального цикла. В ходе данного периода федеральная власть постоянно разбиралась как с внешними, так и с внутренними проблемами. Сложившаяся запутанность под маской управления долго не продержится. Теперь же мы обратимся к циклам второго типа – социально-экономическим, которые столь же сильно влияют на США. В настоящий момент социально-экономический цикл завершается в то же время, что и институциональный, что только усиливает неразбериху.

Глава 7. Социально-экономические циклы

Развитие американского общества и экономики подчинено особому ритму. Примерно каждые пятьдесят лет они переживают болезненный и мучительный кризис, и тогда зачастую складывается впечатление, что экономика рухнет – и американское общество вместе с ней. Политические меры, эффективные в течение предыдущих пятидесяти лет, перестают работать, нанося значительный вред. Возникает политический и культурный кризис, и то, что считалось чем-то само собой разумеющимся, отвергается. Политическая элита настаивает, что из кризиса следует выходить проверенным способом. Значительная часть бедствующих людей с этим не согласна. Старая политическая элита и ее взгляды на мир отвергаются. Появляются новые ценности, новая политика и новые лидеры. Прежняя политическая элита, которая рассчитывает вскоре вернуться к власти, когда граждане образумятся, к новой ситуации относится с презрением. Однако только радикально новый подход может решить основную экономическую проблему. Со временем проблема решается, появляется другое ощущение здравого смысла, и Америка процветает, пока не наступает время следующего экономического и социального кризиса – и следующего цикла.

Последняя смена цикла произошла примерно 40 лет назад. В 1981 году Рональд Рейган сменил Джимми Картера на посту президента. Рейган преобразовал экономическую политику, политические элиты и общее настроение, 50 лет доминировавшие в США со времен Рузвельта, а до него – Герберта Гувера. Если модель, отталкивающаяся от становления государственности, верна, то примерно в 2030 году США будут стоять перед очередным социально-экономическим сдвигом. Но до этого проявит себя чувство утомления от старой эпохи. За 10 лет или раньше до смены цикла возникнет политическая нестабильность вкупе с растущими экономическими проблемами и социальным расслоением. Когда кризис созреет, он придется на время правления человека, президентство которого будет считаться провальным; возникнет необходимость в новом президенте, чья задача будет состоять не в том, чтобы создать новый цикл, но, скорее, в том, чтобы позволить ему развернуться. В течение следующих примерно десяти лет США переродятся, настанет новая эпоха.

Необходимо помнить, что политические склоки и сплетни – это внешние проявления глубокой социальной и экономической дезорганизации. Не политика двигает систему, а система – политику. Рузвельт и Рейган не были основателями своих эпох. Эпоха переживала кризис, и его нельзя было решить привычным способом. Поэтому требовалось порвать с прошлым, и Рузвельт и Рейган просто делали то, что было необходимо.

На сегодняшний день можно говорить о пяти социально-экономических кризисах в истории Америки. Первый начался при Джордже Вашингтоне и закончился при Джоне Куинси Адамсе. Второй – при Эндрю Джексоне, закончился Улиссом С. Грантом. Начало третьего пришлось нахождение у власти Ратерфорда Б. Хейса, а завершился он при Герберте Гувере. Четвертый стартовал при ФранкLINE Рузвельте, закончился при Джимми Картере. Пятый начался с Рональда Рейгана и закончится на моменте президентства кого-то, чье имя нам еще не известно, но он или она будет избран(-а) президентом в 2028 году. Надо понимать, что эти президенты – всего лишь нечто вроде уличных указателей. Цикл сам собой появляется из темных глубин.

Первый социально-экономический цикл: цикл Вашингтона, 1783–1828 годы

Рассмотрим ход социально-экономических циклов. Основание США пришлось на период между 1783 годом, когда была одержана победа в Войне за независимость с Англией, и 1789 годом, когда была принята Конституция, а президентом избран Джордж Вашингтон. Америка более не была группой штатов без общих интересов. Война за независимость трансформировала структуру американского способа государственного управления. Прежде всего американцы выдворили британцев, а потом создали принципы управления. Однако революция^[31] была странной, поскольку ее движущей силой являлся правящий класс, оставшийся после нее на своем месте и сохранивший за собой все рычаги власти. В институциональном смысле США изменились, но в экономическом и социальном планах остались такими же. Политики вроде Вашингтона, Адамса и Джефферсона, ставшие первыми тремя президентами США, представляли южную аристократию и северный бизнес-класс, доминировавший в колониях, затеявший революцию и правивший впоследствии.

После революции необходима стабильность. Революционные события во Франции и России показали, что может случиться, когда резкие перемены ведут к общественным беспорядкам и экономической неопределенности. В ходе первого социально-экономического цикла американская политическая система обрела свои очертания, социальная стабильность сохранялась. США наслаждались собственным географическим размахом – от Атлантики до Аппалачей, а также социальной и этнической структурой. Национальная экономика строилась на меркантилизме и была ориентирована на сельское хозяйство, а также основные отрасли международной торговли, судостроение и банковскую сферу. Система была одновременно и революционной, и стабильной. Она отринула прежние порядки, однако стабильность воцарилась быстро. Отличительной чертой первого цикла является соседство радикальных перемен и стабильных результатов.

В Англии полным ходом шла промышленная революция, подстегиваемая масштабными сдвигами в текстильной промышленности. Эта страна продолжала представлять угрозу для вновь образованной нации, потому что Соединенные Штаты в экономическом смысле были обречены на торговлю с Англией, а растущее богатство Англии позволило ей построить военно-морской флот, господствовавший в Атлантическом океане. Намерения британцев стали ясны в вой не 1812 года. Торговая война с англичанами привела к массовой депрессии в Америке, продолжавшейся с 1807 по 1809 год. Соединенные Штаты в целом могли оставаться на том экономическом уровне, на котором они находились, но это означало, что социальная структура, построенная на этих принципах, может не устоять. Интересно, что, хотя до циклического сдвига оставалось около 20 лет, проблема, которая могла вызвать кризис, была уже налицо.

Придать ускорение американской экономике в этот период можно было, выполнив два условия. Первое – увеличение сельскохозяйственного производства. Второе – индустриализация страны, так Америка не будет отставать от Британии ни в экономическом, ни в военном смыслах. Однако индустриализация требовала большего первичного капитала и большего населения: оба этих фактора должны были ей предшествовать. Единственный способ достичь такой цели – задействовать территории к западу от Аппалачей. Часть земли, Северо-Западные территории, была уже американской. Другая часть, Луизиана, была куплена в 1803 году.

Но ни одну из них нельзя было полноценно использовать без сети дорог и маршрутов через Аппалачи и без людей, которые хотели бы там поселиться. Требовался приток населения.

После окончания Войны за независимость в Штаты приезжало все больше поселенцев, включая немцев, шведов и, что наиболее важно, шотландских ирландцев. На протяжении веков шотландцы искали землю для обработки и поселились в Ирландии. В Соединенные Штаты они начали массово прибывать в 1790-х годах, изо всех сил пытаясь стать независимыми фермерами. Культурно они отличались от англичан, недолго любили их. Они были воинственными индивидуалистами, любившими много выпить, но трудолюбивыми. Англичане смотрели на них свысока, считая, что пресвитерианцы нарушают порядки, созданные англичанами. Джеймс Логан, секретарь семьи Уильяма Пенна, основателя Пенсильвании, говорил о самых первых шотландских ирландцах в Америке, что «поселение пяти семей [шотландских ирландцев] доставляет мне больше хлопот, чем 50 любых других людей». Их считали неграмотными агрессивными выпивохами. Все шотландские ирландцы, прибывавшие в Штаты, оценивались исходя из этого стереотипа. Вскоре пару им составили немцы. Бенджамин Франклин называл немцев «глупыми и чумазыми».

Впрочем, землю нужно было осваивать, а это означало, что Америка нуждалась в иммигрантах. Вновь прибывшие неизбежно поставили под вопрос социальную стабильность: их прибытие до некоторой степени изменило экономическую систему и весьма существенно – общественный порядок. Из-за бедственного положения и чуждой культуры иммигранты сделались объектом для насмешек, в итоге возникла серьезная напряженность. Хотя эти люди были нужны Америке, существующий социальный порядок их отторгал.

Шотландские ирландцы обосновались на западе от Аппалачей и вскоре стали проявлять недовольство тем, как распределялась и продавалась земля. Они возмутились тем, что английская элита правит и здесь: английские лендлорды не проживали в своих шотландских имениях, предпочитая управлять издалека. Кроме того, им не нравилось, что политический порядок, называвший себя народным правлением, фактически контролировался псевдоаристократией. Новые жители были совершенно необходимы Америке: иммигрантов привлекали демократические и даже анархические элементы США, а тех, кто управлял тринадцатью

первоначальными штатами, они рассматривали с тем же презрением, с каким их воспринимала элита.

Борьба поселенцев за контроль над своей землей началась с финансового кризиса. Александр Гамильтон создал Первый банк Соединенных Штатов. Банк был создан на частной основе, но предназначался для управления национальной валютой. Из-за напряженностей, присущих процессу основания, включая долг, оставшийся после Войны за независимость, Конгресс отклонил законопроект о продлении лицензии банка. Это не спасло ситуацию, и в 1816 году был учрежден Второй банк Соединенных Штатов – тоже частный банк, принадлежавший богатым инвесторам. Он должен был управлять денежной массой страны путем сокращения чрезмерного кредитования другими банками.

Частный банк, работающий с целью получения прибыли и отвечающий за не рискованное управление денежной массой, – не лучшая идея, поэтому неудивительно, что он оказался неэффективным. Хотя получить кредит было легко, цены на землю резко выросли. Ранние поселенцы разбогатели, а новых вытеснили с земельного рынка. В результате некоторые инвесторы банка стали весьма обеспеченными. Спекуляция западными землями приобрела впечатляющие масштабы, и в результате инфляция распространилась на остальную часть страны.

Поселенцы считали, что управление банком осуществляется в интересах финансового сообщества, а не в их интересах. Затем в 1819 году в Европе случилась финансовая паника. Во время наполеоновских войн банки и компании брали гигантские кредиты, а волна дефолтов и банкротств привела к депрессии, продолжавшейся до 1821 года. Кризис затронул и Соединенные Штаты, так как восточные банкиры в Нью-Йорке и Бостоне инвестировали в европейские долги, поэтому банковский сектор сильно пострадал из-за дефолта. Паника привела к страху дальнейших инвестиций в европейский сектор и выявила хрупкость американской финансовой системы, а следовательно – и экономики. События 1819 года вызвали небезосновательные сомнения в благоразумии класса, правившего страной с момента основания. Любое утверждение о том, что денежные круги были как нельзя более осторожными, не сочетался с их явно безрассудной практикой кредитования. Еще более серьезный вопрос касался того, почему они инвестировали внушительные средства в Европу, а не в кредитование новых поселенцев в Америке. Возникло огромное

социальное неравенство, назревал политический кризис, и последующее десятилетие было турбулентным на всех уровнях.

В 1822 году Второй банк Соединенных Штатов ужесточил эмиссию денег, что вызвало двойной кризис. Стоимость земли на Западе резко упала. Многие из поселенцев брали займы под завышенную стоимость своей собственности и были должны больше, чем земля стоила в тот момент. Новые поселенцы не могли получить кредит от банков для покупки земли, оборудования или сельскохозяйственных принадлежностей. Цена на землю упала из-за нехватки кредитов, но многие поселенцы все еще оставались вытесненными с рынка. Так над геополитической стратегией США, основанной на масштабном заселении Запада, нависла угроза. Помимо этого, снижение сельскохозяйственного производства привело к росту цен на продовольствие на востоке Америки. Неудивительно, что страна впала в депрессию – а это, среди прочих неприятностей, привело к политическим спорам относительно предназначения Второго банка.

Проблема заключалась в том, что Второй банк контролировал выпуск денег через сложные отношения с другими банками. Поскольку ходившие доллары не имели никакого обеспечения, кроме заявлений самого банка, а доступность денег была вызвана не необходимостью решить социальные проблемы, а требованиями обеспечить интересы банковской системы, депрессия, накрывшая США, длилась несколько лет. Особенно сильно она ударила по западным поселенцам: считалось, что шотландские ирландцы, которых английские поселенцы, приехавшие сюда ранее, и банкиры воспринимали как ленивых и пассивных, сами виноваты в своем бедственном положении.

Подходил к концу первый этап. Государству требовалось расширяться на запад. Необходимо было производить больше продовольствия. Поселенцев подминала под себя ранее полезная, а теперь мешавшая гамильтоновская идея кредитной политики. То, что такой финансовой политики (впрочем, показывавшей прекрасные результаты в начале цикла) продолжали придерживаться, лишь усугубляло кризис. Необходимо было изменить принципы функционирования финансовой системы. Однако многие полагали, что следует сопротивляться этому радикальному повороту: в конце цикла всегда бывает сложно согласиться с тем, что приемы, применявшиеся ранее, отжили свое.

И в ходе следующих выборов неизбежно появился президент, приверженный идеям прошлого.

Выборы 1824 года превратились в противоборство представителя английской элиты Джона Куинси Адамса и Эндрю Джексона – выходца из семьи бедствующих шотландских ирландцев. Их соперничество прекрасно иллюстрировало раскол в США. Когда циклы вступают в переходную фазу, часто возникают политическая нестабильность и избирательный хаос. Выборы 1824 года были, возможно, самыми дикими в американской истории. Джексон чувствовал, что Адамс нечестно выходит вперед, и мог бы сыграть на этом. Голосование Коллегии выборщиков не определило победителя, абсолютное большинство не было набрано, поскольку голоса распределились между несколькими кандидатами. Тогда стала голосовать Палата представителей (единственные выборы, в которых она была задействована), и решение было умопомрачительным. Адамс победил, вашингтоновская эра упорствовала.

Президентский срок Джона Куинси Адамса обернулся катастрофой. Адамс стремился сохранить существующую финансовую систему. Он не чувствовал близости нового цикла. Последний президент цикла обычно не способен приспособиться к будущему. Эпоха, которую любил Адамс, ушла. С 1776 года Америка изменилась. Частично изменения носили геополитический характер: земли к востоку от Аппалачей должны были заселяться. Частично они были этническими: новая волна иммигрантов принесла с собой культуру, отличную от прежней. Частично – экономическими: финансовая политика первого цикла не смогла справиться с новыми экономическими реалиями. Старая модель пережила саму себя, назад пути не было. Либо должна возникнуть новая система, либо страна рассыплется на мелкие части.

Второй социально-экономический цикл: цикл Джексона, 1828–1876 годы

Эндрю Джексон в конце концов выиграл выборы 1828 года, став первым выходцем с земель к западу от Аппалачей, занявшим президентский пост. Начался процесс становления нового цикла. Это являлось поворотным моментом, но отнюдь не окончанием сражения. А вокруг банковской системы все еще шли баталии.

Лицензия Второго банка действовала до 1836 года, и Джексон пока не имел достаточной политической власти, чтобы

ликвидировать данное учреждение. Если 1828 год стал поворотным, то переходный кризис начался примерно в 1819 году и длился до 1836-го, когда после переизбрания Джексона банк был ликвидирован. Однако до этого времени продолжались экономические колебания. Для освоения Запада требовались стабильная денежная масса, стабильные займы. Джексон поддержал предложение по обеспечению доллара золотом и серебром. Цены на золото держались на стабильном уровне, но ограничивали возможность выпуска. Серебро было не таким редким металлом, поэтому стало использоваться при обеспечении долларов. Связав доллар с обоими металлами, Джексон надеялся создать достаточную ликвидность без финансовых пузырей.

Таковы были долгосрочные планы. А в краткосрочной перспективе инициатива привела к панике 1837 года, когда попытка стабилизации валюты вылилась в банковский кризис. Но эта причина – не единственная. В том же году в США был собран плохой урожай пшеницы, а в Британии случился внушительный финансовый кризис, отразившийся также и на США. Из сложившейся ситуации можно сделать два вывода. Во-первых, действия, которые следует предпринять, чтобы подстроиться под новый цикл, зачастую становятся экономическими потрясениями, особенно для тех, кто этих трудностей не предвидел, считая, что старый цикл будет длиться бесконечно. Во-вторых, после сдвига политического курса прошло примерно 10 лет, а переходный период еще не думал заканчиваться.

Принимая во внимание важность Гражданской войны, было бы разумно допустить, что она стала переломной точкой американской истории. С институциональной точки зрения – несомненно. С экономической же у обеих сторон было много общего. Линкольн был родом с Запада, родился в Кентукки, жил в Иллинойсе. Он пропагандировал интересы Союза, а не Юга, а также интересы поселенцев Запада. В 1862 году он подписал Гомстед-акт, согласно которому любой желающий мог получить почти 65 га незанятой федеральной земли на Западе под сельскохозяйственные нужды. Через пять лет поселенец становился собственником участка. Так освоение Запада стало проходить быстрее, но при этом появилась возможность спекуляции земельными участками, поскольку возделывать участок требовалось пять лет, и на рынке оказалось огромное количество участков.

В этом вопросе Линкольн продолжал традиции джексоновского цикла. Учитывая значимость его фигуры для американской истории, странно, что он не столь значим в социальном и экономическом планах. Однако величие Линкольна заключалось в осуществлении масштабного институционального сдвига после Гражданской войны. С социальной и политической же точки зрения он управлял в рамках джексоновского цикла, раздавая земли и способствуя их разработке. Тем не менее его правление ознаменовало собой окончание цикла, а Грант стал тем самым президентом-неудачником. Как я говорил раньше, политическая нестабильность возникает примерно за десять лет до окончания социального и экономического цикла. Хейс был избран в 1876 году, а за 15 лет до этого разразилась Гражданская война, первопричина всех дальнейших причин.

Тем не менее новый цикл уже развивался. В наследство от Гражданской войны досталась проблема экспорта хлопка с Юга в Британию, и Юг не мог себе позволить пошлинную войну. На Севере только начинался промышленный рост, необходимо было проводить политику протекционизма для защиты от иностранных конкурентов. После Гражданской войны Юг был разрушен, а индустриализация получила мощный импульс. Однако произошло и еще кое-что, зревшее в течение некоторого времени. Сельскохозяйственным «сердцем» страны стал аграрный Средний Запад. Жители этого региона теперь были успешными землевладельцами, расселившимися в небольших городках, ставших для них опорой в плане инфраструктуры. Индустриализация создала радикально новую культуру больших городов, которые были прежде финансовыми и торговыми центрами, а вовсе не местами размещения мощного производства. Города стали меняться только с приходом индустриализма.

Финансовый кризис, причиной которого была Гражданская война, разразился в 1873 году, предвеля смену эпох. Что привело к этому кризису? Логично, что финансирование Гражданской войны потребовало серьезных федеральных займов. Когда этого оказалось недостаточно, правительство начало выпускать денежную массу, не обеспеченную серебром или золотом, что привело к искажению модели Джексона. В результате война принесла хаотичность в американскую экономику. Прежняя обеспеченная золотом валюта все еще находилась в обращении, но правительству не хватало золота. Владельцам облигаций платили в долларах, не имевших

большой ценности. Держатели военных облигаций были стерты с лица земли. Доллары, обеспеченные золотом и серебром, в качестве сбережений были выведены из обращения. В результате ударила инфляция, которая была на руку должникам, но опустошала кредиторов. Возник огромный социальный раскол, и затем в 1873 году разразился неизбежный финансовый кризис, предшествовавший окончанию цикла.

Этот кризис ударил по акциям железнодорожных компаний – передового технологического сектора в то время. В данной отрасли имели место много спекуляций, и в 1873 году, как и все спекулятивные пузыри, отраслевые акции обесценились. Обвал железнодорожных акций отразился на Европе, которая вложила значительные средства в Штаты. Еще одной жертвой стали многочисленные банкиры из небольших городков на Западе, оказывавшие финансовую поддержку местным фермерам.

Небольшие города стали символом праведной жизни. В них предоставлялись все необходимые услуги: брокерские, банковские, юридические, похоронные, религиозные и прочие, – что привлекало прижимистых фермеров-переселенцев либо их потомков. Однако интересы молодых людей уже не совпадали с интересами их отцов и дедов. Маленькие городки были другой культурой в двух отношениях. Во-первых, в них жило огромное количество новых иммигрантов из Скандинавии и Германии, которые не расселялись дальше, а держались группами. Во-вторых, маленькие городки становились все богаче. Теперь они оказались между двумя силами. Одной из них был уже изживший себя цикл Джексона, другой стал растущий индустриализм, почти их разрушивший.

Улисс Симпсон Грант оказался президентом, закрывавшим эпоху. Его считали неэффективным: он не знал, как преодолеть финансовый кризис, который вспыхнул в начале его второго срока, и при этом не имел ни малейшего представления о том, как справиться с предстоящим переходным периодом. Умом он был в эпохе Джексона, сосредоточенной на земле и умеренно накачиваемой денежной массой. Проблема заключалась в том, что страна состояла уже не из поселенцев, расчищавших землю, а из небольших городков (а поскольку Грант был из Огайо, он должен был это понимать) и растущих промышленных центров, которые примерно через четверть века произведут половину промышленных товаров в мире. Налицо был экономический и социальный переворот, который нельзя было преодолеть политикой нынешнего

цикла. Тем не менее, как и у всех последних президентов цикла, у Гранта не было никакого ориентира, кроме прошлого. Социально-экономический цикл снова был на грани смены.

Третий социэкономический цикл: цикл Хейса, 1876–1929 годы

Как и в случае с голосованием по кандидатуре Джексона, выборы, в ходе которых победил Ратерфорд Берчард Хейс, прошли хаотично, в обвинениях и встречных оскорблениях. Выборы 1876 года считаются одними из самых грязных и скандальных в американской истории. Хейс набрал во всеобщем голосовании меньше голосов, чем его соперник Сэмюэл Тилден, но победил при голосовании Коллегии выборщиков. Выиграл он благодаря бюрократическим уловкам. Его обвинили в махинациях, и это обвинение не было безосновательным. Однако же он был избран. Хейсу пришлось столкнуться с проблемами, доставшимися ему в наследство после Гражданской войны. Хейс, чья популярность несравнима с известностью Вашингтона и Джексона, следовал их курсом. Никто из них не создал новый цикл, но они создали для него условия.

Экономический кризис требовалось преодолеть, поскольку научные возможности ширились и сближались с технологиями. В этот период возникли две основные энергетические технологии, необходимые для промышленной революции. Первая из них – электричество, которое быстро получило широкое применение: от коммуникационных линий до ночного освещения. Вторая – это изобретение двигателя внутреннего сгорания, радикально изменившее транспортные перевозки, в особенности автомобильные и воздушные, и вызвало к жизни нефтяную промышленность. Индустриализация меняла повседневную жизнь, и стремление создать новые технологии привело к недостатку капитала.

Проблема заключалась в том, что до сих пор чувствовались отголоски финансового кризиса 1873 года, а это вызывало дефицит капитала. Хейс и его министр финансов Джон Шерман, гораздо более значимая личность, решили стабилизировать валюту, но не тем способом, к какому прибегал Джексон. Джексон обеспечивал доллар серебром и золотом. Серебра было больше: и в руках жителей, и в недрах земли. Обеспечение валюты серебром сделало бы доллар стабильнее, не ухудшив его эластичность. Перед Хейсом

стояла проблема: в то время как стране требовались инвестиции в промышленное развитие, к валюте было утрачено всякое доверие. Инвесторы и вкладчики должны были быть уверены, что их инвестиции не уничтожатся стремительной инфляцией.

Поэтому вместо того, чтобы использовать для обеспечения доллара и золото, и серебро, Хейс решил задействовать только золото. Золотой стандарт привнес жесткость, но при этом также и доверие. Когда правительство погасило военный долг обеспеченными золотом долларами, старая золотая валюта вернулась в обращение, поскольку ее не нужно было приберегать на фоне возможного надвигающегося краха. Люди понесли свои сбережения в банки, и инвестиции, в том числе в значительной мере иностранные, потекли на развитие промышленности.

Из-за золотого стандарта денежная масса уменьшилась. В частности, пострадали от этого беднейшие фермеры, у которых были проблемы с получением необходимого им кредита. Бедных фермеров вытесняли, а более богатые землевладельцы и предприниматели из небольших городков могли приобретать заложенные фермы со скидкой. В обществе возникла сильная ностальгия и желание вернуться в довоенную эпоху. Представитель Демократической партии Уильям Дженнингс Брайан призывал к возвращению к валюте, обеспеченной золотом и серебром. Его знаменитая речь под названием «Крест золота» (*Cross of Gold*), произнесенная в 1896 году, пришлась гражданам по душе, и он несколько раз баллотировался на пост президента, но не смог победить. Брайан был видным сторонником предыдущего цикла, уже не существующего и не актуального.

Небольшие города, которые начали появляться в эпоху Джексона, стали социальной основой новой эпохи. Они диктовали моральные правила, исповедовали важность бережливости и трудолюбия. Во времена, когда остро требовался инвестиционный капитал, его создавали именно трудолюбие и бережливость. Тем не менее, небольшие города были также и средоточием предубеждений и узких взглядов. Они служили местом и отчуждения, и интенсивной сплоченности сообщества. Городки объединяли людей, но посредством навязывания правильной модели поведения с помощью сплетен и порицания. Маленький городок – это двигатель, поддерживающий жизнь и обеспечивающий богатство, и он не может функционировать в хаосе. Поэтому те, кто отличался от большинства, в таких городках либо вовсе не приживались, либо

оставались в подчиненном положении. Так, были исключены афроамериканцы, а евреев и католиков едва терпели. Различия между англичанами и шотландскими ирландцами стерлись. Немцы и скандинавы, которые начали масштабно прибывать до Гражданской войны, были приняты, хотя они, как правило, группировались в отдельных регионах и городах. А вот ирландские католики, прибывшие в то же время, доверием не пользовались и предпочитали жить в больших городах.

Англичане не доверяли шотландским ирландцам, и поначалу фермеры не доверяли коммерсантам и банкирам из небольших городков. Фермеры жили трудом, а маленькие города – торговлей. В этом было решающее социальное, а также культурное и моральное отличие. Недоверие господствующего класса существующей эпохи к классу формирующемуся и национальным корням представителей новых времен – обычное дело. Поэтому жители маленьких американских городов совсем не признавали крупные процветающие промышленные города как из-за их огромных размеров, так и из-за того, что крупные города считались цитаделью греха. Несмотря на толпы, рассуждали они, люди в больших городах одиноки, а так легче впасть в грех. В отличие от крупных городов, провинциальные населенные пункты, по их мнению, были оплотом единства и высокой морали.

Жители небольших провинциальных городков не любили и самих обитателей больших городов – богатых людей, а также многочисленных новых иммигрантов, прибывших в конце XIX века. Города были заполнены католиками из южной и восточной Европы, евреями и афроамериканцами, которые начинали мигрировать с юга, все с неизвестными настроениями, непонятным характером: никаких намеков на протестантские маленькие города. Растущие города рассматривались как чуждые и экономически опасные, поскольку индустриализм экономически вытеснял сельскохозяйственную торговлю, доминировавшую в маленьких городках.

Введение золотого стандарта привело к масштабному инвестиционному потоку. К 1900 году на США приходилась половина мирового промышленного производства. На протяжении большей части третьего цикла Соединенные Штаты быстро наращивали производство и увеличивали потребление. Постоянно требовалось больше рабочей силы, и иммигранты вливались в жизнь страны, расширяя города, которые с их помощью

становились все более экзотичными. Страна росла по всем показателям.

Основу для проблемы, которая вызовет циклический сдвиг, заложила Первая мировая война. Масштабный рост промышленного производства привел к отчаянной потребности в покупателях. Первая мировая война уничтожила клиентов. Потеря экспортных рынков плохо сказалась на американском бизнесе, что было скомпенсировано ростом потребления, вызванным снижением налоговых ставок. В 1929 году образовавшийся потребительский пузырь лопнул. Но еще раньше по фермерскому поясу Среднего Запада ударила депрессия.

Можно назвать множество причин, объясняющих массовый спад спроса на продукцию промышленных предприятий: от чрезмерного кредитования до монетарной политики Федеральной резервной системы. Однако с учетом экономической ситуации в мире между 1922 и 1927 годом невозможно было поддерживать уровень производства, который постоянно увеличивался бы. Кризис, чье приближение угадывалось в иррациональном росте фондовых рынков, был неизбежен.

Этот кризис не выразился в крахе рынков – он скорее приобрел форму последствий этого краха: сокращения занятости и снижения спроса на производимую продукцию. Когда продажи упали, занятость снизилась. Поэтому спрос снизился, а продажи пошли вниз по спирали, которую невозможно было остановить в условиях, созданных Хейсом. Он успешно продвинул американскую экономику вверх, но решения, которые привели к росту (в частности, строгая подконтрольность, навязанная экономике золотым стандартом), не могли решить проблем, вызванных Великой депрессией.

Благодаря стабилизации валюты Хейсу удалось создать благоприятный инвестиционный климат. Но проблема была в том, что он слишком преуспел. Промышленное производство США превысило способность американского и мирового рынков потребить продукты этого производства. Увеличение сбережений не устранило бы проблему. Было решено нарастить потребление. Однако стратегия третьей эпохи была сосредоточена на поощрении инвестиций. Стимулирование потребления с целью использования существующих мощностей выходило за рамки эпохи.

Эта эпоха была выстроена вокруг золотого стандарта и бережливости. Промышленники построили заводы, которые

обогатили страну и поддержали элиту. Создавая промышленную систему, они подрывали систему, созданную Хейсом. Фабрики впечатляющими темпами производили товары, но производство могло развиваться только при наличии потребителей. Идеология бережливости, интересы владельцев предприятий и избыток рабочей силы в виде иммигрантов мешали росту заработной платы. В условиях стагнации зарплаты и роста производства система вышла из равновесия и, наконец, в 1929 году начала переживать глубокий кризис.

Герберт Гувер стал президентом в неудачный момент. Предполагалось, что экономические проблемы будут решены с помощью ударного труда и бережливости. Безработица рассматривалась сквозь призму прошлой эпохи. Предполагалось, что она является результатом отсутствия у безработных любви к труду, и если это исправить, то они вернуться к работе. Тем временем наиболее разумным представлялось поддержание бюджетного баланса и ограничение денежной массы. Проблема, конечно, заключалась в том, что эти два фактора снижали существующую заработную плату, подрывали спрос и ухудшали экономическое положение. Модель нынешней эпохи просто больше не работала. Герберт Гувер присоединился к Джону Куинси Адамсу и Улиссу С. Гранту в качестве последнего президента-неудачника эпохи.

Четвертый социально-экономический цикл: цикл Рузвельта, 1932–1980 годы

Выборы 1932 года Гувер не выиграл, был избран Франклин Рузвельт. Последний выступал за принцип бережливости и сбалансированного бюджета. На самом деле у него не было четкого плана, но он понимал, что не сможет сделать того, что удалось Гуверу, независимо от предвыборных обещаний. Проблема заключалась в отсутствии спроса на производимую продукцию, потому что работники остались без работы или столкнулись с сокращением зарплаты. Предать эту эпоху анафеме – вот решение проблемы, нужно передать деньги в руки рабочих. Поскольку они не могли получить работу в обанкротившихся отраслях, необходимо было создать рабочие места, пусть даже искусственным образом, для обеспечения занятости, чтобы в их руках были деньги.

Выборы проходили в атмосфере мощной политической нестабильности. В 1920-е годы дала о себе знать левая идеология в виде коммунистов; противовесом ей была антикоммунистическая

активность федеральных властей. Выросла популярность Ку-клукс-клана, причем не только на Юге, но и на Севере. Губернатор Луизианы Хьюи Лонг считался серьезным кандидатом в президенты, однако был убит в 1935 году. Окончание цикла обычно сопровождается политическими драмами.

Социальным фундаментом данной эпохи являлся живший в городах рабочий класс. Его составляли многочисленные иммигранты из Ирландии, Южной и Восточной Европы, их дети и внуки, а также белокожие жители Юга, серьезно пострадавшие от Великой депрессии и так и не восстановившиеся после Гражданской войны. Они либо уже входили в профсоюзы, либо создавали их, тесно сотрудничая с органами Демократической партии в больших городах. Они требовали перераспределения богатств. Республиканцы были в шоке, но это ничего не меняло.

Действия Рузвельта были одновременно и необходимыми, и неэффективными. Из-за дисбаланса между производственными возможностями и спросом фабрики простаивали, работники оставались не у дел. Вторая мировая война способствовала окончанию Великой депрессии. Как мы видели, во время войны спрос на промышленную продукцию резко возрос, при этом, однако, множество рабочих были призваны в армию. Таким образом, США перешли от переизбытка рабочей силы к ее недостатку. Войне удалось сделать то, что планировал «Новый курс» Рузвельта. Безработица сократилась, промышленные производства заработали в полную силу.

Благодаря войне начался период роста, средоточием которого были мощное промышленное предприятие, созданное под нужды войны, и высокопрофессиональная дисциплинированная рабочая сила. Война создала мощный отложенный спрос, поскольку гражданские товары либо были в дефиците, либо вообще отсутствовали. На самом деле благодаря войне появилось то, что Джон Кейнс считал решением по преодолению экономических кризисов в эпоху промышленного общества: существенный дефицитный бюджет. В итоге в руках потребителей появились денежные средства, поскольку они не могли потреблять во время войны, а значительная часть средств находилась в виде облигаций. Спрос наличествовал, промышленные мощности – тоже. Не хватало одного.

Отсутствие потребительского кредитования в предыдущие эпохи являлось одним из сдерживающих и накладывающих определенные

рамки факторов. Ипотечные кредиты были доступны в начале XX века, но зачастую на довольно обременительных условиях. Кредитов на другие товары было крайне мало. В послевоенную же эпоху выросли объемы не только ипотечных кредитов, но и потребительского кредитования на другие товары, такие как автомобили. Постепенно стала работать формула «кредитная карта для кредитов практически на все». Принципом, лежащим в основе этой стратегии, был принцип создания с нуля. Требовалось привести фабрики в действие, увеличив спрос. Рабочие места – лишь одно звено в цепочке. Следующим логическим шагом, укрепившим экономическое положение, стал потребительский кредит.

Эпоха Рузвельта создала технологию управления. Концепция, преподаваемая в бизнес-школах и других заведениях, не касается ни материальных, ни методологических особенностей, а скорее является способом постижения организации и контроля. Как уже упоминалось ранее, тех, кто овладевает этим искусством, называют технократами. Технократы – класс, основанный на принципе прагматизма. Выполнение работы во что бы то ни стало – вот высший пилотаж для технократа, и, как стало ясно в ходе Второй мировой, это принесло свои плоды. После Второй мировой войны технократов стало больше, они не только руководили бизнесом, но и занимали посты госуправленцев, контролировали другие сферы американской жизни. Производственные отрасли, возникшие в эпоху Хейса, теперь оказались под контролем технократов.

Технократия – крайне важное понятие, необходимое для понимания прошлого и следующего социально-экономического кризиса. Технократ – это тот, кто имеет знания в определенной области и диплом, данные знания подтверждающий. В некотором смысле технократия может считаться достижением. Технократ достигает высокого положения не по праву рождения или благодаря политической хватке. Он достигает высокого положения, потому что обладает компетентностью, необходимой для выполнения своей работы, какой бы она ни была, в государственной или частной сфере.

Одна из самых важных характеристик технократа – отсутствие идеологии. Другими словами, его единственной идеологией является компетентность, то есть глубокие знания в какой-либо области. Это класс, присутствующий во всех областях, государственных или частных, и приносящий с собой принцип

эффективности. Технократы воплощают собой моральный принцип, какими бы далекими от любой идеологии им ни хотелось бы казаться. Этот моральный принцип является обязательным условием для эффективности в управлении и во всех других сферах. Поэтому ценность представляет специализация не водопроектировщика, а менеджера, специалиста и интеллектуала с университетским дипломом. Таким образом, из относительно ограниченного понятия технократа, возникшего в эпоху Рузвельта, вырос класс, который стал могущественным в эпоху Рейгана.

Концепции Рузвельта и Кейнса работали необычайно хорошо в период между 1945 и 1970 годами. Это был период процветания. В 1970 году стали заметны первые признаки окончания цикла, когда возникла сравнительно небольшая волна инфляции и Ричард Никсон заморозил цены и зарплаты, чтобы стабилизировать экономику. Вероятность того, что эти меры сработают, улетучилась в 1973 году, когда арабские страны ввели эмбарго на продажу нефти в США после арабо-израильской войны. Эти действия ускорили инфляцию и ухудшили экономическую ситуацию.

Как выйти из этого кризиса – следующая проблема. Четвертый цикл концентрировался на высоких темпах потребления по сравнению с инвестициями. Еще больше положение усложняли выросшие налоговые ставки для лиц с высокими доходами. Ставка налога на доходы свыше \$250 тыс. составляла 70 %. Богатые инвесторы, рассчитывающие свои риски, не видели особых причин инвестировать, когда успех обошелся бы им в 70 % прибыли. Потенциальные предприниматели также не рисковали, поскольку прибыли надо было ждать долго, а доходы оказались серьезно урезаны.

В результате нефтяного эмбарго возникла инфляция. Однако под этой проблемой скрывалась другая, более глубокая. Высокий спрос замаскировал проблему с промышленными предприятиями. Оборудование изнашивалось, и из-за нежелания инвестировать сократился финансовый фонд для обновления промышленной базы. Такие страны, как Германия и Япония, потерпевшие поражение во Второй мировой войне, имели больше новых заводов, их производство было более эффективным, чем на американских предприятиях. Они вышли на американский рынок и воспользовались преимуществами высокого потребления, подстегиваемого кредитами.

Спрос на деньги был высоким, как со стороны потребителей, так и со стороны бизнеса. Но деньги вкладывались неохотно, что резко увеличивало их стоимость. Естественным импульсом этой эпохи было стремление увеличить потребление. Проблема здесь заключалась в том, что американские предприятия становились все более неэффективными. Рост спроса привел к росту закупок иностранных товаров. Кроме того, продолжавшаяся эксплуатация неэффективных заводов означала падение рентабельности: чем больше эксплуатируется неэффективное предприятие, тем выше затраты и ниже прибыль.

Все этому предшествовала массовая политическая нестабильность, начавшаяся за двенадцать лет до решающих выборов 1980 года. В 1968 году были застрелены демократ Роберт Кеннеди, баллотировавшийся на пост президента от Демократической партии, и Мартин Лютер Кинг-младший. В Чикаго во время Демократического национального съезда вспыхнули массовые беспорядки. Национальная гвардия расстреляла демонстрантов в Кентском государственном университете в 1970 году. В 1974 году Ричард Никсон подал в отставку в результате мучительного кризиса. Как обычно, конец старого цикла и начало нового были отмечены политической неопределенностью, которая иногда начинается примерно за десятилетие до перехода.

Результатом стал кризис 1970-х годов, когда инфляция выражалась двузначными цифрами, безработица выросла, а процентные ставки стали астрономическими. Я купил свой первый дом по ипотечной ставке 18 %. Избранный в 1976 году президентом Джимми Картер испытал всю прелесть нехватки капитала. Его реакция, конечно же, была заимствована из эпохи Рузвельта. Та эпоха началась во время Великой депрессии, и частично депрессия преодолевалась путем увеличения налогов для инвесторов и передачи денег потребителям. Картер следовал тому же плану. Проблема, с которой он столкнулся, заключалась в нехватке капитала и чрезмерном спросе, что привело к росту цен и эксплуатации малопродуктивных предприятий. То, что имело смысл в 1930-х годах, в 1970-х было практически бессмысленным. Вместо улучшения ситуация усугубилась. Картер примкнул к Гуверу, Гранту и Адамсу, став свидетелем последней фазы цикла и делая то, что когда-то работало, но потом перестало.

Пятый социально-экономический цикл: цикл Рейгана, 1980–2030 годы

Проблему нехватки капитала, оставшуюся с эпохи Рузвельта, Рейган решил структурным изменением налогообложения. Снижение налогового бремени для инвесторов высвободило деньги для инвестиций, а также сделало инвестиционный риск более привлекательным. В результате на этой волне устаревшие предприятия были модернизированы, система управления изменена. Произошел и всплеск предпринимательской активности, связанной с использованием микросхем. Инвесторы, ощутив рост прибыли, были готовы пойти на риск. Наступил период экспансии, который будет доминировать в американской и мировой экономике до финансового кризиса 2008 года.

Корпорация эпохи Рузвельта, воплощением которой является General Motors, была эффективной в течение большей части этого периода. Однако темпы роста снизились. Двигатель внутреннего сгорания перестал быть сенсационной инновацией, равно как и автомобиль, который он приводил в действие. К середине 1950-х годов автомобиль обрел форму, которая требовала лишь незначительных технических преобразований, но отнюдь не радикальных изменений. Акцент был перенесен на дизайн и маркетинг.

Конкуренция выросла, рентабельность снизилась, и General Motors искала другие способы поддержания роста. Так появилась General Motors Acceptance Corporation (GMAC) – дочерняя структура GM, изначально созданная для финансирования покупки автомобилей и превратившаяся в масштабное финансовое учреждение. Деятельность GMAC приносила больше прибыли, чем продажи автомобилей. Цена на машины была ограничена спросом и предложением, и акцент сделали на эффективность. Менеджеры, которые относительно мало знали об автомобилях, но много – об экономических процессах, взяли под контроль автозаводы и пытались управлять целым рядом предприятий, от автомобильных до финансовых. General Motors как компания стала настолько распыленной и связанной со многими отраслями промышленности, что не смогла конкурировать на основных рынках с японскими и немецкими производителями, имевшими более технологичные заводы и сконцентрировавшимися на своем основном продукте.

General Motors – пример корпорации с запутанным и сложным управлением, разросшейся до невероятных размеров и потому имеющей раздутый штат. Для поддержания ее хитросплетенной структуры требовалось множество сотрудников. В случае корпорации вроде GM требовалось полностью переосмыслить ее логику и вернуть первоначальный потерянный смысл – получение прибыли, ведь без соблюдения этого принципа ничего не работало. Поскольку подобные компании были весьма малопродуктивными, пришлось произвести сокращение штата. Многим из тех, кто попал под сокращение, было за сорок и пятьдесят, они больше не смогли найти столь же высокооплачиваемую работу. Численность штата и зарплатный фонд вышли из-под контроля. Однако в этом не было вины сотрудников. Виновата была логика, приведшая корпорации к запутанности и потере фокуса.

Рост эффективности произошел за счет потери рабочих мест, особенно на производстве. Впрочем, были и другие жертвы, потому что эффективность создавалась двумя способами. Один был организационным и техническим; другой заключался в перенесении производства в районы с более низкими затратами, такими как Китай, или разрешении экспорта из этих стран. Оба этих способа были разработаны для того, чтобы сделать экономику более эффективной, но они привели к тому, что потребовалось меньше сотрудников, занятых непосредственно на производстве.

В то же время в американской экономике происходила революция. Технологический прорыв в виде микросхем и новая волна предпринимательства совместно привели к дальнейшему экономическому прорыву, который создал новую прекрасную экономику и культуру. Микросхема преобразовала рынок труда. Мой отец был наборщиком в типографии. Текст в то время набирался вручную, а мой отец был высококвалифицированным мастером. Когда в типографской отрасли появились компьютеры, его знания устарели, а его труд перестал быть нужен. Мой отец стал одним из миллионов людей, которые из-за новой технологии потеряли работу, будучи в том возрасте, когда они уже не могли освоить нововведения, заменившие их самих. Иногда их собственная компания заменяла своих сотрудников новыми технологиями; иногда компанию, в которой они работали, или даже целую отрасль разрушал предприниматель, продвигавший электронные устройства.

Теория свободной торговли подразумевает рост богатства наций. Открытыми остаются два вопроса. Во-первых, сколько времени потребуется для достижения этой цели? Во-вторых, как будет распределяться увеличенное богатство? Свободная торговля и капитализм в принципе постоянно создают новые богатства и в целом стимулируют развитие экономики. Однако это «в целом» исключает тех, кто теряет работу по мере экономической революции и не способен найти новую. В абстрактной теории свободного рынка это цена, которую нужно заплатить. В реальном мире общества и политики, где ставшие ненужными работники обладают большей властью, чем та, что они имеют в экономике, этот процесс может дестабилизировать важные и влиятельные секторы экономики. Вот то, что происходило на протяжении всего данного периода, но политической реальностью стало после 2015-го. Количество сокращенных работников увеличилось, и их концентрация пришлась на те же самые регионы.

Требовалась реформа. Цикл Рузвельта не мог завершиться без сдвигов, случившихся в цикле Рейгана. Как и в предыдущих циклах, проблема заключалась в том, что одновременно с ростом экономики жертв становилось больше. Те, кто нашел новые рабочие места, начинали с низших ступенек и никак не могли подняться выше. Средний доход домохозяйства в долларах вообще не рос.

Средний доход домохозяйства в 2014 году составил около \$53 тыс. при среднем размере домохозяйства в 2,8 человека. Начиная с 1975 года, середины последнего десятилетия цикла Рузвельта, доход едва рос (рис. 16). По данным Национального доклада о занятости населения ADP, этот валовой доход составлял около \$3400 в месяц за вычетом налогов.

Рис. 16. Доход домохозяйств не растет

По данным Федерального резервного банка Сент-Луиса^[32], дом в США в среднем стоит \$311 тыс. Ежемесячный платеж по ипотечному кредиту за этот дом составит около \$1,1 тыс. при условии, что покупатель внесет первоначальный платеж в 20 %, то есть около \$60 тыс. По данным RealtyTrac.com, средний налог на такой дом в год составляет 1,29 % от общей стоимости – или \$4 тыс. в год, \$333 в месяц. Если добавить еще и страхование жилья, то ежемесячная стоимость владения домом будет равняться около \$1,6 тыс., не считая технических расходов. Почти половина заработанных в год денег будет потрачена на жилье, а на другие нужды уйдет примерно \$1800 в месяц. Это примерно \$450 в неделю на еду, одежду, выплату прочих задолженностей – к примеру, по автомобильному кредиту (около \$600 в месяц за новый недорогой автомобиль) и, возможно, по кредиту на обучение. К тому же всегда возникают непредвиденные расходы.

Выходит, сейчас средний класс едва ли может позволить себе жизнь среднего класса. Теперь подумайте о нижней прослойке среднего класса, которая раньше тоже достаточно комфортно существовала. В настоящее время среднегодовой доход этой группы людей составляет около \$30 тыс. На жилье уходит около \$26 тыс., или \$2166 в месяц. Поскольку половина дохода уходит на выплату ипотеки (это еще с учетом того, что уже был внесен первоначальный взнос), на другие нужды остается всего \$250, от обслуживания авто до покупки еды. Это не вариант. Единственным

вариантом для нижней прослойки среднего класса остается квартира, причем довольно скромная.

Как ни странно, данное ухудшение произошло на фоне одного из самых резких скачков в американской истории. ВВП начал расти быстрее, чем средний доход домохозяйства, в начале 1990-х годов, и на протяжении всего остального цикла Рейгана разрыв увеличивался (рис. 17).

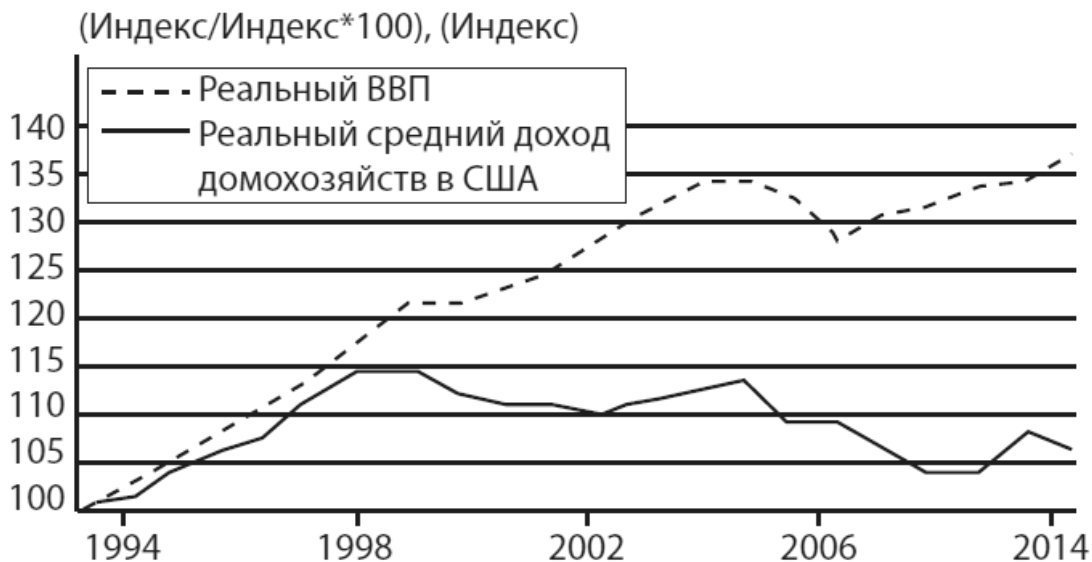

Рис. 17. Разрыв увеличивается. ВВП растет быстрее, чем средний доход домохозяйства

Примерно с 1993 года рост ВВП превысил 35 %. Средний доход домохозяйства за это время увеличился чуть более чем на 5 %, но в реальном выражении он снижался начиная с 1998 года. Важным было не неравенство – американцы всегда терпимо к нему относились. Важна была потеря того уровня жизни, который позволял среднему классу получать удовольствие от того, что они считали нужным. Дом в собственности, два автомобиля и ежегодный отпуск – вот определение среднего класса и американской мечты. В 1950-х и 1960-х средний класс, включая и нижнюю его прослойку, мог достичь подобного уровня. К 2015 году это уже едва было доступно американцу со средним доходом и совершенно недоступно представителям нижней прослойки среднего класса. С некоторой долей обобщения можно сказать, что в целом данный сегмент являет собой остатки белокожих американцев, представляющих рабочий класс.

Общее богатство увеличилось, но оно перетекло от рабочих к тем, кто работал в сфере финансов, технологий и в других областях и кто теперь составлял верхний средний класс. Однако, в отличие от

того, что было ранее, среди представителей среднего класса теперь не было плавного перехода от нижней прослойки через среднюю к верхней. Между сегментами имелись разрывы – разрывы в доходах между прежним средним классом и новым.

Цикл Рейгана оказался настолько успешным, что образовался огромный избыток капитала. Процентные ставки, которые были чрезвычайно высокими в начале цикла, позже снизились на фоне масштабного инвестиционного бума, который принес существенную прибыль. Учитывая налоговые ставки, эта прибыль скопилась в руках инвесторов. Подобная концентрация, вместе со снижением инвестиционных возможностей, выразилась в падении цены денег. К сожалению, для малого бизнеса деньги доступными не стали. Финансовый кризис 2008 года привел к тому, что при любой процентной ставке инвесторы все равно проявляют осторожность. Таким образом, по мере того как эра микросхем близится к своей высшей точке, мы видим сочетание ограниченного денежного объема у малого бизнеса и избыточного – у инвесторов, не спешащих расставаться с деньгами.

Процентные ставки сейчас – на историческом минимуме. В начале эпохи были получены огромные суммы денег, и большая их часть находится в руках инвестиционных фондов и индивидуальных инвесторов, которых можно определить как людей, у которых больше денег, чем им нужно для жизни. В то же самое время, на фоне замедления инноваций, замедлился и бизнес. Возможностей для инвестирования стало меньше, и те, кто инвестируют в давно существующие на рынке компании, сталкиваются с проблемой растущих рисков, обычно присущих концу эпохи.

Имеется большое количество денег, которые ищут и не находят инвестиционных возможностей. Денежные средства вложены в очень надежные активы, что резко снижает процентные ставки. Даже пенсионеры, тщательно распланировавшие собственные вклады, не ожидали, что не получат практически никаких дивидендов. Утрата рабочими своего бывшего положения, в сочетании с ущербом, который осторожные вкладчики понесли от низких процентных ставок, стали причиной экономического кризиса. За ним неизбежно последует и социальный кризис.

Новый экономический кризис вытекает прямиком из успеха цикла Рейгана, ведь во время этого цикла скопились огромные объемы богатства, которое было в конечном счете распределено, как и в начале, с прицелом на увеличение средств для инвестиций.

Однако, как и в случае со всеми циклами, проблема, решенная в текущем цикле, порождает проблему, которую надо будет решать в следующем. Социальная проблема, проистекающая из этого экономического кризиса, заключается в напряженности между слабеющим классом – рабочими, занятыми на промышленных производствах, – и коалицией, получившей некоторую выгоду от становления группы, которую можно назвать технологическим классом: предпринимателями и инвесторами. А на пару с социальным возникает и культурный кризис. Он во многих смыслах является краеугольным камнем других кризисов, потому что, когда непрерывно сталкиваются друг с другом слабеющий и набирающий силу классы, возникает экономическая коллизия, движущей силой которой являются именно ценностные различия.

Окидывая взглядом все пять циклов, можно заметить, как в экономике взаимосвязаны социальные и культурные изменения. К примеру, возросший контроль, осуществляемый технократами за американской жизнью стал возможным на фоне обильного потребительского кредитования после Второй мировой и возникновения нового социального класса – жителей пригорода. Их потребности подстегнули развитие промышленной, управленческой, образовательной, медицинской и всех остальных сфер. Развитием этих сфер руководили технократы. Послевоенное поколение могло позволить себе купить дом, мебель для дома, автомобиль, побаловать себя путешествиями, а платить за это – из своего будущего дохода. С точки зрения предыдущей эпохи подобные действия расценивались бы как верх безответственности и даже аморальности. По мнению же преуспевающих кругов, пригороды – это некачественно построенные дома, в которых нет ни красоты, ни души. Жители крупных городов относились к обитателям пригородов так же, как к ним самим относились жители провинциальных городков. Последние считали горожан средоточием безответственности. Новые социальные формы всегда с долей презрения воспринимаются их предшественницами из прошлых эпох. Однако технократы, возникшие одновременно с возникновением культуры пригородов, понимали, что их задача заключается в удовлетворении запросов возникающей реальности.

Разобрав пять экономических эпох, я попытался обрисовать в общих чертах циклы, сформировавшие США. Стоит отметить, что эти циклы функционируют схожим путем. Предыдущий цикл достигает критической точки или, если точнее, становится все более

неэффективным. Прежде чем крах станет очевидным, возникает политический кризис, длящийся около 10 лет. Политический кризис является своего рода сейсмографом для постепенно развивающихся социального и экономического землетрясений. Появляются и зреют новые социальные силы, по-новому расчерчивающие страну. Наступает такой период, когда экономическая дисфункция становится невыносимой для какой-либо социальной группы, даже если другие группы продолжают оставаться в выгодном положении. Оба социальных порядка – прежний и нарождающийся – относятся друг к другу свысока, и это отношение усиливает политическую проблему и замедляет приход экономических изменений. Прежний социальный порядок пребывает в уверенности, что будущее должно стать продолжением прошлого. Новый социальный порядок требует радикально иного подхода. Существовавшая в то время элита с презрением относилась к Рузвельту и к возникающему новому социальному классу, в то время как только что появившаяся общественная сила свысока наблюдала за антирузвельтовской потомственной финансовой элитой и жителями провинциальных городов. Те же, в свою очередь, были весьма низкого мнения о рабочих, занятых на промышленных производствах и бросавших им вызов.

Напряженность и взаимная неприязнь всегда способствуют росту противоречий в стране. Последний акт затухающей эпохи – избрание президента, страстно приверженного принципам и обычаям уходящей эпохи. Такие президенты: Адамс, Грант, Гувер и Картер – лишь подливали масла в огонь, пытаясь решить стоящие перед ними проблемы устаревшими методами. После них к власти приходят другие люди, которые, благодаря своему пониманию ситуации или же умению адекватно реагировать на события, способствуют мощному сдвигу в экономической политике прежней эпохи и, будучи избранными набирающей силу социальной группой, начинают масштабный процесс перехода в другой цикл.

При разворачивании подобного процесса мы сейчас и присутствуем. Эпоха Рейгана достигла собственных пределов и более не может поддерживать экономику. Такая несостоятельность становится причиной возникновения нового состава конкурирующих социальных классов. Отражением данного процесса является усиление политического кризиса в эпоху Трампа: новые социальные силы начинают бороться друг с другом. Этот кризис продлится в течение всех 2020-х годов. В 2024-м будет

избран другой президент, он будет держаться за ценности уходящей эпохи. Под конец его неудачного правления у руля окажется набирающий силу класс, который начнет диктовать новые правила экономической игры.

И наконец, в 2030-х (после бурь, начавшихся в 2016 году) начнется новый цикл. В течение нескольких лет в 2030-е политическая конфронтация утихнет, социальная напряженность спадет, экономический кризис будет преодолен. Цикл вызовет к жизни новую эпоху, отличающуюся от прошлой, но построенную на том же самом принципе изобретения с нуля. Этот цикл будет длиться следующие 50 лет.

Часть третья

Кризис и затишье

Глава 8. Первые признаки грядущей бури

В тот момент, когда стало ясно, что новым президентом США станет Дональд Трамп, я находился в Австралии. Новость пришла около полудня, и весь день – и в течение всей поездки – на различных конференциях озадаченные журналисты спрашивали меня, как Трамп смог победить и что все это значит. В Брисбене и Сиднее к выборам относились столь же серьезно, как в Цинциннати или Нью-Йорке. Поскольку уже тогда я работал над этой книгой, я попытался объяснить, что основное внимание надо обращать не на личность нового президента, а на его место в структуре цикла. Моя мысль не была услышана, потому что все слишком увлеклись его харизматичностью. Похожая ситуация сохраняется и сейчас, но я покажу, что подобный подход ошибочен.

Фактически избрание Д. Трампа говорит о начале подготовки к четвертому институциональному циклу и шестому социально-экономическому. Существующая институциональная модель все больше теряет способность успешно функционировать, и ключ к решению проблемы лежит в обязанности федеральной власти переопределить отношение к самой себе. Экономический и социальный кризисы привели к ощутимому ухудшению положения тех, кто ранее представлял собой основополагающий элемент американского общества: рабочих, занятых на промышленном производстве. Так как ранее кризисы обоих циклов никогда не разворачивались практически одновременно, можно предполагать, что 2020-е годы будут крайне нестабильными. Наступившему десятилетию предшествовали крайне сложные выборы 2016 года, в которых каждый кандидат олицетворял социальный сегмент, конфликтующий с другим сегментом. Выборы завершились тем, что узел завязался еще туже: Хиллари Клинтон победила в общенародном голосовании, Трамп – в голосовании Коллегии выборщиков. Именно этот факт как ничто другое продемонстрировал, насколько напряженные грядут времена.

Итоги выборов-2016 свидетельствуют о том, что политическая система испытывает серьезную внутреннюю перегрузку, точно так же, как это было на выборах 1968 года. Политический конфликт 1968 года длился вплоть до 1980-х. Аналогично политическая напряженность 2016 года утихнет только к 2028 году. Первый сигнал: появляется политик, который представляет слабеющий

класс и становится последним президентом, причем президентом-неудачником цикла. Скорее всего, им станет демократ, держащийся за технократию, – демократ в классическом смысле, в каком Джимми Картер был демократом, а Герберт Гувер – республиканцем, и так далее. Такие заканчивающие цикл президенты, за исключением Улисса Гранта, обычно являются правителями на один срок. Поэтому я предполагаю, что последний президент этого цикла будет избран в 2024-м (или в 2020 году, если он будет все же переизбран на второй срок).

Первый признак завершения цикла – рост политической напряженности, которая может начаться лет за десять до сдвига к новому циклу. К примеру, сдвиг к циклу Рейгана начался с политической нестабильности в конце 1960-х. Однако данная нестабильность никоим образом не помогает понять, каким будет новый цикл. Антивоенное движение или отставка Ричарда Никсона совершенно не проливали свет на природу нового цикла, начало которого совпало с приходом к власти Рональда Рейгана. Политическая система чувствительна и оперативно отражает первые признаки даже небольших экономических и социальных сдвигов. Сильные экономические и социальные потрясения 1970-х начинали проявляться незаметно для многих экспертов, но при этом они активно раскачивали политическую систему. Таким образом, политическая нестабильность – это пролог к социальному и экономическому кризису, который, возможно, десятилетие спустя станет крайне острым. Прежний цикл рушится под собственной тяжестью, на смену ему придет новый цикл с новым президентом. Рейган не создал новый цикл. Но он сел в президентское кресло благодаря умелой игре на напряженностях уходящего цикла, а затем присутствовал при рождении нового. Если бы не Рейган, был бы кто-нибудь другой, но прежний цикл исчерпал собственные возможности, а очертания нового были набросаны возникшей напряженной ситуацией.

Победа Трампа стала первым признаком того, что цикл Рейгана подходит к концу. Выборы проходили крайне напряженно, каждый кандидат старался очернить другого и настаивал на нечестности его уловок. Высокий уровень конфликтности объяснялся значительными сдвигами в американском обществе. Сторона, страдавшая от изменений, считала виновником своих неудач другую сторону – которая, в свою очередь, не имея подобного опыта, характеризовала первую как «жалкую», если использовать

выражение Хиллари Клинтон. Они и в самом деле были жалкими, потому что цеплялись за культуру, которая уже выглядела устаревшей и порочной. Дальше это усложнилось тем, что победитель выборов не набрал большинства голосов при общенародном голосовании, а выиграл только в результате голосования Коллегии выборщиков. Поэтому противники Трампа начали считать его приход к власти нелегитимным, а сторонники заявили, что результаты всеобщего голосования оказались такими благодаря нелегальным иммигрантам.

После выборов политическая напряженность не рассеялась – наоборот, невероятно усилилась. Политические оппоненты осыпали друг друга гнусными оскорблениями, каждый был уверен, что его оппонент представляет опасность и являет собой пример безответственности. Все внимание было приковано к их личностям; Трамп, его оппоненты и проблемы утонули в атмосфере удушающего недоверия, поглотившего страну. Возможно, наиболее важным фактором явилась поляризованность фракций до такой степени, что во многих случаях спорящие представители сторон даже не были знакомы друг с другом, и дружеских отношений между политическими оппонентами практически не было. Подобная разделенность родилась не из ненависти к Трампу или Клинтон; ненависть была всего лишь симптомом. Настоящая проблема заключалась во внутреннем расколе страны, активно боровшейся с настоящим социальным, экономическим и институциональным кризисом, который и являлся источником напряженности.

Именно такого рода выборов мы и должны были ожидать в начале переходного периода. Можно вспомнить хаос, начавшийся в 1968 году, или почитать в соответствующей литературе о том, какие обвинения предъявляли друг другу Хейс и Тилден на выборах 1876 года или Адамс и Джексон в 1824 году. Поскольку экономика начинает переходить на новые рельсы, то же самое происходит и с социальной структурой. Поэтому страдает как минимум часть системы. В результате начинаются пугающие, кажущиеся неразрешимыми политические баталии. Многие считают это знаком развала страны, но на самом деле это всего лишь очевидное свидетельство быстрых изменений при прохождении через очередную смену цикла.

Каждая смена циклов подразумевает мощные столкновения между противоборствующими социальными силами. В любом

случае подобная ситуация не является чем-то доселе не известным. В 1960-х имело место противостояние антивоенных/антиправительственных настроений и умеренно консервативных взглядов среднего класса. В каком-то смысле обе эти фракции были фиктивными, потому что их изнутри раздирали бесконечные распри. Однако у них было нечто общее: ненависть. Одна сторона обвиняла другую в грубой лживости, ненастоящести. Другая же осуждала вероломные и безнравственные принципы противников. Точные обвинения уже не имеют значения, и ни одно из них не дожило до 1980 года. Дело не в формулировках взаимного отвращения, но в силе раскола страны на две взаимоисключающие части.

Любопытно отметить, что во времена политической нестабильности зачастую виновным в распространении негатива или оскорблений считают новое средство коммуникации. В 1960-е годы этим средством оказалось телевидение, сделавшее всю страну пассивными жертвами новых медиа. В 1920-е годы во всем был виноват кинематограф, пропагандировавший коллективную чувственность и разгул, а также радио, благодаря которому в жизнь вошло понятие оперативных новостей. Виновата всегда новая форма СМИ, однако же все эти средства информации – не более чем способы, с помощью которых неожиданная ненависть получает выражение. В настоящее время в Интернете миллионы людей знакомятся с чужими взглядами, которые до них доносят социальные сети, – так, как невозможно было сделать раньше; при этом интернет-пользователи и приверженцы соцсетей объединяются в своего рода группировки. Они подписываются на тех, кто распространяет идеи, с которыми они уже согласны: от этого ощущение собственной правоты усиливается. Подобная «племенная» обособленность, присущая Интернету, в действительности ограничивает зону охвата, точно так же, как у телеканала FOX своя аудитория, а у MSNBC – своя.

Подобная разделенность и враждебность обществу не в новинку. Они всегда возникают в период смены социально-экономического цикла. До Рейгана страна делилась на сторонников умеренно консервативных взглядов и их оппонентов, провозгласивших себя носителями контркультуры. До Рузвельта общество сотрясали антикоммунистическое движение «Красная угроза» (*Red Scare*), популизм Хьюи Лонга, а еще – конфронтация между городскими этническими иммигрантами и жителями провинциальных городков,

а также представителями обеспеченных слоев. До Хейса людей разделила Гражданская война, и так далее. Ненависть – весьма распространенное чувство, сваливание вины на новый способ коммуникации тоже не является уникальным приемом. Во время переходного периода, особенно в самом начале, людская злость резко возрастает, обычно пропорционально возникающим экономическим или социальным лишениям.

Сейчас мы наблюдаем нечто немного иное. Переход от цикла к циклу уникален не из-за Интернета или небывалой напряженности, а, как я уже сказал, из-за того, что и социально-экономический, и институциональный циклы достигнут кризисных точек примерно в одно и то же время. В истории был момент, когда оба переходных периода проходили рядом друг с другом (с разбросом примерно в 15 лет): социально-экономический кризис разразился в 1929 году в форме Великой депрессии, а институциональный переход произошел в 1945-м, в конце Второй мировой войны. Однако циклы всегда заканчиваются провалами, а теперь впервые оба цикла провалятся одновременно. Крах любого из циклов приводит к усилению политического напряжения. Сейчас же это напряжение будет беспрецедентным, и мы уже ощущаем первые признаки надвигающейся бури.

Оба цикла переплелись. Социально-экономический создал социальную и политическую реальность, которая глубоко разделяет страну с точки зрения благосостояния и культуры. Ржавый пояс^[33] все еще ощущает недостаток рабочих мест, американская промышленность сдвинулась с мертвой точки. Сам термин «Ржавый пояс» объясняет, что произошло. Автопром, когда-то являвшийся движущей силой американской экономики, сейчас лишь бледная тень собственного прошлого. Новая движущая сила – микросхема – способствует обогащению Бостона или Сан-Франциско, а линии сборки автомобилей покрываются ржавчиной. Очень многие извлекли из этой ситуации выгоду, другие разорились. Глубокое и неизбежное напряжение не только затрагивает экономику, но и проявляется в виде серьезных культурных разногласий между классом, укорененным в традиционных институтах, и классом, рвущим с традициями. В этом развитии событий нет ничего нового. Когда-то шли дебаты о праве женщин голосовать. На этот раз обсуждается образ жизни – к примеру, гомосексуальные браки. Один цикл заканчивается, а другой начинается, и между ними возникают взаимное презрение и ярость.

Институциональный кризис наблюдается на уровне федеральной власти, внимание которой расплылось, а структура – расколота. Федеральные власти столь активны и разделены на такое множество частей, что выработка согласованной военной стратегии или приемлемого законопроекта о реформе здравоохранения просто невозможна. Это структура, которая больше не может сосредоточиться на проблеме или придумать решение. Избранные представители, президент и Конгресс тоже не способны контролировать настолько рассеянную и фрагментированную систему. Поскольку этот старый институциональный цикл, подобно другим, подходит к концу, замысел и реальность расходятся.

Проблема первого институционального цикла заключалась в том, что было неясно, является ли федеральная власть суверенной в плане управления государством. Ответ дала Гражданская война. Проблемой второго институционального цикла стала ограниченная власть, которую суверенное федеральное правительство имело над экономикой и обществом. Как я показал, это разрешилось во время Второй мировой войны. Проблема третьего институционального цикла состояла в том, что государство получило возможность масштабного контроля частной жизни, без определения границ и создания институциональной структуры, способной эти границы отстаивать.

Недовольство федеральной властью всегда являлось частью американской жизни. Шутка о том, что самой лживой фразой является выражение «Я из правительства, и я здесь, чтобы помочь», превратилась в анекдот с бородой. Но, в отличие от реалий XX века, в 2019 году ситуация резко изменилась. В период Второй мировой войны президент как главнокомандующий взял под контроль большую часть американской экономической и общественной жизни. Затем последовала холодная война, и хотя волна власти отступила, появился принцип, согласно которому президент представлял собой уже не просто одну из трех равных ее ветвей. Он стал основной силой во внешней политике. В плане управления обществом он имел не такие масштабные полномочия, но исполнительная ветвь обладала огромной властью в толковании законов и превращении их в нормативные акты. Сильному правительству был нужен сильный руководитель, а мощь исполнительной власти создала институциональный дисбаланс.

Появившееся всемогущество федеральной власти над обществом требовало не только сильного президента. Оно нуждалось в мощной

административной структуре. Закон о доступном здравоохранении, подписанный президентом Обамой, содержал около 897 документов и более 20 тыс. страниц нормативных актов, объясняющих правовые нормы закона. Сравните это с первоначальным Законом о социальном обеспечении, уместившимся в 29 страниц. Сейчас этот закон разросся до 2600 страниц с обширными нормативными актами. Эффективная власть (в отличие от выборной, или предполагаемой, власти) была передана огромной армии руководителей и госслужащих, которые прописали нормативные акты и, следовательно, имели возможность переопределить намерения Конгресса – но не специально, а просто потому, что никто не в силах объять все это. Привести правила в соответствие с законом и даже с самими собой стало невозможно.

Большинство людей, особенно необеспеченных или с ограниченными возможностями, которые сильнее всего зависят от федеральных властей, не могут понять, что делает власть, а прописанное в Конституции право обратиться к правительству с петицией на практике не имеет никакого значения. На жизнь других граждан – например, IT-специалистов – федеральная власть оказывает минимальное влияние. Обеспеченным людям для того, чтобы ориентироваться в определяющих их функционирование федеральных нормативных актах, требуется множество юристов и бухгалтеров, специалистов по федеральному регулированию – а это расходы, сравнимые с доходами бизнеса. В демократическом обществе неспособность подать петицию или понять действия федеральных властей – если только нет возможности держать штат профессионалов – создает внутреннее недоверие к правительству. Класс американцев, который поддержал усиление федерального правительства после Второй мировой войны, оказался не способен понять сложность системы и не смог позволить себе юриста-консультанта. Все эти люди ощутили себя объектами управления, а не гражданами.

В некотором смысле это нашло отражение в военных действиях, которые велись после 11 сентября. Президент всеподавляюще контролировал подобные действия – и все же он не смог обозначить цель, которая могла быть достигнута, или определить способ ее достижения. Несмотря на это наши войска не оставались без дела. Подобная ситуация возникла еще во времена войны во Вьетнаме и в настоящее время проявляется все ярче. Президент окружает себя экспертами, поскольку его Кабинет больше не играет роль главного

советника, а Конгресс действует в основном как наблюдатель. Эксперты работают над конкретным вопросом, не принимая во внимание более широкий круг государственных интересов. Точнее, они путают область, в которой являются экспертами, с областью, на которой должны сосредоточиться США. Как и в случае с внутренними делами, общественность теряет не только контроль, но и понимание того, что происходит, и гриф «совершенно секретно», который теперь легко может наложить президент, только закрепляет путаницу.

В результате рождается огромное недоверие к федеральной власти со стороны тех, кто в ней больше всего нуждается, но меньше всех понимает, – и не потому, что они недостаточно умны, а потому, что федеральное правительство стало институционально непрозрачным, рассогласованным в своих действиях. Огромные властные полномочия подавляют способность системы координировать свою работу и фокусироваться на конкретных областях, смещая полномочия от конституционного разделения властей к формально исполнительной власти.

Дональд Трамп победил на выборах, осознав, насколько федеральная власть и ее представители стали далеки от широких слоев общества. Произошло столкновение между федеральной технократией и теми, кто испытал силу ее действия на себе – и потерял доверие к ней. А оппонировала Трампу группа, поддерживавшая Х. Клинтон, которая была наиболее характерным сторонником федеральной власти и технократии. Выборы показали, что начался кризис доверия.

Начали проявляться экономические и социальные трудности. Эпоха Рейгана дала старт инновациям, появился влиятельный класс предпринимателей, IT-специалистов. Масса людей, занятых в традиционных промышленных отраслях, оказалась на обочине. В них финансовые круги уже больше не могли инвестировать, учитывая иностранную конкуренцию. Возникли два основных класса с резко различными интересами и образом жизни. Это обратная сторона медали. Разумеется, состав классов был гораздо более сложным и разнообразным, чем просто IT-специалисты против рабочих. Однако в основе лежало именно это различие.

Социальное и экономическое разделение подчеркнуло и усилило институциональную дилемму. Технократия решила взять под контроль и институциональный, и социально-экономический циклы. Технократы, по сути своей, мыслят предельно просто. Они считают,

что проблемы должны быть решены с помощью знаний и что решение проблем любого рода – дело техники. Для них технологии – не просто оборудование, а способ рассмотрения проблемы. Вашингтонский чиновник, занимающийся здравоохранением, подходит к проблеме рациональным, методическим и, следовательно, технологическим путем – точно так же, как специалист, разрабатывающий электронное устройство.

Как я уже отмечал, технократия строилась на принципе внеидеологических решений в сфере власти. Тем не менее сейчас технократия является своего рода идеологией, в рамках которой окружающий мир – это нечто поддающееся постижению и улучшению теми, кто обладает запасом знаний для понимания и управления миром. Следовательно, такие люди и должны руководить системой. Технократ может служить общественным интересам, и он не только помогает определить эти самые интересы, но также должен контролировать аппарат общественных организаций, таких как правительство, бизнес, университеты, тюрьмы, – задействуя свою компетентность в данных областях. Это класс, любящий дипломы и достижения, класс обладателей степени MBA, компьютерщиков, знатоков общественно-государственной политики плюс небольшая, но могущественная группа предпринимателей, чьи университеты – это их успехи в бизнесе. По мнению технократов, единственным мерилom человека должен служить его уровень компетентности. Поэтому расовые, гендерные, сексуальные, национальные различия не имеют значения. Политическая программа этих деятелей частично была направлена на то, чтобы подобные личные характеристики никому не мешали стать специалистом.

Представим размах технократии. Чиновник, продюсер из Голливуда, книгоиздатель, финансист или преподаватель колледжа – все они верят в способность разума преобразовать мир. Идеино технократия связана с Просвещением, поэтому верит, что разум способен усовершенствовать мир или, по крайней мере, существенно его улучшить. Прежде всего необходимо улучшить положение угнетаемых как в США, так и во всем остальном мире. Когда же технократы выходят за пределы собственных познаний, они разделяют ту точку зрения, согласно которой мир, освобожденный от угнетения, не становится таким уж равным (а финансовое неравенство в недрах самой технократии широко распространено). Однако технократы на самом деле верят в то, что

судить о человеке следует прежде всего по его компетентности, а не по случайным характеристикам. Суждение по случайным чертам и есть угнетение.

Однако что они подразумевают под угнетением? Для них важна защита не экономически, а культурно угнетенных. Афроамериканцы, независимо от их экономического положения, сталкиваются с проявлениями расизма. Латиноамериканцы, равно как и мусульмане, страдают от ксенофобии. Люди, не вписывающиеся в сексуальную норму, являются жертвами гомофобии, а женщины – жертвами женоненавистничества. Расизм, ксенофобия, гомофобия и женоненавистничество – это дефекты мировосприятия самого угнетателя. Поэтому, считают технократы, нужно изменить сознание угнетателя, перестроить его способ мышления, а того, кто не может преодолеть логику угнетения, наказывать.

Жизнь технократа предельно абстрактна, даже когда он находится внутри собственной сферы компетенции. Для них все проблемы – одного, интеллектуального толка. Нужно непрестанно размышлять, и благодаря этому становится возможным действие. После размышления действие происходит само собой. Разум связан с языком, и поле битвы технократов – это язык. За изменением языка последует действие. Политкорректность, как ее называют, – это способ, с помощью которого технократы, будучи набирающим силу классом, перестроили мир. Слабое место технократии – пропасть между их сферой компетенции и универсальными принципами, которые они практикуют.

Более отчетливо этот принцип виден на примере их отношений с теряющим силу классом, состоящим из белых рабочих. В технократическом сознании фундаментальный источник угнетения – белокожий мужчина, исторически притеснявший других посредством своей расовой, национальной и гендерной принадлежности. Но технократы проводят четкое различие между самими собой (преимущественно белыми мужчинами), вовлеченными в борьбу с угнетением, по меньшей мере, и мыслью, и словом, – и теми белыми, которые продолжают придерживаться идеологии угнетения. Стагнирующий класс бедствует еще и в экономическом смысле, но на взгляд технократии, внутри которой широк диапазон доходов, самое существенное – отнюдь не жалкое экономическое положение, а нежелание порвать с идеологией угнетения.

Промышленный рабочий класс старше технократической прослойки. Его постепенный упадок начался около 40 лет назад. Дети представителей этого класса также пострадали, но другим образом. Жизнь их родителей зависела от того, что они могли делать своими руками. Их мир можно было попробовать на ощупь – он состоял из механизмов и физических явлений, которые надлежало покорять. Они гордились своей физической силой и здравым смыслом. «Здравый смысл» – сложный термин, но он сводится к познанию видимого мира и к вещам, общим для всех нас в это время и в этом месте. Целью рабочего класса было не изменить мир, а найти в нем безопасное место, понять его правила и следовать им.

Белый рабочий класс функционирует в рамках полученной, а не созданной морали. Мораль, которую он получил, унаследована им от родителей и церкви. К 1980-м годам большинство представителей белого рабочего класса были католиками и протестантами, многие – консервативного толка. Гомосексуализм, внебрачный секс, однополые браки и аборт они считали глубоко аморальными. Впрочем, моральные принципы и реальные поступки у представителей данного класса, как и у всех людей, зачастую сильно различались.

Теперь этот общественный класс живет в мире, где взгляды его церкви, наиболее авторитетные из возможных, не только считаются неправильными, но и являются выражением фобии. Церковь, заповеди которой для него и справедливы, и чрезвычайно могущественны, подвергается нападкам. Эти атаки не ослабляют его мораль, но фактически трансформируют ее в чувство необходимости глухой обороны. Когда то, что унаследовано от такой могущественной власти, осмеивается, далее неизбежно следует контратака, и эта контратака ведется на политическом поле.

Расизм всегда был частью американской истории, но сейчас проблема заключается не столько в расизме белых рабочих, сколько в избирательной несправедливости. Они возмущены тем, что существуют специальные программы для «угнетенных меньшинств», но, похоже, никого не волнует, что доходы белого рабочего класса снижаются и половина рождающихся детей уже воспитывается матерями-одиночками. Наркозависимость приняла масштабы эпидемии. Другими словами, положение белого рабочего класса сейчас не отличается от положения афроамериканцев в 1970-х годах.

Положение афроамериканцев стало в свое время вопросом первостепенной важности, в итоге появились программы, наиболее спорная из которых – позитивная дискриминация. Технократия, хотя и неудачно, пыталась решить проблему разрушающейся афроамериканской семьи. Однако в отношении белых рабочих подобной озабоченности нет. Скорее технократы видят в них проблему, в то время как представители белого рабочего класса считают себя столь же достойными помощи, как афроамериканцы или латиноамериканцы. Они считают, что пострадали как класс и были забыты в пострейгановскую эпоху. И только с возникновением Трампа у них появился кто-то, понявший их наконец и вставший на их сторону.

Технократия одержала верх над белым рабочим классом, хотя вряд ли это можно считать достижением, как показали выборы, в которых победил Дональд Трамп. Впрочем, это всего лишь начало противостояния. Давление на технократию будет усиливаться. Америка движется к институциональному кризису, в ходе которого компетенция технократии и институтов федерального правительства будет поставлена под вопрос. Однонаправленное давление будет происходить от более масштабного геополитического кризиса и растущей неспособности технократов определить институциональный путь Америки как империи. Точно так же способность технократии находить последовательные решения социальных проблем строго ограничена – частично из-за ее идеологии, частично из-за неумения упрощать сложные проблемы.

Белый рабочий класс поддержал Трампа не единодушно, но и не был единственной его опорой. Хотя никто не поддерживал Трампа столь же активно, как белые рабочие, он получил поддержку и от других слоев. Хиллари Клинтон, как уже отмечалось, была кандидатом от технократии. Она баллотировалась на пост на основании своих прежних политических достижений и громко защищала угнетенных. Она выиграла всеобщее голосование, но проиграла выборы, потому что голосовали за нее в основном на Северо-Востоке и Западном побережье. Другими словами, она завоевала центр технократии, но потеряла центр страны, то есть медленно разрушающуюся промышленную базу. Выборы показали, что противостояние основных конкурирующих классов зашло в тупик. Клинтон потерпела поражение не из-за представителей рабочего класса, а из-за географической концентрации ее

сторонников и пассивности избирателей, которые должны были голосовать за нее.

Один из моментов, объясняющих поражение Х. Клинтон, – Ливия. Несмотря на неудачи в Афганистане и Ираке, США решили вести воздушные бомбардировки, чтобы свергнуть тирана Муаммара Каддафи. Каддафи был убит, но возник хаос, в результате чего погиб посол США в Ливии. Если опустить остальные возникшие проблемы, то решение свергнуть еще одного диктатора шло вразрез с американским опытом в Ираке или напряженностью в Сирии. Операция задумывалась в качестве гуманитарной интервенции, и технократия в Государственном департаменте США^[34] видела в этом нравственно обоснованное предприятие с малым риском. В остальных аспектах касательно Ливии Клинтон потерпела сокрушительное поражение, но сильнее всего ее сломила политическая непоследовательность. Каждый раз, когда она расхваливала собственный успешный внешнеполитический опыт, вставал ливийский вопрос.

Неудача Клинтон в Ливии выявила слабое место технократии. Аргумент в пользу компетентности как основы политической власти зависит от успеха экспертов в управлении как их небольшой областью ответственности, так и обществом в целом. В каком-то смысле это оправдание власти любого класса, но у технократов это единственный и фундаментальный аргумент. Если они терпят неудачу, то их претензии на авторитет и обоснование собственной власти теряют силу. Когда технократы становятся правящей фракцией, их единственное стремление – преуспеть. Поскольку менеджмент и компетентность соотносятся, но не столь тесно, как можно было бы себе представить, то чем больше технократы внедряются в управление, тем меньшую роль играют их экспертные знания.

Эндрю Джексон претендовал на президентское кресло не потому, что был умнейшим человеком на свете. Он опирался на собственную отвагу и хитрость. Самый умный человек на свете крайне уязвим. От него ожидают того, чего он не может сделать, потому что сам по себе интеллект недостаточен для руководства страной. В обществе, основанном на экспертных знаниях, кажется очевидным, что тот, кто обладает ими, по природе своей должен встать у руля. Однако все не так просто. Технократы заявляли свои права на приобретенные знания. Им противостояли те, кто выступал за здравый смысл и моральные ценности.

Экономический интерес и культура сталкивались со времен администрации Буша. Данный конфликт был не очень ощутимым, потому что Республиканская и Демократическая партии поддерживали экономическую систему в том виде, в каком она существовала, а именно это в конечном счете и требовалось. Республиканцы, как правило, выступали против доминирующей культуры в вопросах сексуальных нравов и пытались обсуждать институциональную функциональность федерального правительства. Впрочем, последнее было в первую очередь формальностью, а первое предназначалось главным образом для цементирования традиционалистского крыла своей коалиции в партии.

При Бараке Обаме экономика начала сталкиваться с более интенсивным противостоянием – к примеру, с движением Tea Party^[35]. Благодаря этому движению все чаще стал задаваться вопрос о праве федерального правительства вторгаться в общество как в идеологическом, так и в сугубо практическом смысле. В то же время демократы стали более категоричными в экономических, идеологических и культурных вопросах. Стороны начали отдаляться друг от друга. Тем не менее республиканский мейнстрим – сектор, откуда появлялись кандидаты в президенты, – оставался без изменений.

Однако внутри экономическая ситуация продолжала накаляться. 2008 год стал переломным моментом: последствия кризиса ипотечного кредитования навредили слабеющему классу больше, чем технократия. Важно отметить следующее: белому рабочему классу казалось, что федеральное правительство стремится защищать интересы всех, кроме них; при этом федеральная властная машина еле работала.

Белый рабочий класс полагал, что и технократия, и федеральное правительство отвернулись и от них, и от их экономических проблем, культурных ценностей и идеологии. В экономическом плане технократы справлялись относительно хорошо. Их моральные принципы получили распространение, и общая идеология, которую они проповедовали, доминировала. С точки зрения слабеющего класса его интересы были безразличны, если не враждебны, в той или иной степени обеим политическим партиям.

Несмотря на то что белый рабочий класс был дезорганизован и бедствовал в экономическом и социальном плане, он был все еще огромен и придерживался общих принципов. Он мог форсировать

проблему, особенно в Республиканской партии – на фоне слабости властной структуры, выявленной движением Tea Party. При лучшей организации он мог бы стать мощной силой внутри партии. Должен был кто-то появиться, чтобы организовать этих людей, но этот кто-то должен был быть вне партии, не запутавшимся в паутине отношений, ратующих за базовую экономическую и социальную модель.

Неважно, каким был лидер, главное – какое настроение царило вокруг. Ему достаточно было ухватить это настроение, признать его существование и необходимость что-то с ним сделать. Никакой другой республиканец подобного осуществить не мог, никто не в силах был отказаться от базовых принципов, таких как свободная торговля и доброжелательное отношение к иммигрантам. Однако в Республиканской партии не осознавали, что то, что ранее считалось внутрипартийным второстепенным направлением, теперь стало основной линией. Не понимая этого, партия не могла достучаться до представителей рабочего класса.

Д. Трамп пообещал вновь сделать Америку великой^[36]. Остальные республиканцы или технократы не видели в этой фразе смысла, поскольку считали, что Америка не только уже является великой державой, но и с каждым мгновением становится все более великой. А в глазах представителей слабеющего рабочего класса Америка фактически находилась в упадке, поскольку их собственное положение становилось все более зыбким. Трамп оскорблял, обещал, метал громы и молнии; он делал все, что ни один хороший политик себе не позволил бы. Но в этом и заключалось его преимущество. Он не вел себя как политик в привычном понимании слова. Остальные республиканцы даже не догадывались, какое презрение вызывает у рабочих привычная фигура политика.

Для технократов и Трамп, и уклад жизни белого рабочего класса были загадкой. Трампа не понимали так же, как демократы не могли понять причины победы Рональда Рейгана, а республиканцы – Франклина Рузвельта. Его самого, его особенности и его скандальные высказывания пристально изучали. Но суть была не в этом, равно как и не во взломе сервера Демократической партии. Клинтон вела себя так, как будто она уже выиграла выборы, – ведь само собой подразумевалось, что выходки Трампа неприемлемы, а его сторонники – вообще маргиналы, «язва», подлежащая лечению.

Они не были ни маргиналами, ни подконтрольными кому-либо. По сути, выборы-2016 стали попыткой развязать узел, в результате которой тот затянулся еще туже. Трамп запутался в институциональном смысле – из-за своей неправительственной оппозиции, особенно к СМИ. Он не мог переубедить своих оппонентов, а те не могли переубедить его сторонников.

Поэтому Трамп не воплощает собой переход к новой эпохе. Он всего лишь знак приближающегося перехода, намек, который кажется очевидным его сторонникам и пугающим – противникам. Трамп – это первый признак противостояния классов. Однако поскольку набирающий силу класс пока не достиг собственных пределов, слабеющий еще имеет кое-какую власть. А это значит, что 2020-е годы будут даже более сложными, чем позволяет ожидать нынешняя расстановка сил.

Глава 9. Кризис 2020-х: столкновение циклов

Первые политические признаки надвигающейся бури уже видны, недовольство растет, обе стороны готовы к активным действиям. Предисловие к повествованию уже написано, но, как ни странно, по мере того как лежащие в его основе институциональные, социальные, экономические и геополитические проблемы выходят на передний план, политическая сфера перестает вызывать раздражение и нация начинает рассматривать вероятность того, что американский проект провалился. В 1970-х была похожая ситуация, в результате Джимми Картер произнес свою знаменитую «речь о недомогании», как ее окрестили в прессе, в которой говорил о «кризисе веры» американцев в самих себя. Точно так же в 1930-х социальные и экономические напряженности сломили дух граждан, и Рузвельт заметил, что «единственное, чего нам следует бояться, – это самого страха». Сегодня эта тема широко обсуждается, но даже если мы подождем следующих выборов, следует понимать, что мы стоим только на пороге кризиса и пока не переживаем его.

Социально-экономические кризисы обуславливаются социальными и экономическими неудачами. Институциональные – войнами, в которых США принимают участие. В 2020-х оба вида циклов наложатся друг на друга и возникнет ощущение долгого падения, несмотря на то что решения экономических и социальных проблем будут на поверхности. Политическая система растеряет значимость и переполнится проблемами. Сложно испытывать политический энтузиазм, когда все больше становишься циником – не только в отношении политиков (это давняя американская традиция), но в отношении системы в целом. Политический энтузиазм основывается на вере в необходимость активных действий. В 2020-х же, вне зависимости от того, будет ли Трамп переизбран президентом, царить будут безразличие и цинизм. Кризис этого десятилетия будет обусловлен весьма реальными проблемами, но при этом станет еще и кризисом веры в американский проект как таковой.

* * *

Говоря об истории, мы вспоминаем людей и события. Такой способ неплох, но упускает одну вещь. Когда мы думаем о последнем десятилетии – с Дональдом Трампом и Владимиром Путиным, Китаем и Украиной, – мы имеем дело с верхушкой

айсберга. Суть скрыта в его подводной части, в глубокой структуре и развитии, которые трудно разглядеть, но которые управляют действующими лицами и событиями.

Начнем с институционального цикла. Первый цикл создал федеральную власть, второй пересмотрел отношение федеральной власти к властям штатов, третий – отношение федеральной власти к экономике и обществу, а четвертый цикл переопределил отношение федеральной власти к самой себе. Под последним я подразумеваю переопределение способов, с помощью которых правительство устанавливает приоритеты, пытается их достичь и отчитывается о сделанном. Звучит как относительно небольшое изменение. На самом же деле оно столь же радикально, как и сдвиг после Второй мировой войны. Этот сдвиг трансформирует массивную структуру, имеющую тесные связи со всеми аспектами социума, и при этом изменит не только сами отношения, но и принцип функционирования всего общества.

В третьем и текущем цикле федеральная власть разделена на два элемента: избранные должностные лица, а также их прямые подчиненные – и назначаемые исполнители. Так было с самого основания США, но в третьем цикле баланс сместился, когда исполнители стали более самостоятельными, теснее связанными со всеми аспектами управления, а также со многими частями общества. Формально этот сдвиг произошел вне политики (в том смысле, что он не затрагивал избирательный процесс), но обладал слабовыраженной политической идеологией, а именно – идеологией компетентности.

Эта идеология коренится в природе институционального кризиса, поддерживаемого в некоторой степени кризисом социально-экономическим. Как мы все чаще наблюдали за последние несколько десятилетий, основой институциональной проблемы стало значительное расширение полномочий федерального правительства, его очевидной мощи, а также неспособность власти создавать последовательные и понятные законы и политику. Под понятностью подразумевается способность граждан, подчиняющихся этим законам, понимать их. Примером, который я часто упоминаю, является Закон о доступном здравоохранении^[37], который затрагивает жизнь практически каждого человека, но при этом настолько длинен и сложен, что вряд ли кто-нибудь полностью понимает его значение.

Расширение полномочий федерального правительства создало веру в его эффективную власть. Поэтому неэффективность власти рассматривается не как системный сбой, а как результат преднамеренного вреда ради выгоды сильных мира сего и причинения ущерба остальным. Иными словами, поскольку власть федерального правительства не подвергается сомнению, его неудачи воспринимаются все большим числом людей как преднамеренные. Поэтому, как и в случае любых социальных опасений, в грядущее десятилетие среди людей будет усиливаться уверенность в том, что федеральное правительство находится в руках заговорщиков. Такой заговор был немыслим в двух предыдущих институциональных циклах, потому что власть являлась не столь всеохватной. Однако в 2020-х годах имидж правительства таков, что заговор кажется единственно разумным объяснением его неудачных действий. Это недоверие вызовет страх перед экономическими интересами, порожденный провалом текущего социально-экономического цикла. Психологически 2020-е годы станут мрачным временем, когда настоящие институциональные, социальные, экономические и геополитические неудачи не будут братья в расчет. Страшно даже подумать о том, что нацию контролируют невидимые силы. Возможно, еще страшнее столкнуться с правдой, которая заключается в том, что ситуацию контролирует не конкретный человек, а властные институты. Начиная со Второй мировой войны федеральная система строилась, исходя из признания ценности профессиональных знаний, и в течение большей части данного периода она функционировала эффективно. Однако тезис, согласно которому эти знания могут привести к неудаче, потребует впечатляющего сдвига в глазах общественности, даже несмотря на то, что презрение к правительству уже давно стало частью культуры. Это ключевая угроза для институциональной структуры третьего цикла и технократии, контролирующей институты власти. Давящая значимость роли США на мировой арене и неспособность технократии выйти из интеллектуального тупика, в котором она оказалась, будут двумя наиболее важными факторами переходного периода перед новым институциональным циклом 2020-х годов.

Источником проблемы является убеждение, согласно которому раз уж профессиональные знания играют основную роль, они должны стать принципом руководства. В технократических терминах правительство состоит в основном из экспертов, которые видят проблемы под своим углом зрения, надеясь, что разные углы

зрения могут быть объединены в единое целое и таким образом понятны общественности. Это неотъемлемая часть демократической жизни. Однако такое происходит редко, потому что те, кто разбирается в обществе, те, кто пытается объединить множество частей, и те эксперты, кто разрабатывает решение, не понимают друг друга. В результате эксперты формируют правительство, наделенное огромной ответственностью и обширными знаниями, при этом задавленное собственной сложностью, что оборачивается серьезными последствиями для нации.

Рассмотрим внешнюю политику – центральную область ответственности федеральной власти. Как мы уже видели, три предыдущих институциональных цикла возникли из войны. Четвертый сейчас начинает возникать как из войны, так и из массивного геополитического сдвига. Война началась 11 сентября 2001 года, и следует иметь в виду, что с этого времени США находятся в состоянии постоянного военного противостояния, хотя и не в масштабах Второй мировой или Гражданской войны. Данный военный конфликт длится намного дольше, чем любой другой в американской истории. И в неспособности правительства вести войну таким образом, чтобы в ней можно было одержать победу, институты США проявили свою фундаментальную слабость. Война требует упрощения, понимания желаемой цели, ясности в стратегии и соответствующего распределения ресурсов. Правительство же оказалось неспособным на ясность, необходимую для войны, потому что не было в состоянии упрощать. Запутанная структура власти привела к возникновению запутанного плана войны, и эта запутанность передалась войскам, которые в итоге не справились с задачей.

Однако была и более глубокая проблема. В декабре 1991 года распался Советский Союз. США оказались в положении, которого они никогда не ожидали и в котором не стремились быть. Штаты стали не просто единственной мировой державой – они превратились в империю, нацию, которая влияла и воздействовала фактически на все другие народы. Как быть с этой империей? Многие люди отрицают сей очевидный факт, другие хотят от него избавиться, а третьи выступают за создание либеральных демократий по всему миру. Некоторые считают, что Государственный департамент США – превосходный инструмент власти, другие же ни в грош его не ставят. Полемика остра, но есть

общее мнение, что с федеральной властью что-то совершенно не так, и можно ожидать, что в 2020-х годах это ощущение усилится. Как я уже объяснил, проблема ведения внешней политики – это то, что обычно заставляет меняться властные институты. Вторая мировая война была индустриальной войной, и для ее ведения потребовалось мобилизовать промышленность США. Поэтому все обстоятельства и все руководители, так или иначе ориентированные на бизнес, должны были подчиняться управленцам, подотчетным государству. Последствия превращения Америки в доминирующую мировую державу и восемнадцати лет войны на Ближнем Востоке сделают неизбежной замену институтов, созданных в эпоху Второй мировой и имеющих Вашингтон в качестве средоточия власти. Структура федеральной власти, возникшая во Вторую мировую, не была предназначена для управления той мощью, какой эта власть обладала, и склонность использовать военную силу в качестве первого ответа на любую ситуацию оказалась непродуктивной. В данном случае нужна была скорее не новая политика, а новая институциональная структура для управления глобальными интересами, сильно отличающимися от интересов эпохи Второй мировой войны. И в контексте этих изменений придется трансформировать другие институциональные аспекты, как внутренние, так и международные. Проблема внешней политики касается всеобщего кризиса институтов власти. Институциональный сдвиг ослабит доверие к технократии в преддверии выборов 2028 года.

* * *

Сложности с завершением наших войн и привыканием к новому статусу имеют те же причины. Нами управляют люди, имеющие широкие знания в узкоспециализированных областях, но мало у кого получается составить общую картину. Проиллюстрируем это басней Эзопа о лисе и еже^[38]. Лиса обладает знаниями во многих областях, в то время как еж хорошо разбирается лишь в одной сфере. Чтобы иметь широкие познания, лиса должна уметь схватывать все на лету. Без этого качества она никогда не смогла бы накопить такой запас знаний. Поэтому лиса может понять, что ей нужно для того, чтобы сносно жить. Однако если ей потребуются решить какую-либо важную задачу, она не справится. Еж же способен решить любую проблему в рамках своей компетенции, но

он не из тех, кто схватывает на лету. Чтобы стать специалистом в какой-либо области, ему нужно долго стараться.

Еще один аспект – различие между эрудицией и мудростью. Обширные познания необходимы, но сами по себе недостаточны. Один еж разбирается в одной сфере, другой еж – в другой. Кто их объединит? И кто скажет, в какой области лучше всего быть эрудированным, а кто способен оценить познания всех ежей и степень их значимости? Федеральный властный аппарат стал местом обитания таких вот ежей, которым срочно требуются новые кадры. Им не хватает мудрости, и не существует никакой должностной инструкции по обретению мудрости.

Многие американцы признают, что проблема федеральных властей слишком сложна. Суть в том, что правительство закончило разрастаться примерно в 1988 году, в то время, когда аппарат функционировал достаточно эффективно.

Федеральный госаппарат сократился до размеров 1966 года. Наиболее многочисленным он был при Рейгане и Буше-старшем, а после их правления количество госслужащих уменьшается.

Рис. 18. Количество государственных служащих

Кризис федеральных властей не сводится ни к численности чиновников, ни к их задачам. Федеральный госаппарат сжался до размеров 1966 года. Он достиг максимальной величины во времена Рейгана и Джорджа Буша-старшего и с тех пор сокращается (рис. 18). И проблема не в задаче, стоящей перед ним. Теперь, когда

отношения федерального правительства с экономикой и обществом изменились, вернуться к старой модели так же невозможно, как невозможно изменить отношения между штатами и федеральным правительством во втором институциональном цикле. Проникновение власти в общество останется и будет только возрастать на фоне растущих угроз в адрес безопасности американских граждан.

Проблема заключается в отношении федеральной власти к себе. Власть воспроизводит созданную во время Второй мировой модель высокоцентрализованной, иерархической, управляемой экспертами системы. Это та же самая модель, которая привела General Motors к банкротству. General Motors прекрасно функционировала, если судить по тому контролю, какой она осуществляла над своими внутренними функциями. Чего корпорация не смогла, так это создать систему, которая была бы одновременно креативной, а не контролируемой по мелочам, и состоящей из частей, способных в конечном счете сложиться в привлекательное с точки зрения рынка целое. Проблема не в размере, хотя небольшими компаниями легче управлять. Существуют гигантские корпорации, которым это удалось: Apple и Goldman Sachs. Компании же, основанные на модели Второй мировой войны, либо трансформировались, либо исчезли.

Однако федеральная власть не развивалась. Распределив полномочия по профилям деятельности, она разделилась на бесчисленные ведомства и неофициальные структуры, и все они заняты только своей узкой функцией. Немногие из них способны эффективно сотрудничать, и большинство тратит больше времени на противостояние другим подразделениям, чем на выполнение своей задачи.

Непоследовательные действия правительства повышают риск неудач проводимых проектов, а также вероятность их чересчур высокой стоимости или того, что в случае успеха они навредят другому проекту. Нет такой точки зрения, с которой можно было бы обозреть картину происходящего целиком, а эксперты, принимающие участие в системе, вовсе не являются лисами из басни Эзопа и не в состоянии постичь всей сложности насущных процессов. В результате во всех сферах: от внешней политики до здравоохранения – проблемы решаются все более мудренными способами, из-за которых становятся все менее понятны.

Например, для упрощения ипотечного кредитования созданы были федеральные агентства. Одни отвечали за надзор за рынками. Другие – за мониторинг экономических преступлений. Третьи курировали экономические процессы. Процесс ипотечного кредитования в целом контролировался государством, но госагентства не взаимодействовали друг с другом. Прodelай они подобное, проблема стала бы очевидной. Но сотрудникам Fannie Mae, скупающим у банков ипотечные кредиты, агентам ФБР, занимавшимся экономическими преступлениями, экспертам из Комиссии по ценным бумагам и биржам и специалистам Федеральной резервной системы – этим ежам из басни Эзопа – не хватало сведущих лис. Катастрофа стала неожиданностью для всех.

То же самое, в свою очередь, будет происходить и в 2020-х годах, что усилит политический кризис. Обычный гражданин не в силах объять всю сложность устройства федерального правительства. Но так происходит не из-за нехватки образования или интеллекта: ведь устройство власти не вполне понятно даже тем, кто находится внутри нее самой. Внешние наблюдатели также не могут постичь благие намерения или проверить компетенции властного аппарата, а непонятность неизбежно приводит к недоверию. Когда используется термин «глубинное государство» (*deep state*), предполагается, что федеральное правительство – это, согласно утверждениям его сторонников, высокорациональная, всеобъемлющая и хорошо управляемая система. Если это так, то многие приходят к выводу, что действия властей, от неудавшихся войн и плохо продуманного наблюдения за гражданами до неработающих программ по борьбе с бедностью, преднамеренно задумывались провальными.

Непроницаемое федеральное правительство породило недоверие, которого отцы-основатели как раз и хотели избежать. Они создавали демократическую республику, в которой общественность избирает представителей, а эти представители контролируют работу власти. Третий цикл близится к завершению, и проблема в том, что народные избранники не в состоянии как следует контролировать работу федерального правительства. Четыреста тридцать пять народных избранников не могут понять, что происходит, – равно как и администрация президента. Каждый из них имеет несколько помощников, не слишком разбирающихся в тонкостях внешней и внутренней политики. И дело не в размере, потому что правительство, безусловно, должно быть большим,

чтобы заботиться о большой и неоднородной нации. Проблема заключается в зашкаливающей сложности и запутанности, когда подгруппы экспертов не сотрудничают, не доверяют друг другу и плохо работают сообща.

Создаются дополнительные прослойки чиновников с крайне узкой специализацией, и, следовательно, они не способны понять экспертов, отвечающих за узловые проблемные точки. Однако проблема лежит скорее в плоскости культуры. Эксперты могут понимать и испытывать чувство солидарности со своими коллегами, потому что они говорят на одном языке и, вероятно, имеют общее или схожее прошлое. Попечитель часто становится частью той сферы, о которой должен заботиться, а выборный чиновник, который явно не понимает языка эксперта, не способен выполнять свои обязанности.

Кризис в 2020-х годах углубится еще и из-за того, что федеральное правительство не сможет отказаться от крайней вовлеченности в жизнь общества. Это будет невозможно, потому что в противном случае разорвется множество связей, слишком много операций останутся невыполненными. Как правительство сможет защитить своих граждан на фоне роста угроз? Чем заменить Министерство национальной безопасности и все его инициативы по предотвращению угроз, если не повышать тщательность досмотра в аэропортах с помощью программ вроде CLEAR, которые идентифицируют путешественников по отпечаткам пальцев или сетчатке глаз? Для большей эффективности необходимо разрабатывать новые программы централизованной идентификации и проверки. Сдвиг после 11 сентября был так же неизбежен, как и после Гражданской войны или Второй мировой. Сложность существующей системы, наряду с насущной необходимостью в том, чтобы кто-то повторял предпринимаемые федеральным правительством шаги, приведет даже к чему-то большему, чем тактический сдвиг. Данная проблема будет покоиться в основании всех 2020-х годов. Ее можно заметить в растущей напряженности между защитой безопасности американских граждан и нарушением их прав на неприкосновенность частной жизни. Эта напряженность перерастет в социальные проблемы, и в ближайшее десятилетие, особенно ближе к выборам, они станут острыми политическими проблемами.

Перед началом третьего цикла, накануне Второй мировой войны, во главе правительства стояли люди, чья легитимность

основывалась на результатах выборов и чьи назначенные лица отбирались благодаря своим политическим навыкам и лояльности. Поступки этих помощников были основаны на политических соображениях и иногда находились вне закона. Они поддерживали тесный контакт со своим начальством, желавшим быть переизбранным и потому приветствовавшим стабильность. Они стремились к политическому эффекту, и политические мотивы пронизывали деятельность правительства. Их преимущество состояло в том, что от них не требовалось совершенствовать нацию или государство. Они были скромными винтиками огромной беззастенчивой машины под названием США.

Ключом к первым двум институциональным циклам был здравый смысл. Как и во время основания государства, предполагалось, что существует слой американского общества, который, благодаря опыту и воспитанию, выработал в себе здравый смысл, достаточный для понимания принципов функционирования правительства. Скорее всего, это были не самые бедные граждане, ведь последним не хватало соответствующего опыта и времени. Совершенно не обязательно они должны были быть и богачейшими людьми, чьи интересы, как правило, отличались от интересов большинства населения. Однако имелся слой, способный управлять, руководствуясь собственным здравым смыслом, а не узкоспециализированными знаниями. И это были избранные президенты, конгрессмены и судьи, которым люди отдали предпочтение: они были достаточно образованными, чтобы разбираться в проблемах и осуществлять властные полномочия. А вот появление класса, основанного на узкой специализации, стало прямым вызовом здравому смыслу, понимаемому теперь как дилетантская и недостаточная система взглядов.

* * *

После Второй мировой войны эта новая модель, главным элементом которой являлись эксперты, управлявшие отдельными фрагментами проекта и делегировавшие на более высокие уровни задачу общего понимания и объединения того, чем все они занимались, привела к внушительной экономической и социальной эволюции. Но в то же время система вызвала к жизни и глубокую институциональную проблему. Во-первых, здравый смысл, ответственный за первый этап, был оттеснен с передовых позиций управления. Во-вторых, сумма экспертных знаний оказалась меньше

– а не больше, – чем ее составляющие. В большинстве своем эксперты не работали сообща, и проекты, изначально бывшие целостными, стали фрагментированными, причем каждая часть функционировала сама по себе. Основная претензия к Закону о доступном здравоохранении была в том, что эксперты создали весьма пространственный документ с трудными для понимания правилами, и эти правила не всегда соотносились друг с другом. Технически каждая часть была законченной, но ни один человек, задействуя только свой здравый смысл, равно как и эксперт, не был в силах его понять.

Рассмотрим следующий пример. На протяжении большей части американской истории судьи Верховного суда были, как правило, юристами, но не обязательно имевшими опыт работы именно в качестве судей. Они были отобраны по политическим причинам и за наличие здравого смысла. Примером из третьего цикла был Эрл Уоррен, юрист, служивший в армии во время Первой мировой, а затем ставший окружным прокурором. Он занялся политикой, стал губернатором Калифорнии, а затем выдвигался как вице-президент в паре с кандидатом в президенты Томасом Дьюи, который проиграл Гарри Трумэну. Когда Уоррен третий срок находился на посту губернатора, Эйзенхауэр назначил его председателем Верховного суда. Он был далеко не специалистом в области права, но обладал мощным здравым смыслом. В начале 1950-х годов, когда получило широкую огласку дело о сегрегации в школах, известное как «Браун против Совета по образованию», Уоррен признал, что этой практике следует положить конец. Он также понимал, что, по справедливости, суд должен принять единогласное решение. Поскольку он был политиком, то считал, что это не юридический, а политический вопрос, и сосредоточился на том, чтобы убедить всех членов суда, включая южанина Тома Кларка, проголосовать за неконституционность сегрегации в школах. Уоррен использовал здравый смысл и политическое мастерство, а не юридические знания.

Теперь сравните с сегодняшним Верховным судом. Никто из нынешних судей никогда не занимал политическую должность. Никто никогда не управлял ни собственной компанией, ни фермой. Все являются выпускниками либо Гарвардской, либо Йельской школы права (один судья начал в Гарварде, затем перевелся в Колумбийский университет). Все они – эксперты в области права, или, точнее, эксперты в текущих технических правовых спорах. Они

– юристы, получившие образование в учебных заведениях, которые прививают превосходные технические навыки. В результате в суде царит жесткость и предсказуемость. Ни у кого нет способности продвигать необходимый компромисс. Теперешнее определение закона носит преимущественно технический характер и не включает в себя элемента здравого смысла, что было свойственно суду Уоррена в 1954 году. Поэтому закостенелость Верховного суда проявляется в следующем: это юридический и политический институт, которым в настоящее время управляют технические специалисты, использующие, казалось бы, неидеологические методы для достижения идеологических целей. Это проблема, которая пронизывает федеральное правительство и постепенно лишает его способности управлять. Здравый смысл, способность предвидеть последствия, далекие от технических тонкостей, вытеснены из поля зрения. Верховный суд не отдает себе отчета в том, что в зоне его ответственности находится также регулярный отказ от технических соображений в пользу политического здравого смысла.

Безусловно, эксперты необходимы. Однако управлять они не могут, ведь их угол обзора ограничен их узкой специализацией. Впрочем, как сложившийся класс они уже начали управлять отношением федеральных властей к стране. Конгресс проводит законы, которые можно понимать как некие замыслы, финансируемые из федеральных средств. Эксперты истолковывают эти замыслы и создают нормативные акты для их реализации. Затем они проводят нормативные акты в жизнь. Связь между замыслом и нормативным актом зачастую случайна, но эти акты так сложны, не говоря уж о проведении их в жизнь, что Конгресс или президент слабо представляют себе, что происходит. Подобное мы наблюдали на примере закона о здравоохранении, принятого при президенте Б. Обаме. Президент со всей уверенностью обещал, что его проект реформы медицинского обслуживания позволит американцам не менять своих врачей. Проблема, однако, заключалась в том, что, как только детали законопроекта были прописаны (сотнями экспертов в здравоохранении, которых никто не избирал), закон стал крайне сложным для понимания, и не всем американцам в действительности удалось сохранить связь со своими врачами. Первоначальная цель президента и Конгресса была ясна. Однако к тому моменту, когда эта цель была перенесена в юридическую

плоскость и нормативные акты стали выполняться, проявилось множество неожиданных эффектов.

Значительная доля американцев утратила доверие к федеральным властям, посчитав, что технократы действуют не в интересах граждан, а скорее для защиты собственных позиций и полномочий во властной структуре. Согласно опросу, проведенному Исследовательским центром Пью (*Pew Research Center*) в апреле 2019 года, только 17 % участников исследования заявили, что в какой-либо мере доверяют правительству. При президенте Эйзенхауэре таких было 75 %. Количество доверяющих властям снизилось до 35 % за время администрации Картера – это последний президент социально-экономического цикла Рузвельта.

С точки зрения граждан, федеральная система герметично запечатана. Выявление законов и нормативных актов, способных оказать на вас влияние, определение их возможных последствий, управление системой и контроль за вашими отношениями с федеральным правительством больше не являются объектами свободного выбора. Сложно даже оказать хоть какое-нибудь существенное влияние на ход избирательного процесса.

Один из политических кризисов, который в 2020-х годах достигнет пика, – это недовольство системой праймериз (предварительного голосования), которая утверждает идеологию меньшинств и слишком сложна для участия. По крайней мере 75 % избирателей не заинтересованы в праймериз, что неудивительно, ведь американцы высоко ценят частную жизнь. Те же, кто склонен голосовать на праймериз, с энтузиазмом относятся к выборам. Иногда потому, что они серьезно воспринимают идею гражданской ответственности. Чаще всего у них активная политическая позиция. Большинство американцев не увлекаются идеологиями, а это означает, что кандидаты от обеих партий отбираются активным меньшинством. Поскольку в голосовании, как правило, принимают участие те, кто разделяет господствующую идеологию, все чаще появляются маргинальные кандидаты. Преданные последователи идеологии в значительной степени определяют исход выборов в Конгресс.

Система праймериз практически исключила из обихода фигуру профессионального администратора местного политического значения. До Второй мировой войны важную роль играл партийный руководитель, отбиравший кандидатов на всех уровнях. Он выполнял две функции: защищал интересы граждан перед лицом

федеральной власти и укреплял избирательную систему. Поскольку он являлся профессионалом, у него не было идеологических и политических задач. Его власть происходила от победы на выборах, и это неизбежно гарантировало отсутствие всякой маргинальности в его позиции. Будучи профессионалом, партийный лидер считал, что оказывает услугу избирателям в обмен на их голоса.

Партийных лидеров обвиняли в коррупции, фальсификации выборов, продвижении тех, кто их поддерживал, а также в негласной работе по привлечению избирателей. Они сотрудничали с системой на всех уровнях, помогая предприятиям получать государственные контракты в обмен на свои проценты. В Бронксе, где я вырос, был партийный лидер по имени Чарли Бакли, который помогал ирландцам, евреям, итальянцам, пуэрториканцам и афроамериканцам, понимая, что в глазах общества они могут не считаться равноценными, но их голоса имеют ту же ценность, что и голоса американцев другого происхождения. Партийные руководители, возможно, действительно были коррумпированы, но праймериз коррупцию не устранили.

Партийные лидеры обладали достаточными полномочиями, чтобы бороться с неэффективностью. Критикуя систему, они пытались ее реформировать; благодаря им сохранялся безличный подход к властным отношениям, в рамках которых политическая лояльность не имела ничего общего с доступом к системе. Поэтому доступ к государственным службам отличался большей справедливостью, однако учет всех необходимых методов управления сделал его также менее эффективным, и никому не удалось ускорить процесс или привести его в соответствие с непредвиденными обстоятельствами.

Утрата такой фигуры, как партийный лидер, означала, что никто больше напрямую не транслировал разумные требования граждан к власти. Когда эта фигура была вычеркнута, доступ к федеральной властной системе стал осуществляться по формальным путям, в которых граждане ориентировались не слишком хорошо. Интересы граждан (правда, лишь тех, кто был достаточно хитроумен, чтобы догадаться об этой возможности) стал представлять конгрессмен. Однако для большинства людей подобные вещи оказались недоступными. Неформальный доступ к государственным службам давался в обмен на политическую лояльность, и это укрепляло влияние лидера на свою партию, равно как и партии на электорат. Данную ситуацию нельзя назвать явно недемократичной. Лидер был

центром системы, и привязанность или, по крайней мере, уважение к нему было в большинстве случаев настоящим, потому что он зарабатывал на жизнь тем, что оказывал подобные услуги.

В свою очередь, праймериз и модель общества, непосредственно контролирующего власть, были направлены против доминирования партийных лидеров и на повышение прозрачности властных отношений. Однако такой подход не учитывает тех, у кого особые запросы. Лидеры могли решить проблемы с предоставлением госуслуг особым группам населения. Теперь же все были равны, и доступ к государственным службам подвергся необходимым изменениям в этом отношении. Исключений предусмотрено не было – их требовалось предотвращать.

Система праймериз также поляризовала и политику. Отбор кандидатов превратился из процесса, которым руководит партийный лидер, во все более идеологический. В конце концов, это и стало одной из причин падения института лидеров; доктринеров от дела отстранили. Со столь малым количеством избирателей в праймериз выигрывал тот, кто больше всего об этом заботился. Таким образом, система праймериз была отдана на откуп меньшинству приверженцев, которые, несмотря на работу или дождь, необходимость отвезти детей в музыкальную школу и приготовить ужин, отправлялись во вторник^[39] голосовать. Те, кто мог справиться с такими житейскими проблемами или же их не имел, контролировали избирательный процесс так же строго, как и некогда партийный лидер.

Новые отношения между гражданином и правительством, которые вступят в игру в 2020-х годах, не будут повторять старую политическую систему. Слишком многое изменилось. Но принцип, согласно которому политическая система должна и решать индивидуальные, личные запросы, и обеспечивать компетентное управление, вызовет сдвиг. Обратите внимание: старая система дала таких президентов, как Авраам Линкольн, Теодор Рузвельт, Вудро Вильсон, Франклин Рузвельт и Дуайт Эйзенхауэр, не считая менее значимых фигур. Дело в том, что, если судить по результату, система партийных лидеров была, безусловно, не хуже праймериз, а возможно, во многих отношениях даже лучше. Но, помимо личностей, система лидеров старалась обслуживать и привлекать неидеологические массы, предотвращая влияние на систему со стороны доктринеров – представителей меньшинства голосов и сдерживая поляризацию, которая проявилась в полной мере на

нескольких выборах в течение последних лет третьего институционального цикла.

Еще важнее рассмотреть это с точки зрения федеральной власти как института. Создание строго безличной системы, управляемой технократами, которые предпочитают устанавливать жесткие рамки для процесса, неизбежно оставляет без ответа многие нужды граждан, которые нельзя было предугадать заранее. Всегда есть особые ситуации, которые должны рассматриваться, но не вписываются в правила. В эпоху партийных лидеров это можно было бы решить, обратившись к ним за помощью: во многих случаях их телефонного звонка в нужные инстанции было достаточно. Больше такого нет. Нет никого, кто управлялся бы со всеми хитросплетениями системы. Эта система честна, но негибка и сложна для постижения. Федеральная власть – это огромный механизм, доступ к которому ограничен и непрост, а желающих получить его слишком много.

Ни одна из форм представительства не была идеальной, и в течение следующего десятилетия, в дополнение к другим приближающимся кризисам, этот конфликт перерастет в противоборство узкой специализации и здравого смысла. Сторонники узкой специализации могут резонно заметить, что проблемы сложны и должны решаться экспертами. На стороне здравого смысла будет аргумент о том, что методы и решения, используемые подобными экспертами, не в состоянии справиться с проблемами, потому что на идеальное решение с практической точки зрения уходит так много времени и оно до такой степени не считается с реальной жизнью граждан, что в результате создается только иллюзия решения. Эксперты будут считать своих оппонентов профанами, не способными осознать всю сложность явления. Оппоненты же укажут на то, что эксперты больше заинтересованы в защите собственных позиций и полномочий, чем в рассмотрении ситуации. И все эти прения будут усугубляться взаимным недоверием и отвращением.

В течение 2020-х годов данный конфликт, усиливаясь, не ограничится правительством. Технократия – в такой же степени социальный класс, как и руководящие органы. Например, журналисты традиционных вызывающих доверие газет, ранее называемых авторитетной прессой, утратили свою репутацию. Опрос Gallup, проведенный в 2017 году, показал, что только 27 % респондентов в какой-то степени доверяют газетам. По данным

опроса, проведенного Американской ассоциацией содействия развитию науки, лишь 14 % государственных университетов имеют высокую репутацию. Согласно сведениям Gallup, наибольший авторитет в обществе имеют военные структуры, которым доверяют около 75 % опрошенных, и полиция (примерно 58 %). То есть больше всего доверяют тем государственным структурам, которые считаются не имеющими отношения к технократии. В 2015 году опрос Исследовательского центра Пью показал, что только 19 % американцев доверяют федеральному правительству. Следует отметить, что эти данные были получены до избрания Трампа. Кризис начался не с Трампа – скорее он закончился его приходом к власти, и Трамп чувствует это недоверие и извлекает из него выгоду. Результаты опросов отражают противостояние между правительством, СМИ и университетами, с одной стороны, и возникающей оппозицией – с другой.

Даже если бы вышеописанный кризис был единственным пришедшимся на 2020-е годы, то этого уже было бы достаточно для тревоги. Но мы также стоим перед лицом социально-экономического кризиса, который достигнет своего пика примерно в это же время, и к тому моменту он тесно переплетется с институциональными осложнениями. Как уже говорилось в предыдущих главах, суть экономического циклического кризиса проистекает из самого его успеха. При Рейгане реформа налоговой системы увеличила капитал, доступный для инвестиций, что, в сочетании с новой базовой технологией – микросхемой, – создало новую экономическую и социальную реальность. Деятельность недавно созданных компаний вроде Microsoft и Oracle изменила принципы функционирования экономики. Возник новый класс людей, сделавших себе состояние в сфере высоких технологий, но вместе с тем данный класс способствовал упадку старой промышленной системы. Инвестирование, предназначенное для повышения эффективности промышленных предприятий, привело к сокращению их рабочего штата. Позже, когда прибыль от вложения в экономику, основанную на новых электронных технологиях, резко увеличилась, в то время как доходы от промышленного производства оставались на том же уровне, был предпринят перенос производства в зарубежные страны, что вызвало массовую безработицу и неполную занятость рабочих.

Очевидно, что эта ситуация вызвала и в будущем десятилетии будет продолжать вызывать серьезное недовольство среди людей,

занятых в производственном секторе и потерявших свое стабильное положение. Это не только экономическая, но и культурная проблема. Технократия в широком понимании дестабилизировала не только экономические основы промышленного рабочего класса, но и его культурные ценности. Традиционные убеждения, усвоенные рабочими в церкви, до сих пор являются для них значимыми принципами, а не формами фобии (как их принято сейчас считать). Федеральная же власть, будучи частью технократии, присоединилась и даже возглавила это нападение на привычные ценности трудящихся, посчитав, что слабеющий рабочий класс мало что может предложить в экономическом или социальном плане. Избрание Трампа в этом отношении уже не является значимым фактом, равно как и массовые увольнения рабочих. Многие из того, что происходит сейчас, связано с системным сдвигом в экономике.

* * *

Чувство ухода в глухую оборону, ощущаемое частью населения уже сейчас, в 2020-е годы усилится и будет направлено не только в сторону федеральной власти. Оно распространится на технократию в целом, потому что именно она разделяет идеологию, выходящую за рамки простой веры в знания. Поскольку она изобретает новые способы функционирования и предполагает прогресс результатом интеллектуальной деятельности, технократию также рассматривают и как воплощение протеста против общепринятых традиций и традиционных ценностей. В этом смысле технократия соответствует принципам отцов-основателей, за исключением того, что во времена основателей не существовало напряженности между техническим прогрессом и сельским хозяйством. Поэтому неудивительно, что технократия, понимаемая в самом широком смысле этого слова, бросит вызов традиционным ценностям, усиливая социальную напряженность в предстоящем десятилетии.

Положение, в каком США окажутся в конце этого десятилетия, во многом будет зависеть от того, как с этими кризисными точками будут справляться избиратели и лидеры нации. То, насколько сильно страну будет лихорадить в 2020-х годах, будет зависеть от шагов, предпринятых для исправления ситуации в определенных секторах американской жизни для улучшения положения людей по обе стороны пропасти: тех, кто страдает от экономического и социального упадка, и технократов, которые должны быть

устранены для восстановления эффективности власти и общественной жизни. Чтобы осознать подобный прогноз, нам требуется ощутить глубину кризиса, происходящего в двух важнейших отраслях американской жизни: технологии и образовании.

Глава 10. Кризис 2020-х в сфере технологий и образования

Технологии изначально были одной из сил, сформировавших Америку, что логично, учитывая принципы основания страны и необходимость скреплять нацию. У американцев разные и судьбы, и регионы проживания. Объединяет их поиск лучшей – в экономическом смысле – жизни. Чтобы экономика развивалась, нужно осваивать природные ресурсы, что требует технологического развития и, в свою очередь, умения не только создать новую технологию, но и построить бизнес вокруг нее, умения развлекаться и всего, что с этим может быть связано. Все это, в свою очередь, зависит от образования.

В широком смысле технологии – это средства изменения отношений человечества с его прошлым и окружающей средой. Ранее мы уже упоминали о значении таких технологий, как электричество, использование которого в повседневной жизни в корне изменило традиционное восприятие темного времени суток: люди смогли дольше читать и учиться, но время сна сократилось. Благодаря другой технологии музыку стало можно слушать не только в концертном зале, но и у себя дома – в любое время по желанию, равно как и смотреть спектакли и фильмы, которые ранее шли в театрах и кинозалах, теперь можно по телевизору, и зрители имеют возможность в частном порядке наслаждаться ими, не выходя из своей гостиной. Технологии преобразили окружающую среду и многовековые традиции. Они также трансформировали образ жизни людей, дав им большую свободу в плане зарабатывания на достойную жизнь. Технологии могут определять социальное и экономическое противостояние или даже быть ареной для него. Со времен промышленной революции изобретатель технологий обеспечен, имеет влияние на культуру и власть.

Безусловно, технологии были лейтмотивом рейгановского цикла, начавшегося в 1980 году и медленно подходящего к концу. Этот цикл создал процветание и одновременно институциональный и социально-экономический кризис. Каждое поколение располагает основной технологией, которая формирует вокруг себя бесконечное количество сфер приложения и бизнес-проектов. Паровой двигатель и электричество стали использоваться в различных сферах, в

результате чего появились другие технологии, трансформируя экономику и образ жизни людей.

Мы говорили об Америке как о стране, созданной с нуля. Технологии, изобретенные американцами, преобразили весь мир. В начале 1970-х появились микросхемы – сначала для нужд американской армии, а потом, в составе карманных калькуляторов, для массового покупателя. В начале 1980-х такие компании, как Texas Instruments, RadioShack, Atari и другие, представили компьютеры первого поколения. К концу 1980-х компьютеры были установлены во многих офисах и вместе с другими устройствами и технологиями – от принтера до доступа в Интернет – перевернули как экономику, так и повседневную жизнь. С середины 1980-х до 2010 года наблюдалась вторая волна успеха микросхем. Затем технология достигла своей зрелости: появлялись новые возможности использования, внедрялись некоторые инновации, но второй период завершился, а вместе с ним – и мощный рост производительности. Микросхемы стали революционной базовой технологией. В связи с их победоносным шествием вновь стала популярной эдисоновская модель, когда изобретатель создает успешные бизнес-проекты на основе своего изобретения. Теперь главный вопрос таков: какая следующая технология станет революционной в ближайшее время и как распознать ее как можно раньше?

Революционные базовые технологии проходят четыре стадии развития. Первая – стадия внедрения, когда технология уже существует, но создатель ее совершенствует и пытается организовать на ее базе бизнес. Вторая стадия – работающий продукт, который развивается в неожиданных направлениях и резко увеличивает производительность. Третья – стадия зрелости, когда весьма полезный продукт подвергается некоторым доработкам и вызывает к жизни новые бизнес-модели, но уже не в таких объемах, как ранее. Рост производительности в результате претворения в жизнь новой технологии постепенно замедляется. На четвертой стадии технология все еще важна, но сдает в динамике. Примерно в 1915 году Генри Форд, опираясь на двигатель внутреннего сгорания, выпустил на массовый рынок автомобиль. Примерно к 1960 году рынок уже был насыщенным. Появились конкуренты, шло дальнейшее наполнение рынка, и базовая архитектура была уже сформирована – в ее рамках осуществлялись лишь незначительные нововведения. С момента запуска автомобиля в массовое

производство до состояния зрелости прошло примерно 45 лет. В случае микросхем рынок достиг состояния зрелости за 40 лет: с 1980 по 2020-й.

Конечно, еще рано говорить, что микросхема устарела. Электроника преобразила нашу жизнь, существеннейшим образом повлияв на то, как мы совершаем покупки, общаемся, получаем информацию и даже – как мы мыслим. С 1980 года производительность электронной отрасли резко выросла. Однако сейчас этот показатель стремится к нулю.

Ежегодный рост, среднее значение по пятилетиям

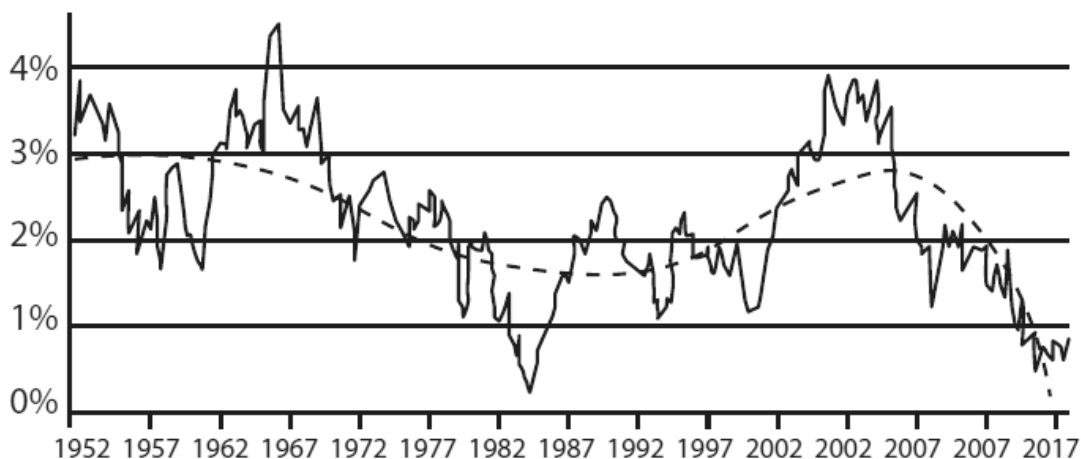

Рис. 19. Производительность труда: количество продукции за час

На графике производительности труда, предоставленном Бюро статистики труда США (рис. 19), нужно обратить внимание на сходство между спадом с 1962 по 1982 год – и спадом, начавшимся после 2010-го. Новые технологии – основной фактор роста производительности, а последняя, в свою очередь, обуславливает рост экономики. В том, что микросхема стала зрелой инновацией, нет ничего нового, равно как и в том, что общество не может привыкнуть к неизбежности зрелости и даже спада в подобных областях. Тем не менее такой переход является довольно болезненным – пока не появится новая базовая технология. Десятилетие с 2020 по 2030 год будет крайне мучительным – из-за кризисов, вызванных пересечением двух основных циклов. Добавим к этому еще тот факт, что базовая технология исчерпывает себя, а новая ей на смену еще не появилась: от этого острота момента усилится еще больше.

Героическая эра экономики, живущей микросхемами, привела к появлению огромных состояний, контролировавшихся различного рода финансовыми институтами, а также предпринимателей с «высокой чистой стоимостью активов», как теперь называют состоятельных людей. Финансовый сектор столкнулся с беспрецедентной проблемой, которая добавит кризису 2020-х остроты. Во время нынешнего цикла было создано огромное количество денег. Они ушли к классу, который использовал их скорее для инвестирования, чем для потребления. Таков был замысел, он давал результат, состояния росли. Эти деньги должны быть инвестированы. Тем не менее, как о том свидетельствует печальная ситуация со стартапами, находить инвесторские ниши стало сложнее. Особенно резко инвестиционные возможности сузились после 2008 года.

Современная ситуация обратна той, что имела место в 1970-е годы. Тогда наблюдалась нехватка капитала, сейчас – переизбыток. Процентные ставки находятся на исторически низком уровне не из-за политики Центрального банка США. Он, наоборот, способствует облегчению ситуации. Однако фундаментальной проблемой является гигантский объем денег для инвестирования и убывающее количество компаний, специализирующихся на электронике и IT, в которые можно было бы инвестировать. Поэтому инвесторы присматриваются к другим, более традиционным направлениям вроде здравоохранения и розничной торговли, – но технологии в данных сферах не являются передовыми. Этот денежный массив находится в поиске безопасных альтернатив в виде ценных бумаг, из-за чего ценность денег падает, создавая серьезную проблему для всех пенсионеров. Особенно хорошо происходящее заметно на примере стареющего рабочего класса – а ведь этот сектор и так истощен. Имеющиеся у людей крохотные активы никогда не принесут значительных доходов, в результате напряженность растет.

Представители рабочего класса могли стать значительной силой в выборах 2016 года, но у них нет шансов на то, чтобы диктовать повестку Конгрессу. Они – слабеющий класс, который не в состоянии вернуть экономическую и социальную систему во времена их процветания. Их становится все меньше, и назад – к могучему индустриализму – не вернуться. Поскольку в течение 2020-х годов этот класс еще сильнее состарится, его ждут тяжелые времена, он окончательно растеряет силу. Этот класс не способен противостоять технократии.

Однако в грядущее десятилетие вызов технократии бросят дети и внуки рабочих. Они уже не имеют никакого отношения к производственной отрасли, за исключением семейных воспоминаний; они выросли в довольно сложных условиях, перед ними – весьма мрачное будущее без возможности как-то на него повлиять. В авангарде этого движения будут люди, родившиеся с 1990 по 2010 год: в 2030 году им будет от двадцати до сорока лет. В каком-то смысле они станут миллениалами, только не теми, которые живут в Манхэттене или Сан-Франциско и заняты в маркетинге или сфере IT. Они – миллениалы, не вписывающиеся в рамки правящей культуры.

Различные кризисные стадии 2020-х годов будут так или иначе связаны с образовательными институтами. Вопрос, как и кого мы учим, будет касаться в первую очередь технологий. Все технократические дороги ведут в университет: это касается финансистов, режиссеров, чиновников, судей и маркетологов в сфере высоких технологий. Университет дает своим студентам три преимущества. Первое – широкий круг знаний, который позволит им вступить на профессиональную стезю, приобрести больше знаний и преуспеть. Второе – дипломы. В начальную, критическую фазу карьеры всем задают одинаковые ключевые вопросы: какова ваша специализация, что вы закончили? Ответ на вопрос о специализации дает представление о ваших интересах; учебное заведение, которое вы закончили, помогает понять структуру вашего мышления. Если вы учились в филиале государственного университета в небольшом штате – это одно. Если вы вообще не посещали высшее учебное заведение, то диплома у вас нет. Конечно, есть те, кто преуспел, несмотря на это, но таких мало. (Никто не сомневался в образованности Билла Гейтса, даже когда он бросил Гарвард, – ведь, в конце концов, он же туда в свое время поступил!) Третье преимущество – возможность обзавестись связями, которые пригодятся в течение всей последующей жизни. Правильный вуз и правильные друзья способны обеспечить прекрасную карьеру. В свою очередь, неправильно выбранное учебное заведение может сослужить плохую службу или сильно усложнить карьеру. Правильный вуз привьет вам привычки и ценности, благодаря которым вы станете элементом технократии; неправильный – не привьет.

Как теперь, так и в течение грядущего десятилетия основной вопрос будет заключаться в доступе к сути технократического мира

– к ведущим университетам, которые не только дают знания, но и приучают студентов к социальным ритуалам, благодаря которым те вольются в мир технократии. Эти университеты становятся все более закрытыми для тех, кто не происходит из соответствующей группы общества. В период, предшествовавший Второй мировой войне, университеты в Америке рассматривались как рай для представителей элиты. В них учились обеспеченные белые англосаксы, исповедовавшие протестантизм. Война и принятый в 1944 году закон, известный как G.I. Bill^[40], эти барьеры сломали. Университеты резко демократизировались, произошла социальная революция, ставшая движущей силой рузвельтовского цикла, который, в свою очередь, открыл дверь для элиты.

В 2020-х еще четче обозначатся две различные культуры. Хорошо видны очертания технократической культуры, в которой мерилom успеха является учеба в ведущих университетах, а ожидания от супружества и семейной жизни так или иначе продолжают отклоняться от исторических норм. Кроме этого, технократы отгородятся от социальных и политических потрясений благодаря упоению собственным моральным и техническим превосходством. «Аутсайдеры» будут испытывать чувство безнадежности и гнева, также переживая сдвиг в привычной модели семейной жизни, но для них этот сдвиг будет ощущаться как социальный кризис.

По мере усиления этого кризиса ядром оппозиции станут дети белых рабочих, особенно те, кто родился после 2000 года, ведь для них комфортная жизнь среднего класса – из области воспоминаний. К ним присоединятся неожиданные союзники с такими же потребностями и таким же жизненным опытом: афроамериканцы, латиноамериканцы и все те, кто будет определять себя скорее не через национальную или классовую принадлежность, а через собственные потребности. Политика идентичности, возникшая из федеральных инициатив по предотвращению дискриминации, долго не продержится. Как только дети белого рабочего класса увидят, что они в таком же положении, как и афроамериканцы, завяжется традиционная социальная борьба, основанная на изоляции низших социальных слоев. Появятся союзы, которые на сегодняшний день сложно даже представить.

Из-за политики сохранения идентичности университеты были недоступны для большинства представителей этой группы – включая всех субъектов этнической, религиозной и языковой

принадлежности, а не только афроамериканцев, большая часть которых не получила никаких преимуществ от политики «защиты». Политика идентичности не может решить проблемы, чьи корни лежат в негибкости институтов, в данном случае – образовательных. Расовые конфликты присущи США с самого его основания. Напряженность между белокожими и чернокожими американцами пронизывает всю историю страны. Растущая расовая напряженность, которую мы наблюдаем в последние годы, в 2020–2030-е только обострится из-за кризисного давления в других сферах, о которых мы упоминали. Семьи и отдельные индивидуумы не станут безмолвствовать перед лицом экономических сложностей, культурных потрясений и кажущихся безразличными властей и лидирующего класса.

Единственное связующее звено между ними – это общие интересы, как в эпоху «Нового курса». Интересно, что на сцену опять вышли общие интересы. Социальное и экономическое положение живущих в США латиноамериканцев улучшится само по себе благодаря расширению иммиграционных процессов, частью которых они стали в свое время. В этой новой коалиции у них будут собственные, сугубо преходящие интересы. А вот афроамериканцы путь к комфортной и обеспеченной жизни видят иначе, чем предполагает технократический подход. Что касается потомков белых рабочих, то они воспринимаются как духовные наследники шотландских ирландцев – класса, к которому некогда относились с презрением. Однако рабочий класс – это порядка 30 % населения Америки, в то время как афроамериканцы составляют 13 %. Может составиться мощная коалиция, связанная общими интересами, а не чувствами. Безусловно, альянс будет сложным, странным, но прецеденты уже были. Образовательный кризис созрел не в одночасье. Несколько поколений американцев имели возможность поступать в лучший вуз при условии хороших оценок и результатов SAT^[41]. Престижные университеты под напором старшеклассников с отличными оценками и результатами SAT изыскивали способы отбора. Они искали тех, кто не просто хорошо учился в средней школе, но и продемонстрировал исключительный талант или социальную активность. Часто упоминалось, что они ищут абитуриентов, «которые больше всего выиграют» от учебы в данном вузе. А поскольку претендентов, которые могли «больше всего выиграть» благодаря своей отличной учебе, было чересчур много,

университетам приходилось изобретать другие дифференциальные признаки.

Поэтому внимание стало уделяться письмам, в которых абитуриенты объясняли, почему хотят поступить именно в это учебное заведение. Те, у кого был наиболее подвешен язык, и те, кто умел поразить приемную комиссию блестящими идеями, оказывались, конечно, впереди. Сколько таких писем было написано родителями или даже нанятыми консультантами из приемных комиссий, неизвестно, но, судя по моему опыту работы в подобных заведениях, 17-летних подростков, способных написать достойное мотивационное письмо, на удивление мало. Те, кому взрослые писали письма или хотя бы учили их это делать, имели огромное преимущество.

Следующей фазой отсева стали внеклассные мероприятия. Недостаточно было просто иметь хорошие итоговые оценки и прилично сдать SAT: комиссии принялись искать тех, кто в свободное от учебы время занимался чем-то содержательным. Абитуриентов отбирают, исходя из того, занимались ли они волонтерством, помогая малоимущим в странах вроде Перу, стажировались ли у конгрессмена своего штата, обучали ли грамоте детей бедных родителей или имеют ли они награды, допустим, в музыкальной сфере. Вызовет ли у приемной комиссии энтузиазм тот факт, что абитуриент занимался миссионерской деятельностью, преподавая боливийцам консервативные христианские ценности, – другой и весьма непростой вопрос. Впрочем, имеется более существенная проблема.

У многих старших школьников нет времени на внешкольную активность, потому что они подрабатывают на стройке, чтобы помочь своей семье, или разносят гамбургеры, чтобы иметь карманные деньги. В старших классах у меня не было времени на неоплачиваемую летнюю стажировку в финансовом учреждении. Летом мне надо было зарабатывать деньги. Дети рабочих не могут позволить себе ездить добровольцами на какую-нибудь стройку на Гаити от христианской некоммерческой организации Habitat for Humanity^[42], даже если и находится кто-то, готовый оплатить их расходы. Они должны зарабатывать деньги, чтобы оплачивать обучение в колледже, содержать себя или помогать семье. Важно понимать, что они предпочтут: поддерживать Habitat for Humanity или участвовать в благотворительном проекте при своей церкви? Но еще важнее то, могут ли они позволить себе неоплачиваемые

внешкольные проекты, участия в которых ждут от них престижные университеты. Некоторые вузы недавно заявили, что стали считать работу после школы внешкольной активностью. Возможно, так и есть, но будет ли работа в сети супермаркетов Walmart оцениваться столь же высоко, как стажировка в штабе конгрессмена, полученная благодаря участию родителей в его предвыборной кампании? А если будет, можно ли этому верить? Достоверность подобных заявлений о равенстве различных условий – вот основная проблема.

Процесс отбора в лучших вузах сейчас направлен не на то, чтобы обнаружить лучшие умы, а на то, чтобы найти кандидатов, уже приспособленных к культуре и идеологии, которые пропагандируются университетами и помогают извлечь выгоду из полученного образования. По мере того как мы приближаемся к завершению нынешних институционального и социально-экономического циклов, университеты вновь выстраивают вокруг себя стены, существовавшие до закона G. I. Bill и «Нового курса» Рузвельта. Элитные вузы принимают в основном тех учащихся, чье происхождение соответствует представлению учебного заведения об «идеальном студенте», как это было в 1920-е годы. В качестве неизбежного исключения они принимают одаренных учащихся из «защищаемых» слоев населения. Не проходят отбор дети преимущественно белых рабочих.

У детей слабеющего рабочего класса (их в университетах гораздо меньше, чем детей элиты) шансы встретить тех, кто поможет им подняться по социальной лестнице, невелики. Вузы не просто учат вас новому. Они «вписывают» студентов в культуру мира, в который те скоро вступят, и знакомят их с теми, кто уже стал частью этой культуры. Это ничем не отличается от ситуации с иммигрантом, пожелавшим поступить в один из университетов Лиги плюща^[43] в 1920-е годы – вот что главное. Слабеющий класс – не иммигранты, и политические последствия подобного положения дел крайне серьезны. Если вы хотите стать программистом в Google или партнером в Goldman Sachs, вам обязательно нужно закончить Стэнфордский или Гарвардский университет, ведь благодаря логике развития циклов эти университеты уже стали достоянием тех, кто отвечает социальным и культурным требованиям.

Гарвардский университет довольно откровенно это демонстрирует – сам того не желая, в чем я уверен. Допуская, что из-за семейных и финансовых проблем некоторые претенденты не имели возможности заниматься внешкольными делами, университет

спрашивает поступающих, что они хотели бы делать в свободное время, – то есть, по сути, требует от них предположить неизвестное. Список важных критериев для оценки абитуриента таков:

Захотят ли другие учащиеся жить в одной комнате с вами, обедать вместе, сидеть рядом на семинарах, ходить на общие спортивные секции, заниматься сообща внеучебной деятельностью?

Другими словами, подходите ли вы? Будут ли вас ценить одноклассники? 18–19-летние подростки никогда не отличались социальной гибкостью. Вот чему университет должен их научить. И прежде всего следует ценить тех, кто сильно отличается. После Второй мировой войны Гарвард принял в свои стены поколение, которое вообще не соответствовало критериям этого университета. Теперь Гарвард снова ищет «правильного парня», как в романе Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Это только добавит масла к уже разгоревшемуся огню. В ближайшее десятилетие США столкнутся с кризисом в сфере образования и возможностей, вызванным экономической и социальной напряженностью, обычной при столкновении двух циклов.

Однако кризис в сфере образования коснется не только процесса поступления в вузы. Существует еще одна серьезная финансовая проблема, ставшая частью кризиса экономического цикла, хотя многие еще не осознают этого. Учеба в Гарвардском университете, включая плату за обучение, проживание и питание, может стоить около \$70 тыс. в год, и даже приближаться к \$80 тыс. с учетом учебников, медицинской страховки и других факторов. Гарвард – богатое заведение, которое может позволить себе платить стипендии или оказывать финансовую помощь малообеспеченным студентам. Обучение, проживание и питание в государственном университете (к примеру, в штате Огайо) обойдутся жителю штата примерно в \$23 тыс. в год, а с учетом учебников и страховки – в \$25 тыс. Это намного меньше, чем в Гарварде, но все же в сумме составляет \$100 тыс. за четыре года. Юридический, медицинский или бизнес-факультет обойдутся еще дороже. Раньше можно было совмещать учебу и работу. Однако сейчас это чрезвычайно трудно осуществить даже в государственном университете. Конечно, есть студенческие ссуды и некоторые гранты, но образовательные кредиты могут на несколько лет усложнить финансовое положение студента, сделав абстрактной мечту продвижения вверх по социальной лестнице. Образовательный кредит – это, по сути, ставка на получение диплома и вступление в элиту технократического класса с хорошо

оплачиваемой работой в ближайшей перспективе. И многим учащимся те учебные заведения, в которые они могут попасть, такой возможности не дают.

Стоимость обучения в университетах поражает: она просто непомерна. Чтобы дать некоторое представление о цене образования, достаточно сообщить, что общий объем кредитов на обучение сейчас составляет \$1,34 трлн. Для сравнения: общая ипотечная задолженность сегодня достигает \$8,4 трлн, а в 2008 году этот показатель был также на уровне \$1,3 трлн. Подобно тому как деривативы по ипотечным кредитам были объединены и проданы, то же самое происходит сейчас со студенческими кредитами. Если конгломераты Fannie Mae и Freddie Mac скупали ипотечные кредиты, чтобы обеспечить ликвидность на ипотечном рынке, то их государственный аналог для студенческих кредитов Sallie Mae покупает, объединяет и перепродает кредиты на образование.

Каковы бы ни были основные проблемы, большинство циклов заканчиваются или начинаются в условиях финансового кризиса. Образовательно-кредитный кризис не будет похож на ипотечный кризис 2008 года, но тем не менее будет иметь дело со столь же значительным денежным объемом: среднестатистический студент берет в кредит порядка \$35 тыс. за весь срок обучения в колледже, а менее обеспеченные студенты государственных учреждений берут наиболее значительные кредиты, поскольку у них меньше всего первичных средств. Они и зарабатывать будут гораздо меньше, чем выпускники Гарварда, а это значит, что развивается кредитный класс. Однако отсутствие высшего образования ведет к еще более неприятному результату, потому что без соответствующего диплома молодые люди лишаются какой-либо надежды на социальный лифт.

Почему высшее образование стоит так дорого? Ответ лежит в двух плоскостях. Во-первых, многие студенческие городки, особенно в элитных университетах, – верх шика. Я учился в Корнелльском университете, необычайно красивом месте, в котором мне нравилось все, от площадки для ракетбола до озер. Ни один человек в здравом уме не будет там несчастлив, но стоимость строительства и содержания университетского городка потрясает. Более того, университетская собственность в случае продажи существенно облегчила бы проблему студенческих кредитов. Нет ни одной веской причины, объясняющей, почему высшее образование требует таких финансовых вложений. Кроме этого, я учился в Городском колледже Нью-Йорка (CCNY), а его студенческий

городок гораздо более скромный. И я не заметил, чтобы роскошный кампус Корнелльского университета стимулировал мою интеллектуальную активность лучше, чем условия CCNY.

Вторая проблема – в том, что должность университетского профессора является одной из самых высокооплачиваемых в мире работ на условиях неполной занятости. Семестр в среднем длится 13–14 недель. Предположим, неделя уходит на экзамены, тогда штатные преподаватели в среднем работают шесть месяцев в году. В этот период они могут вести в элитных заведениях 1–2 занятия в неделю, то есть их нагрузка составляет примерно шесть часов в неделю (может доходить до двенадцати часов в неделю в наименее престижных университетах). Профессор преподает предмет, в котором является специалистом, поэтому время на подготовку минимально, а в университетах с аспирантскими программами усвоение материала студентами проверяют аспиранты. Предполагается, что преподаватель будет заниматься исследованиями и публикациями, и некоторые так и делают, в то время как другие – те, у которых большой стаж работы, – о подобном заботятся меньше. Хотя в связи с этим возникает еще один вопрос – о реальной значимости этих публикаций. В рамках своей научной карьеры я опубликовал ряд статей, общественная польза от которых была совершенно не видна.

Университеты осознают непомерную стоимость этой системы и сокращают расходы, задействуя внештатных преподавателей, которые могут преподавать, но не имеют при этом контракта на постоянную, полную занятость. Внештатники хватаются за любую, крайне низко оплачиваемую работу, по сути заполняя собой пропасть между тем, что необходимо, и тем, на что хватает денег. Должность внештатного преподавателя гораздо менее престижна, чем штатного, но это не означает, что первые знают меньше или преподают хуже, чем те, у кого контракт на полную ставку. Впрочем, вполне вероятно, что навыки внештатников со временем теряются из-за неопределенности их рабочего статуса. Если же возникает необходимость снизить издержки, университет расстается с внештатниками, никак не ущемляя штатных преподавателей.

Я не хочу здесь поливать грязью университеты. Вузы необходимы. Однако в нынешней своей форме они невыносимы. Стоимость высшего образования слишком высока. Снижение стоимости, набор большего количества учащихся и улучшение качества образования – настолько же насущная проблема, как и

нехватка капитала при Рейгане или безработица при Рузвельте. Для снятия остроты социальных и экономических проблем в 2030-х годах необходимо призвать на помощь население и восстановить восходящий вектор социального движения. Университет – средоточие и самой проблемы, и путей ее решения. Кроме того, теперь университеты становятся также центром политического противостояния.

Особого внимания заслуживает такая фраза из издания *The Atlantic*:

В 2016 году из 160 тыс. студентов, проходивших обучение по 36 наиболее престижным программам бакалавриата, *лишь 645 человек*, то есть 0,4 %, являлись ветеранами боевых действий.

Надеюсь, что престижные университеты зачислят столь ограниченное количество ветеранов боевых действий не по идеологическим причинам. Их так мало, потому что вузы видят своими студентами скорее детей тех, кто похож на университетских управленцев. Нынешние высшие учебные заведения совершенно не соответствуют миссии, возложенной на них после Второй мировой войны: не только допускать ветеранов к высшему образованию, но и специально создавать условия для социального продвижения тем, кто совершенно не похож на среднего студента элитного университета. И я подозреваю, что большинство ветеранов не станут подавать документы в престижные заведения, понимая, что их не примут, что это – не для них.

То, что сфера высшего образования превратилась в столь фундаментальную проблему, не должно удивлять. Ее корни – в Северо-Западном ордонансе 1787 года, который был предложен Томасом Джефферсоном в 1784-м. Этот документ обязывал каждый штат основать собственный университет. Джефферсон и его соратники верили, что развитие подобных университетов создаст класс образованных фермеров и торговцев, а это будет способствовать развитию экономики и распространению основ демократии. Ожидалось, что выпускники этих университетов станут образованными лидерами своих общин и изобретателями будущего.

Современный университет – настоящее поле боя в кризисе 2020-х, потому что эта система сама снабжает топливом обширную бюрократическую прослойку общества. Если что-то и должно поменяться в недрах бюрократии, то в первую очередь это касается университетов. Необходим новый наплыв студентов. Во-первых, для

того, чтобы получить знания и дипломы, которые позволят им влиться в ряды технократов. А во-вторых – чтобы изменить технократию, потому что ее культурная модель отличается от соответствующей модели ее оппонентов. И если произойдет сдвиг технократической культурной модели и связанных с ней ценностей, то изменится и ее способ функционирования. Это, в свою очередь, приведет к трансформации институтов, государственных и частных, точно так же как эволюция в области технологий вновь запустит рост производительности и, следовательно, экономики. Вопрос о том, каким будет университет, – на самом деле вопрос о том, какой будет технократия.

Другой движущей силой трансформации будет кризис образовательных кредитов, который сильно меняет экономику университетской жизни. Благодаря студенческим займам университеты смогли повысить стоимость обучения, сохранив при этом свои методы обучения и ограничив необходимое количество обучающихся. Если студенческие кредиты в будущем перестанут быть доступными, то единственным выходом окажется сокращение расходов или зачисление большего количества учащихся, которые будут платить за обучение меньше. Учебные заведения, чьи дипломы наиболее престижны, могут так не поступать, но остальным придется вести себя именно так, и со временем данная модель станет обязательной даже для элитных университетов. Во время кризиса 2020-х годов потребуются нестандартное мышление и действия. Многие университеты располагаются на чрезвычайно дорогих земельных участках, которые можно продать, а нагрузку преподавателей – увеличить до тех пор, пока не будет дано более строгое определение научной деятельности. Урезание доступности студенческих ссуд, наряду с гораздо более жесткими стандартами кредитования, заставит университет открыть свои двери.

Коалиция, которая привела к власти Рузвельта, состояла из представителей северных этнических групп, сельских южан и афроамериканцев. В коалиции, приведшей к власти Рейгана, были представители малого и крупного бизнеса, а также значительная часть членов профсоюзов. На границах циклов мятежная коалиция являет собой очень необычную смесь. Расисты с Юга и афроамериканцы – странный союз, равно как и объединение представителей корпораций с профсоюзами. Коалиция формируется не на принципах притяжения, а на соображениях необходимости. Из давления, вызванного крахом последнего цикла, возникнет союз,

который может показаться совершенно невероятным. Это скорее не сотрудничество, а обособленные реакции на различные аспекты одних и тех же провальных событий. Впрочем, в обоих случаях – и с Рузвельтом, и с Рейганом – появление подобной коалиции стало причиной серьезной перегруппировки политических фракций и тем самым вызвало огромную напряженность. Победа Рузвельта изменила ход американской политики, равно как и победа Рейгана, а реакция, особенно со стороны тех, кто потерял власть, была враждебной.

Мы видели, как на выборах 2016 года проявилось то же неприятие: оно исходило как от сторонников, так и от противников Трампа. Заметное количество избирателей со Среднего Запада, которые традиционно поддерживали демократов, изменило своим принципам, что повлияло на результаты голосования Коллегии выборщиков и исход выборов в целом. Враждебный настрой со всех сторон увеличился в разы. Трамп был мишенью критиков и героем – для своих сторонников.

В предыдущих циклах неприятие росло и спадало на протяжении всего периода между началом переходного момента и решающим президентским сроком. Например, после отставки Ричарда Никсона наступил период непростого затишья. Когда был избран Рейган, атмосфера неприязни возникла вновь; политика Рейгана стала восприниматься как предательство ценностей последнего политического цикла. Чувство неприязни возникло и в отношении самого Рейгана: его обвинили в интеллектуальной неспособности занимать президентское кресло, а также в том, что он был продуктом СМИ и маркетинга. Поэтому мы так же можем ожидать, что неприязнь стихнет с окончанием срока Трампа и его уходом – возникнет непростое затишье. Затем, после выборов 2028 года, случится новый взрыв из-за недовольства радикальной – с точки зрения предшествующего полувека – политикой нового президента. Однако эта атмосфера враждебности – только верхушка айсберга, отражающая глубокие структурные изменения.

Технократы продолжают править в течение следующего десятилетия. Они все сильнее будут замыкаться в себе, все более пренебрегая вызовами времени и становясь все слабее. Учитывая особенности демографических процессов, они будут продолжать превалировать во властной системе – в меньшей степени с помощью избирательного процесса, а скорее благодаря контролю над системой управления. Они будут продолжать фокусироваться на

проблемах, которые можно было наблюдать во время кампании Х. Клинтон, ставшей квинтэссенцией технократической мысли: образование, опыт и профессиональная подготовка, обеспечивающие систему управления, ориентированную на достойных представителей бедных слоев населения, а также на социальные ценности технократии.

В 2020-е годы усилятся экономические трудности, которые наиболее резко ударят по рабочим, занятым в производстве; эти люди опустятся на нижнюю ступеньку среднего класса. Они потеряют даже минимальные составляющие американского успеха: дома, поездки в отпуск, высшее образование для детей. Не только они, но и их дети лишатся этих возможностей. Технологический разрыв между микросхемой и следующей революционной базовой технологией будет продолжать сокращать производительность и препятствовать инвестициям. Это будет период, когда технократия продолжит хорошо жить, в то время как остальная часть страны будет в лучшем случае стагнировать, а скорее всего – переживать упадок.

Когда наступят выборы 2028 года, технократы будут шокированы итогами, а как только к власти придет новое правительство, они будут ошеломлены тем, насколько быстро опровергаются их ориентировочные расчеты и привычные соглашения. Поскольку подобные вещи случаются раз в пятьдесят лет, найдутся граждане, которые наблюдали и до сих пор помнят события 1980 года, приведшие к пересмотру внутренней и внешней политики и повергшие сторонников Рейгана в шок, учитывая то, что затем последовало. И то, что последует, будет, как и в случае с Рузвельтом и Рейганом, поддерживать основные принципы функционирования Америки, в то же время радикально меняя наш ежедневный опыт.

В 1920-е годы существовали альтернативы университетскому образованию. Можно было устроиться на работу, а можно было открыть свой небольшой бизнес. В 1930-е годы ситуация резко изменилась. Выбор был следующий: либо открыть институты, доступные элите, для малоимущих, либо способствовать формированию постоянного социального дна. Вторая мировая война и закон G.I. Bill решили эту дилемму. Однако в наши дни она опять актуальна. Либо слабеющий белый рабочий класс получит доступ к приобретению квалификаций, необходимых для роста, либо появятся те, кто перманентно будет находиться на социальном

дне. В 1930-е годы появление подобного класса было очень вероятным, равно как и сейчас.

Интересно, что те, кто добился успеха, в равной степени презирают оба класса. Но одна из сильных сторон американского общества состоит в том, что те, кто находится на грани выживания в финансовом смысле и занимает невыгодное социальное положение, имеют право голоса; и те, кто будет теперь катиться в пропасть, — отнюдь не небольшая маргинальная прослойка, а значительный многонациональный массив людей с равным количеством женщин и мужчин. Они неизбежно начнут действовать, и результаты очевидны. Университетское образование как центр тяжести технократии станет полем битвы для этого кризиса, судьба которого в конечном счете будет определена федеральным правительством. Именно так и произойдет, когда проблема финансового долга студентов в \$1,3 трлн станет ощутимо влиять на финансовые рынки.

В течение большей части 2020-х годов экономика будет иметь дело со слабым ростом производительности, сокращением возможностей для инвестирования накопленного капитала и низкими процентными ставками. Этот период также будет характеризоваться ростом безработицы, вызванной продолжающимся спадом производства и стагнацией в сфере высоких технологий в результате зрелости базовой технологии. В психологическом плане стагнация спроса на IT-специалистов будет поражать сильнее, чем продолжающийся спад производства, потому что изменения, спровоцированные развитием технологий, всегда дестабилизируют в социальном плане. В 1960-е годы упадок американского автопрома был немыслим, и когда это случилось спустя десятилетие, в 1970-х, общество было повергнуто в шок. Конечно, в рамках имеющихся реалий будет иметь место обычный деловой цикл, но подъемы будут менее заметными, а спады — более глубокими. При окончании очередного исторического цикла подобные события являются нормой.

Социальная структура также будет дестабилизирована. Я уже поднимал вопрос смены поколений рабочего класса, но технократия также будет испытывать сильный стресс. Функционирование федерального аппарата крайне осложнится, и виновниками этого назначат федеральных чиновников, не справившихся с системными проблемами. Университеты будут подвергнуты критике из-за их классовой предвзятости, неэффективности и попытки сохранить пузырь образовательных кредитов. Те, кто работает в сфере высоких

технологий, почувствуют себя гораздо менее привлекательными для общества и будут не столь легко находить работу, как раньше. В финансовом секторе, наиболее динамичном в соответствующей социальной прослойке, начнется перестройка, направленная на извлечение выгоды из новой реальности.

Рабочий класс, который теперь составят дети тех, кто утратил свое положение, будет предъявлять требования, но не будет иметь политического веса, чтобы действовать самостоятельно. Для настоящих изменений должна сложиться коалиция. Эта коалиция вряд ли будет таковой в прямом смысле, но в нее войдут все те, кто воспринимает нынешнюю структуру как враждебную их интересам. Например, сюда войдут афроамериканцы, большинству из которых по-прежнему закрыто любое движение вверх, если только они не в состоянии преподнести себя так же, как социальная группа, которой доступны университеты. Одаренный афроамериканец, окончивший обычную среднюю школу и имеющий несколько примечательных внеклассных проектов, будет иметь такой же шанс попасть в элитный университет, что и его белокожий одноклассник.

Политическая система сначала отражает и усиливает изменяющиеся социальные модели, затем превращается во внешне стабильную модель, а затем сталкивается с конечным кризисом и завершением цикла. Последовательность данных действий будет определена в ходе президентских выборов 2024 и 2028 годов, которые совместными усилиями сформируют циклический сдвиг и явятся отражением реалий, лежащих в основе происходящего. В процессе этих выборов объединятся институциональные, экономические и социальные сдвиги.

Избрание Трампа свидетельствует о близком завершении цикла; сами выборы сигнализировали как о радикальном сдвиге, так и о полном системном тупике. Они прошли под знаком рабочего класса и его идеологических и экономических союзников, но технократия осталась нетронутой и, следовательно, имела силы, чтобы уравновесить администрацию Трампа в политическом плане.

Технократы одержимы возвращением системы к той норме, к которой они привыкли, и считают ее естественным состоянием. Выборы 2020 года, если они пройдут в штатном режиме, должны выиграть технократы – то есть демократы, хотя на самом деле исход этого голосования может быть каким угодно: он не окажет существенного влияния на процесс.

Выборы-2024 станут критическими, потому что будет избран последний президент рейгановского цикла. Как и в случае с Джимми Картером или Гербертом Гувером, президент столкнется с серьезными экономическими и социальными проблемами – и прибегнет к основным принципам эпохи Рейгана: снижению налогов и сокращению нормативных актов. Любая победившая сторона будет действовать именно так. Однако Рейган решал проблему нехватки капитала, и снижение налогов в этом случае помогло. В то время как сложность в конце цикла Рейгана состоит в том, что капитал успешно разросся, но больше не способен двигать экономику вперед и бороться со все возрастающим неравенством в значительной части общества. Шаги, которые будут предприняты, только усугубят, а не решат проблему.

И тогда по результатам выборов-2028 будут введены радикально новые принципы управления, как институциональные, так и социально-экономические. Исход голосования будет решающим, президент придет к власти в результате выбора подавляющего большинства и получит поддержку Конгресса. Последний президентский период эпохи Рейгана станет своеобразным рывком к новому периоду. Рональд Рейган знал, что он будет делать, когда станет президентом: он снизил налоги. Франклин Рузвельт не знал, что будет делать, но импровизировал. Главным будет не то, что президент думает о своих предстоящих шагах, а то, что он сделает под нажимом происходящих событий и избирателей. Мы рассмотрели проблему и обозначили коалиции, которые сформируются. Теперь обратим внимание на то, благодаря чему мы пройдем через бурю и достигнем затишья.

Глава 11. После бури

Новые циклы в самом начале зачастую выглядят неупорядоченными – до тех пор, пока не развернутся и не приведут к появлению новых решений. Если вспомнить 1930-е или 1970-е годы, то каждый из этих периодов был так или иначе связан с социально-экономическим сдвигом. За каждым из них следовала эпоха длительного процветания. Институциональным сдвигам обычно предшествуют военные конфликты, а окончание этих конфликтов создает основу для новой институциональной структуры. Из этого тяжелого испытания возникают и новая социально-экономическая, и новая институциональная системы. 2020-е станут провальным десятилетием, а 2030-е и дальше – периодом созидания.

Выборы-2028 (в крайнем случае – 2032) создадут политический контекст для выхода из бури, бушевавшей все предыдущее десятилетие. По мере входа в шестой социально-экономический цикл будет происходить политическая битва между потрепанными и реакционными технократами, которые продолжают утверждать, что их знания, квалификация и заслуги дают им законное – с моральной точки зрения – право на власть в США. Противостоять им будет коалиция, состоящая из преемников тех, кто остался ни с чем в прошлом цикле; они преодолеют этнические разногласия, царившие в предыдущем цикле. При ожидаемом развитии событий коалиция потребует перераспределить власть и богатство, но вместе с тем переопределится и американский социальный ландшафт. К новому социально-экономическому циклу добавится новый институциональный сдвиг.

Главная проблема четвертого институционального цикла – что делать с неэффективной федеральной властью, проникнувшей во все социальные аспекты. Проблеме необходимо решение, и им станет выработка нового принципа управления системой. Удивительно, но это будет принцип, уже являющийся частью масштабной федеральной системы и величайшей бюрократии: вооруженные силы. В американской армии действует принцип формулируемого командиром замысла. Военачальник, принимая в расчет реалии, раскладывает перед подчиненными задачу в подробностях и ожидает от них исполнения. Те не имеют права уклониться от задания. Но вместе с тем они также не имеют права

выполнить приказ механически, без учета всех существующих факторов. Командир несет ответственность за то, чтобы его замысел был не только четко сформулирован, но и понятен подчиненным. Затем он старается претворить замысел в жизнь, передав инициативу младшему командному составу. Так происходит не во всех армиях. К примеру, Советская армия была технократической. В американских же вооруженных силах при выполнении операции всегда требовалась инициатива.

Модель федерального правительства, действующего не по строгим разработанным правилам, а согласно замыслу, подходящему точно к каждому случаю и передающему власть управленцам ниже рангом, кажется противоречащей всем американским принципам управления. Например, при высадке в Нормандии в 1944 году американские войска столкнулись с таким препятствием, как слишком густые лесные заросли, мешавшие продвижению. Задача состояла в том, чтобы быстро продвинуться в глубь территории Франции и окружить немцев. Сержант Кертис Г. Кулин, обсуждая проблему с военнослужащими своего подразделения, придумал решение: установить металлические лезвия на танк и таким образом прорезать себе путь сквозь живую изгородь. Не спрашивая разрешения у начальства, он модифицировал танк и обнаружил, что его задумка работает. Он нарушил несколько правил – в том числе запрет на самовольное внесение изменений в конструкцию дорогостоящего танка. Генерал Омар Брэдли, увидев это новшество, не нашел причин сделать выговор, наградил его орденом «Легион почета» и приказал переоборудовать танки по методике Кулина. Итак, замысел Брэдли был известен его войскам. Кулин, понимая этот замысел, действовал нестандартно, что помогло продвижению через Нормандию.

Свобода действий, основанная на замысле командира, означает, что ожидаемый результат – это успех, а не конкретный способ его достижения. Задача Администрации транспортной безопасности (TSA) – не допустить уничтожения самолетов и убийства пассажиров террористами. Технократическое решение состоит в том, чтобы досматривать всех без исключения пассажиров. Однако если сотрудник TSA будет принимать решения, исходя из принципа замысла, то он разрешит 90-летней женщине в инвалидном кресле пройти досмотр без особого дискомфорта. Суть в том, чтобы предотвратить трагедию, и, по мнению сотрудника TSA, который гораздо опытнее в этом вопросе, чем инструкция TSA, пожилая

женщина не представляет опасности. Замысел реализован, инженерное решение нестандартно. Можно возразить, что из-за излишней инициативности можно пропустить террориста. Однако контраргумент в этом случае заключается в том, что и убийственная рутина технологического решения может привести к такому же исходу.

Возьмем другой пример. Когда мне исполнилось шестьдесят пять, я узнал, что могу сделать для себя медицинскую страховку в рамках Medicare^[44]. На тот момент я работал, у меня была частная страховка и я не видел причин ее менять, тем самым заставляя государство оплачивать мои медицинские расходы. Через два года я узнал, что не только мог, но и обязан был сделать себе Medicare. Когда я пришел оформлять документы, мне сказали, что я должен буду выплачивать штраф в течение всей жизни. Этот штраф, конечно, был мне неприятен, но не слишком. Но что было бы, окажись я в других жизненных обстоятельствах? Тогда бы этот штраф стал для меня непосильной ношей. Мне сообщили, что можно подать заявление на освобождение от выплаты штрафа, которое, в зависимости от уровня дохода и других факторов, может быть удовлетворено, а может и нет. Поэтому кто-либо, совершивший такую же ошибку, как и я, будучи при этом менее финансово успешным, должен был бы начать выплачивать штраф, заполнить заявление и ждать ответа. Замысел Службы социального обеспечения (Social Security Administration) заключался в том, чтобы оштрафовать тех, кто не оформил страховку по достижении 65 лет, – но только тех, которых данный штраф не разорил бы. Следуя принципу замысла, госслужащий, разбиравший мою ситуацию, мог бы сразу отказать мне, но при этом освободить кого-то другого от выплаты штрафа, диких бюрократических проволочек (бланки, которые нужно заполнять, просто восхитительны) и томительного ожидания.

Проблема третьего институционального цикла состоит в том, что сложные технологические разработки технократов в целом крайне рациональны, но игнорируют бесконечные специфические особенности, из которых состоит жизнь. Крупные корпорации могут нанимать лоббистов для изменения самого процесса разработки. Однако у обычных людей таких средств нет. Они утратили политического лидера, который взаимодействовал с правительством. Цена честности – бессилие. Технократическая альтернатива приносит вред, который невозможно предугадать, и

оборачивается отсутствием гибкости при управлении обществом, которое с момента своего основания отличалось гибкостью – не исключаяющей, впрочем, вероятности разрушения. Разработанные нормативные акты помощи не оказывают, а операторы системы не имеют права свободно проявлять инициативу, основываясь на замыслах начальства.

На мой взгляд, в четвертом институциональном цикле технократический подход подвергнется радикальным изменениям для того, чтобы замыслы правительства могли разумно выполняться на любом уровне. Вместо обширного свода правил, который мало кто читал и еще меньше кто понимает, нужно будет заново ввести понятие здравого смысла. Закостенелость управленческих разработок не позволяет предвидеть все важные исключения и не дает гражданам возможности обращаться с петициями к своему правительству по-человечески – и как к человеку. Во времена Линкольна просители, простые граждане, надеявшиеся на удовлетворение своей просьбы, ждали возле его кабинета. Теперь это невозможно, если только гарантированное гражданам Конституцией удовлетворение их претензий не превращается в «восстание против системы». Военная модель предлагает для этой проблемы одно решение.

Другая главная проблема, с которой мы столкнемся в начале четвертого институционального цикла, – это поиск выхода из кризиса системы образования, центрального поля битвы, как мы видели в предыдущей главе. Реформа высшего образования будет так же важна, как и поиск нового руководящего принципа для федеральной власти. Большинство университетов в той или иной мере субсидируются из федерального центра; наиболее затратной статьёй являются гарантированные государством образовательные кредиты. Наличие этих кредитов позволяет университетам увеличивать плату за обучение и другие расходы, поскольку они знают, что и сумма кредитов вырастет соответственно. В результате растет долг, который учащиеся должны погасить, равно как и долговые обязательства федерального правительства. Право на получение государственных грантов или даже бесплатное обучение в небольшом числе элитных университетов не меняет того факта, что студенческие ссуды являются стандартным решением для тех, чьи родители не могут оплатить обучение.

Первая битва будет за образовательные кредиты, объем которых теперь превышает объем высокорисковых ипотечных кредитов 2008

года. Сворачивание или модификация системы студенческих ссуд установит строгое ограничение не только на повышение университетами платы за обучение, но и на ее сохранение на прежнем уровне. Университетам также придется урезать свои чрезмерные расходы. Можно собрать огромные суммы денег, продав непомерно дорогие земельные участки, на которых располагается университет, и переехав в более простые помещения. По сравнению с большинством американских вузов, европейские университеты покажутся образцом спартанской жизни.

Еще больше денег можно сэкономить, проведя грань между преподаванием и научной деятельностью. В целом большинство американских преподавателей либо вообще не занимаются исследованиями, либо занимаются ими недостаточно. Вопреки расхожим представлениям можно быть прекрасным преподавателем, не имея каких-либо значительных научных достижений. Поэтому нужно увеличить академическую нагрузку для таких преподавателей – сократив тем самым расходы учебного заведения. Исследовательские программы, как правило, финансируются за счет средств не самого университета, а правительства или какого-либо фонда, и значительная часть этих денег отводится на текущие издержки. Деньги, предназначенные для исследований, пойдут на исследования. Преподаватели же смогут сосредоточиться на совершенствовании педагогического мастерства, не будучи обязанными проводить псевдоисследования для отвода глаз.

Потеря фантастически дорогих помещений и разделение труда между преподавателями выглядят чрезвычайно радикальными изменениями. Впрочем, разработка производственных задач для крупных корпораций в период пятого социально-экономического цикла также казалась радикальным шагом. Закон G. I. Bill казался радикальным в четвертом цикле, а введение чистого золотого стандарта было радикальным в третьем цикле. Во втором такой мерой стало подстраивание банковского законодательства под нужды западных поселенцев. И уж вся идея возникновения США была радикальной в первом цикле. Все циклы меняют представление о непоколебимости и постоянстве. В век знаний сущность, которая производит и транслирует знания, должна быть изменена. Только бизнес, в США это обычное дело.

Университетские перипетии станут той идеологической борьбой, которая определит политику шестого социально-

экономического цикла. Под политикой я не подразумеваю левый и правый фланги, хотя идеи современного либерализма уже пересеклись с идеологией технократии. Университет является очагом технократии в том смысле, что он лелеет знания и их формальное подтверждение дипломом в качестве основы для оценки заслуг человека; университет зиждется на иерархии дипломов. Количество зачисленных студентов также зависит от пространства и преподавательской нагрузки. Спартанское пространство увеличивает количество мест для студентов и возможности преподавателей. Действительно, это позволит нанять больше преподавателей, что приведет к дальнейшему увеличению возможностей. Гарвард зачисляет около двух тысяч студентов ежегодно. Почему не пять тысяч? Конечно, если бы было зачислено такое количество, престиж Гарварда упал бы – но отнюдь не качество знаний, полученных студентами.

Идеология университета в конечном счете основывается на его высоком положении и статусе и редко нуждается в оправдании. Университеты, называемые элитными, зачастую не могут объяснить, чем знания, которые они преподают, выше тех, что получены в вузах «попроще». Они указывают на то, что в элитных университетах больше исследовательских возможностей: это важно, но не предопределяет превосходство. Социальное продвижение личности может быть достигнуто двумя способами: либо путем растущей открытости элитных университетов, как это было в случае с законом G.I. Bill, либо путем противостояния претензиям элиты на право называться таковой – что, таким образом, приведет к рациональной переоценке представителей элиты, созданию более реалистичной карты престижности и к тому, что степень, полученная в Стэнфорде или Гарварде, качественно никак не будет отличаться от степени, полученной в Техасском университете. Со временем тщеславная тенденция подтверждать свой социальный статус с помощью диплома Стэнфорда или Гарварда ослабнет. Появятся два преимущества. Во-первых, исчезнет сомнительное убеждение, будто образование в Йельском или Гарвардском университете лучше других; изменится само понятие престижного диплома. Все это упростит процесс социального продвижения личности. Во-вторых, принятые меры будут способствовать более свободному смешиванию различных классов, как это происходило во время и после Второй мировой войны. И барьеры падут.

Кому-то может показаться странным то, что я считаю университеты полем битвы в кризисе, который разворачивается в этом цикле. Однако же университет становится все более противоречивым даже в своих внутренних ценностях и подчеркивании этнического, но не обязательно интеллектуального разнообразия. Впрочем, в этой сфере произойдет не сдвиг: случится атака на систему, ограничивающую социальное продвижение. И результаты этой атаки коренным образом изменят американское общество.

Проблемы с университетами тесно связаны с развитием технологий, то есть тем, что предопределяет, каким будет мир в экономическом и социальном планах между 2040 и 2080 годом и какими станут институциональные рамки в оставшуюся часть века. Перейдем от момента зарождения нового цикла к его зрелости.

* * *

Параллельно с возникновением четвертого институционального цикла в 2030-е годы обозначится и шестой социально-экономический цикл. Давайте вспомним, с какими проблемами, оформившимися во время окончания пятого социально-экономического цикла, будет иметь дело новый цикл. Важно рассматривать их не как случайные совпадения или ошибочные выводы, но скорее как логическое следствие успеха предыдущего цикла. Когда вы строите пирамиду, нужно тщательно планировать и выбирать подходящее время для того, чтобы класть следующий слой.

Каждый социально-экономический цикл, достигающий зрелости, – это своеобразная золотая корона с бриллиантом. Золото и бриллианты – опасная метафора, но, когда мы рассуждаем о развитии США, не забудем о том, что каждый цикл имеет уникальную характеристику, которая преобразовала Америку (золото), и переломный момент, вокруг которого строится весь цикл (бриллиант).

Вспомним 5-й цикл и 1990-е, блестящий момент расцвета эпохи микросхем, распад СССР, распространение власти США по всему миру. Политические и социальные страсти закипали, но не вылились наружу.

Вспомним 1950-е, то есть четвертый цикл, когда реактивные самолеты, ТВ, скоростные автомагистрали, соединяющие различные штаты, изменили географию страны, позволив

американцам наблюдать доселе им не знакомое и добираться до тех мест, которые раньше были им недоступны. Десятилетие президентства Эйзенхауэра и восхитительной банальности.

Мы можем вернуться к 1890-м годам, относящимся к третьему циклу, когда США стали крупнейшей промышленной державой в мире; к 1840-м годам (второй цикл), когда география США обрела целостность; или в первое десятилетие XIX века (первый цикл), когда Луизиана стала частью Америки и были проложены дороги на запад через Аппалачи.

Эта золотая корона с крохотным, но притягательно сверкающим бриллиантом появляется после перехода в новый цикл. И оставшийся период эпохи предопределяется этими самыми яркими (золотыми) моментами. Перед нами стоят следующие вопросы: какой будет золотая корона шестого цикла и ее бриллиант?

Золотая корона, то есть золотой век, не означает время всеобщей гармонии, безграничной радости или отсутствия трагедий. Все мы люди, и трагедии, страдания и гнев неизбежны. Золотой век – это время, когда, несмотря на всю возможную присущую ему боль, появляется тем не менее нечто экстраординарное. Мы считаем золотым веком расцвет Древней Греции, Возрождение. В каждом было достаточно человеческой низости – от рабства и бедности до войн, интриг и убийств. Однако подобные явления свойственны всем временам. Золотой же век запоминается не общим, а уникальным. Уникальным для США было постоянное возрождение чего-то экстраординарного, циклическое воспроизведение золотого слоя, лежащего в конструкции пирамиды, несмотря на постоянные несчастья, гнев и бедность, скрывающиеся под этим слоем. Удивительно, насколько в такие периоды эти негативные и болезненные моменты смягчаются, если не устраняются полностью. В конце и начале каждого цикла возникает чувство неудачи и катастрофы. Тем не менее каждый раз США воссоздавали себя – возможно, не идеально, но зато умудряясь возродить свое потрясающее превосходство.

Апогей золотого века наступает через два-три десятилетия после начала нового цикла. Это означает, что мы с нетерпением ждем 2050-х или 2060-х годов. До тех пор мы будем строить структуру шестого социально-экономического цикла, а после этого начнется неизбежный закат золотого века. Чтобы осмыслить грядущий цикл, мы должны понять, когда наступит этот момент, а для этого нам нужно узнать, как проявятся проблемы, которых мы уже коснулись.

Финансовая проблема, которая будет лежать в основе шестого цикла, – это избыток и распределение денег в экономической системе. Профицит возник в результате успеха пятого цикла и зрелости экономики, основанной на микросхемах. Как я уже отмечал, значительный объем доступных денег и недостаточные возможности инвестировать в то, что создает богатство, – это большая проблема. Деньги распределяются неравномерно, скапливаются в верхних слоях общества, и концентрация их увеличивается по мере движения вверх. Учитывая низкие процентные ставки, не имеет смысла держать эти деньги в банках или в облигациях, доходность которых низка. Вместо того чтобы держать деньги без дела, инвесторы решают покупать такие вещи, как недвижимость. Поэтому цены на жилье, коммерческую и арендуемую недвижимость растут. Это создает проблему для людей с доходом ниже среднего. Они не участвовали в распределении созданного богатства – во всяком случае, оно было распределено неравномерно, и, поскольку цены на недвижимость растут, они не могут себе ее позволить, а низшая прослойка среднего класса не может жилье даже арендовать.

Доминирующей политической силой станут люди с доходом ниже среднего, а также те, чей доход превышает средний. Остальные будут находиться между ними. Произойдет также идеологическая перестройка уходящей социальной группы эпохи Рейгана с ее свободным рынком – набирающего силу класса, который сосредоточен на результатах, а результатом, которого представители этого класса будут хотеть, является перераспределение дохода и даже уже заработанного богатства. Культурные войны, которые определяют политику пятого цикла, продолжатся, но больше не будут связаны с экономическими требованиями и вместо этого будут распространяться на различные фракции.

На протяжении всей истории мы видели, что США часто решают проблемы циклических сдвигов с помощью налоговых реформ, которые считаются очевидным выходом из проблемы распределения богатства и ценовой политики. И все же США развивались до нынешнего дня мощно и предсказуемо. Глядя на график изменения ВВП с 1880-го по 2010 год (рис. 20), мы замечаем, что единственное существенное снижение произошло во время Великой депрессии, и, хотя это заметно, более важным фактом является последовательная тенденция роста. В США

сохраняется устойчивая и впечатляющая модель роста, на фоне которой все циклы, о которых мы говорили, выглядят просто незначительными провалами и едва заметными изменениями устойчивого тренда. Когда мы вспоминаем о великой пирамиде, которую должны были построить США, концептуально это выглядит так.

Нет никаких оснований полагать, что эта тенденция изменится, и существует миллион причин для того, чтобы считать, что она продолжится, несмотря на маниакально-депрессивный характер американской души. Страх того, что за новым процветанием скрывается опасность, будет возникать и впредь, как и в последние годы, станет доминирующей темой. Убежденность в том, что все опасности устранены, свойственная периоду прохождения наивысших точек цикла, будет затем разбиваться вдребезги из-за незначительных событий.

Таким образом, сдвиг в экономической политике будет происходить в рамках нормального экономического развития. Но возникает более глубокая социальная реальность, которая заново сформулирует потребности американского общества и, следовательно, будет определять новые технологии, социальную структуру и сам характер эпохи.

Рис. 20. Рост ВВП США

Основной проблемой следующего социально-политического цикла будет демография. Я указал на это в своей книге «Следующие

100 лет. Прогноз событий XXI века», когда писал, что одной из центральных проблем явилось снижение рождаемости и увеличение продолжительности жизни. В 2018 году уровень рождаемости в США стал самым низким за всю историю. Он снизился во всех коренных этнических группах.

Может быть, даже более важно то, что, по данным Бюро переписи населения США, средняя продолжительность жизни значительно увеличилась. Это видно по показателям, которые за столетие увеличились вдвое: с почти сорока до почти восьмидесяти лет. Однако еще более значимой является средняя продолжительность жизни людей старше 65 лет. Данная тенденция ликвидирует влияние снижения младенческой смертности на продолжительность жизни. Пятьдесят процентов всех 65-летних мужчин будут жить дольше 85 лет, что на 9,2 % выше, чем в 2000 году. Пятьдесят процентов всех женщин проживут дольше 86 лет. Для сравнения: в 1900 году половина мужчин и женщин не доживали до 47 лет (данные по белокожим американцам; афроамериканцы в среднем жили на два года меньше).

Таким образом, средняя продолжительность жизни растет, рождаемость падает, и подобная тенденция с большой вероятностью продолжится. Продолжительность жизни увеличилась благодаря медицинским достижениям и промышленному упадку. Промышленное массовое производство требовало постоянного присутствия на заводе и физически истощало, из-за чего было крайне сложно оставаться здоровым. С упадком индустриализма, ростом сферы услуг и развитием технологий забота о здоровье стала обычным делом. Вредные привычки, такие как курение, утратили былую популярность, люди стали уделять больше внимания физической активности и режиму питания. Акцент на здоровье будет только усиливаться. Одновременно развиваются медицинские исследования. По данным американских центров по контролю и профилактике заболеваний, число людей, доживших до ста лет, увеличилось на 44 % с 2000 по 2014 год.

Снижение рождаемости тесно связано с возросшими возможностями контроля за рождаемостью, урбанизацией и уменьшением младенческой смертности. Урбанизация стала ключевым моментом. В сельскохозяйственном обществе важное значение имеет большое количество детей, способных работать с раннего возраста, как это было в эпоху раннего индустриализма. Однако в зрелом урбанизированном социуме дети – это постоянные

траты. С увеличением продолжительности жизни подростковый период, когда человек уже может размножаться, но еще не может зарабатывать на жизнь, стал пониматься как значительно более долгий отрезок времени. Бесконтрольное рождение потомства в настоящее время обедняет семьи, поэтому инстинкт размножения удовлетворяется меньшим количеством отпрысков.

Однако мы также должны отметить и ранние стадии эволюции самого понятия семьи. Первая стадия – это отказ от убежденности в том, что невеста должна быть девственницей до брака. Вторая – постепенное принятие совместной жизни до брака. Сейчас мы находимся в процессе переопределения сексуальности и семьи. Создание гетеросексуальной семьи было необходимостью в период сельскохозяйственной и промышленной жизни. Возможность иметь детей требовала юридического оформления союза мужчины и женщины – и маргинализации тех, кто находился за пределами системы. С уменьшением давления индустриализма, а также благодаря контролю за рождаемостью появляются другие гендерные реалии, и институт брака становится необязательным.

Так развиваются крах традиционного брака и существенная неуверенность касательно отношений. Некоторые исследования говорят о спаде сексуальной активности, снижении эмоциональной привязанности и так далее. Возникают муки свободы. Когда нет правил, которые направляли бы вас, вы сталкиваетесь с проблемой, с которой не знаете, что делать. Отсюда возникает фундаментальная перестройка глубоко укоренившихся жизненных ритуалов и интенсивное сопротивление традиционалистов этому процессу. Данная тенденция станет частью политики шестого цикла, но не самой важной. Традиционный брак был экономической необходимостью, связанной с религиозными убеждениями. Очевидно, что рождаемость, не подстегиваемая экономической необходимостью, снизится.

В то же время данная тенденция будет сглажена ростом продолжительности жизни. Увеличение средней продолжительности жизни населения в целом на 20 % создаст возрастную группу, которой удастся на время компенсировать потерю населения. Однако для этого одной продолжительности жизни недостаточно. Нужно научиться побеждать прогрессирующие заболевания, из-за которых в настоящее время пожилые люди становятся серьезными потребителями ресурсов, а не их производителями. Заболевания, которые быстро убивают,

незатратны в финансовом смысле. А вот усилия по сохранению жизни людей, которые не могут ничего производить, экономически изнурительны.

Следовательно, необходим масштабный прорыв в биологических исследованиях, связанных с медициной. И, как мы видели в прошлых циклах, именно эта потребность стимулирует технологическую производительность. Необходимо устранить целый ряд заболеваний, таких как болезнь Альцгеймера, Паркинсона и другие, которые не только делают пожилых людей недееспособными, но и истощают общество и экономику. Чтобы сделать это, необходимо более тщательно изучать базовые биологические процессы, чем это делается сейчас; должна появиться медицинская система, способная эффективно работать со стоимостью лечения.

Одно из решений – федеральное правительство, работающее на принципах децентрализованного и гибкого управления, которое было описано ранее. Правительство – это основной источник финансирования медицинских исследований, и, учитывая их масштабы и важность (как в социальном смысле, так и в индивидуальном), от него следует ожидать запроса на оперативные фундаментальные исследования. Во-вторых, должна быть создана такая система здравоохранения, которая не следует существующей федеральной модели ультрацентрализации и сверхсложности и может распределять ресурсы, не парализуя их при этом разрозненностью и чрезмерной регламентированностью.

На всех уровнях будет наблюдаться ослабление связей. Тесные и душающие узы федеральной власти будут разрушены. Связь между микросхемой и высокой технологичностью разрушится. Система альянса, которая связывала США с другими странами, в которых они были мало заинтересованы, будет разрушена. Америка сменит вектор, как всегда происходит с началом нового цикла. То же будет происходить и с узами, которые всегда связывали людей вместе. Человеческие существа ограничены традициями, а традиции превращаются в ритуалы. Самые важные жизненные ритуалы, такие как планирование детей, вступление в брак, обязанности мужчины и женщины, поблекли в ходе пятого цикла. Переосмысление сексуальности – это сила, меняющая смысл брака. Полным ходом идет попытка переосмыслить гендерные роли: что значит быть женщиной и что значит быть мужчиной. По мере того как меняются обязательства мужчин и женщин по отношению друг к другу,

меняется и смысл зарабатывания на жизнь, откладывания денег и так далее. Изменение конкретных обязательств ставит под сомнение все обязательства. Сначала это делает человека свободнее, а затем он остается в одиночестве – возможно, играя в видеоигры с незнакомцами.

Переосмысление ритуалов не может проходить перманентно. Сначала существование без каких-либо ожиданий извне освобождает, но затем может лишить человека ориентиров на будущее. Когда-то мужчина осознал, что его миссия – противостоять жестокому миру, отвоевывая свое право на жизнь. Когда-то женщина поняла, что ее миссия – создавать пристанище для мужчины и детей в жестоком мире. Такие варианты существуют и до сих пор, но они уже не обязательны. Старые обязательства рушатся, и шестой цикл создаст новое ощущение того, какой должна быть жизнь. И все это связано с основными проблемами цикла: снижением рождаемости и увеличением продолжительности жизни. Наши ритуалы выстраивались вокруг преждевременной смерти и репродуктивной необходимости. Теперь же смерть можно и отсрочить, а рождение потомства больше не является неизменным условием. Поэтому и понятие традиционной семьи будет переосмыслено. Каковы обязательства людей друг перед другом, когда жить можно почти до 100 лет, относясь при этом к рождению детей всего лишь как к одному из многочисленных вариантов деятельности?

Так мы возвращаемся к затронутой ранее теме изобретения США. Отцы-основатели стремились уравновесить свободу и обязательства. Для них этот вопрос был политическим. В шестом цикле этот вопрос приобретет экзистенциальную окраску, определяя нас как личностей. США столкнутся с этим серьезнее, чем другие страны, потому что американское благополучие создает много возможностей, и эти возможности становятся бесконечными.

Одно из воплощений бесконечности возможностей – соцсети. Это то пространство, в котором на условиях анонимности можно изобретать себя множество раз. Это место, где вас могут услышать, но при этом не узнать. И это фатальная проблема соцсетей. В конце концов, несмотря на то что электроника трансформировала понятие расстояния, людям важно знать, с кем они общаются. Истина, конечно, не очень глубокая, но это та правда, которую упустили из виду адепты соцсетей. У каждого средства сообщения свой звездный час. В третьем цикле было радио, в четвертом – телевизор,

в пятом – компьютер. На каждом этапе людей больше волновало средство сообщения, чем сами собеседники. Сегодня, когда вы заходите в бар, вы не обнаружите там ни жаркого общения, ни флирта. Мужчины и женщины сидят, уткнувшись в свои смартфоны.

Хотя здесь есть одна тонкость. Телевидение поглощает. Сотовый телефон соединяет. Конечно, делает он это довольно странным и доселе не существовавшим способом, поскольку рост количества текстовых сообщений вытеснил основное предназначение телефона – разговор, в котором слышен голос другого человека. Однако какой бы извращенной коммуникация теперь ни была, телефон и его навязчивое использование говорят о нашей тяге к другим людям. Это и карикатура на человеческие отношения, и знак их насущной необходимости. Телефон не вызывает потерю связей – он сам был вызван к жизни изменяющейся реальностью. Телефон и даже текстовое сообщение свидетельствуют о нежелании людей пребывать в одиночестве. Соцсети слишком анонимны, чтобы стать социальной основой шестого цикла. А ведь связь между людьми, изрядно потертая и хаотичная, все еще существует.

Если рождение и смерть находятся в центре эпохи, а от ритуалов, окружающих эти события, ничего, по сути, и не осталось, то жажда общения все еще существует и постоянно проявляет себя. Со времени изобретения телеграфа технологии были в центре наших взаимоотношений. Следовательно, можно ожидать, что шестой цикл будет иметь новую коммуникационную технологию. Однако подобного не случится, потому что коммуникационные технологии уже доведены до абсурда. Они стали настолько слабоэффективными, что не могут удовлетворять эмоциональные потребности человека. В действительности, уже сейчас можно вообразить себе выход за пределы культуры микросхем и энергичное восстановление принципа сообщества, возможно, не со старыми ритуалами, а с культурой, в центре которой – бегство от одиночества. Присущее культуре микросхемы одиночество не продержится долго в человеческих отношениях. Оно навязывает ритуалы, как и все, что делает человек. Однако эти ритуалы способны вызывать привыкание, но удовлетворения не приносят. Поэтому неизбежно произойдет возврат в прошлое. Точнее, указав компьютеру на его строго определенное место, мы прошлое воссоздадим.

Жадный интерес к искусственному интеллекту (ИИ) является вершиной технологического процесса, потому что предполагает в самом крайнем своем варианте, что ИИ придет на смену человеческим существам. Искусственный интеллект, имея способность размышлять, может заменить человека за рулем автомобиля. Хотя до воплощения подобного замысла в реальность еще далеко. Чтобы создать искусственный аналог чего-то реального, такого как интеллект, необходимо иметь четкое представление о том, как мы думаем. Никто пока не имеет полной картины того, как работает наш разум. Лишенная своеобразия логика компьютеров и их программ пока не в состоянии проникнуть в особенности нашего мышления. Ведь это не только логический процесс. Когда я пишу, меня внезапно что-то осеняет, и мне не известен источник этого явления. Полностью воспроизвести человеческий интеллект невозможно, пока мы не разберемся в процессе человеческого мышления. Между тем у нас могут появиться более мощные программы, выполняющие важные вещи, но у них не будет чувств, а без чувств нет интеллекта.

Однако искусственный интеллект занимает существенное место в размышлениях о будущем. Апологеты ИИ считают его триумфом человечества. Они не учитывают, что искусственный интеллект создаст не только такие проблемы, как потеря рабочих мест и компьютерные сбои: он сделает людей не столь необходимыми друг другу. Мы держимся вместе из экономической и других потребностей. Мы привязываемся друг к другу, потому что мы люди. Полноценное функционирование ИИ поставило бы под вопрос необходимость людей друг в друге. В основе человеческого мышления лежат внезапное озарение и ассоциативные связи, и искусственный интеллект, будучи создан, уничтожил бы эти явления своей нечеловеческой эффективностью.

IT-энтузиасты делают слишком смелые предположения. Когда авиакомпания стала эксплуатировать авиа лайнеры Boeing-707, появилась мечта о ракете, которая доставляла бы пассажиров из Нью-Йорка в Лондон за час. Когда электричество стало обыденным явлением, считалось, что все мыслительные функции человека можно объяснить с его помощью. На рисунках 1930-х годов, изображавших города будущего, видны небоскребы, уходящие в небо автомобильные развязки – и ни малейшего намека на дерево. Можно отметить три общих момента. Во-первых, технологии способны зайти гораздо дальше, чем позволяют финансы и

безопасность использования. Во-вторых, существует опасный соблазн объяснить весь мир с помощью уже известной технологии. В-третьих, так можно измыслить реальность, изумительную на бумаге, но кошмарную в жизни. Некоторые технологии, конечно, неплохи, и многие из них способны двигать мир вперед. Однако в целом технологии – это плохой советчик на будущее. Зачастую реакция общества на технологию оказывается совсем не той, что ожидают ее разработчики.

В настоящее время, особенно в городах, наблюдается целый бунт против автомобилей, немыслимый еще поколение назад. Происходит отказ от обычного телевидения. Коротковолновое радио раньше было окном в мир, а сейчас им никто не пользуется. Самые надежные технологии и вещи, которые были нам постоянно необходимы, с удивительной быстротой уходят в прошлое. Когда вы в последний раз получали телеграмму? Компьютер, Интернет и мобильный телефон будут на пике популярности лет сто – примерно столько же, сколько был автомобиль. И точно так же, как автомобиль – это всего лишь средство передвижения, а не характеристика вашей личности, как было совсем недавно, так и технологии, основанные на микросхемах, перестанут быть чудом и станут просто инструментом. И произойдет это в шестом цикле.

В связи с этим возникнет общественное, а затем и политическое движение. Одиночество – одна из самых могущественных сил в мире. Случается так, что люди заболевают; я знаю, кто позаботится обо мне в случае болезни. Нынешние же 30-летние, у которых нет детей и, возможно, нет партнера, становясь старше и прожив, скажем, еще полвека, в конце концов будут вынуждены ответить себе на этот вопрос. И отсутствие ответа станет для них ужасным открытием. Прожить долгую жизнь, осознавая, что никто в тебе не нуждается, никому в действительности нет дела до того, жив ты или мертв, – это, безусловно, свобода, но со временем такая свобода ведет к ужасным последствиям.

Проблему отчужденности, одиночества в толпе решат не технологии. Скорее отчужденность принесет человеку отчаяние. И так же, как пятый цикл создал общественное движение, разрушившее ряд традиций, ожиданий и ритуалов, шестой цикл, принимая в наследство крах старых поведенческих норм, должен будет создать новые. Они будут основаны не на необходимости срочного воспроизведения себе подобных до того, как вы умрете, но на более неторопливом осознании того, что в конечном счете

придется предпочесть какой-либо из вариантов. В здоровом старении кроется опасность, равно как и в преждевременной смерти. Такими будут социальные потрясения шестого цикла.

Переход к некоторым видам ритуализированных отношений необходим для создания элемента предсказуемости в жизни людей. У всех человеческих обществ есть ритуалы, и многие из них связаны с обязательствами перед семьей и более крупными группами. Я не знаю ни одного общества, в котором не было бы института семьи, и семья накладывает определенные обязательства. Невозможно предсказать, какие формы семейных отношений появятся и какими будут обязательства в них, но миссия семьи, кроме воспитания детей, ухода за больными и разделения труда, состоит еще и в том, чтобы удовлетворить человеческий голод общения. Новые формы обычно возникают в результате войны, когда общество разрушено и создается новый порядок. В нашем же случае будет доступно множество вариантов развития, что создаст гибкость, в целом соответствующую духу цикла. Я подозреваю, что новое социальное устройство будет включать в себя традиции недавнего прошлого.

Ритуалы по природе своей вытекают из традиций, а традиции уходят корнями в прошлое. Приверженцам каких бы то ни было традиций свойственно стремление сделать свои убеждения и ритуалы всеобщими – сначала путем убеждения, а затем – закрепив их статус юридически. Одним словом, новые ритуалы, в некоторой степени имитирующие старые, также будут претендовать на юридическую силу. Ритуалы могут быть религиозными, но представляться как светские. Правила, регулирующие количество разрешенных в браке супругов, права на собственность при разводе и воспитание детей являются секуляризованным навязыванием моральных ценностей. Новые ценности, которые возникнут к середине шестого цикла, обретут политическую форму.

Борьба будет идти по двум направлениям. Прежде всего по части налогового кодекса. Налог на высокие доходы будет увеличен в начале шестого цикла. Однако трудность будет заключаться в том, что новые медицинские разработки потребуют огромных частных инвестиций. Федеральная власть финансирует фундаментальные медицинские исследования, результаты которых обычно используются в создании новых лекарств или методов лечения – в том, чем правительство традиционно не занимается и, безусловно, не будет заниматься после реструктуризации. Инвестиционные

средства будут доступны, но в ограниченном объеме, поэтому давление сосредоточится на необходимости изменения налоговой системы.

Первое поколение шестого цикла, те, кого сейчас мы называем миллениалами и кому к тому времени будет за пятьдесят, неприязненно относится к идее снижения налогов для облегчения частного обогащения. По крайней мере, эту неприязнь испытывают люди, придерживающиеся левых взглядов. Однако снижение налогов подстегнет инвестиции в методы лечения заболеваний для того, чтобы продолжительность жизни выросла. Тогда личный интерес вытеснит идеологию. Подобно тому как снижение налогов привело к росту экономики микросхем, в 2050-х годах эта же мера будет способствовать преобразованию системы здравоохранения.

Дети миллениалов будут настроены против отсутствия привязанностей, которое исповедовали предыдущие поколения. Именно они сочтут компьютеры и Интернет устаревшими, а создание мощных семейных связей – современным веянием. Они также будут требовать, чтобы власть поддерживала любые появляющиеся и разделяемые людьми ценности. Искушение законодательно закрепить моральные стремления проходит красной нитью через все циклы. Состарившиеся миллениалы будут потрясены тем, что молодое поколение отвергает их привязанность к электронике; их будет страшить идея возврата к установленному жизненному укладу и ритуалам. Родители станут живым напоминанием о былом величии технократии, потерпевшей поражение в 2020-х годах, а их дети объединят ряд ранее враждебных группировок для того, чтобы сформировать собственную партию. Кто будет представлять демократов, а кто – республиканцев, неизвестно, да и неважно. Они станут наследниками коалиции, победившей технократов; им потребуются несколько десятилетий, чтобы полностью определиться и отстаивать свои притязания на власть. И когда они придут к власти, появятся предвестники седьмого социально-экономического цикла.

Существует еще один вопрос, который я до этого момента сознательно не затрагивал: глобальное потепление и изменение климата. Не затрагивал не из-за незначительности темы, а потому, что она огульно упрощается (к чему я стараюсь не иметь никакого отношения), хотя до такой степени сложна, что пока не могу в ней разобраться.

Во-первых, изменение климата налицо. Обычно считается, что хотя в прошлом климат претерпевал существенные изменения, он, однако, не менялся настолько резко. С точки зрения палеоклиматологии эта вещь очевидна, и я недостаточно компетентен, чтобы ее оспаривать, поэтому я просто принимаю это положение.

Во-вторых, весьма вероятно, что изменение климата вызвано действиями человека. Если скорость изменения климата действительно настолько высока, какой кажется, то я не нахожу никакой другой силы, которая могла бы стоять у истоков этого явления.

В-третьих, у меня нет определенного представления о том, как мир будет выглядеть на различных стадиях потепления. Проблема в том, что прогноз зависит от способа моделирования (в чем я не слишком хорошо разбираюсь), и корректное моделирование изменений зависит от учета всех климатообразующих факторов, их взаимодействия и влияния новых факторов на уже имеющиеся. Чтобы все это узнать, необходимо обладать всеобъемлющим представлением о том, что такое климат, и иметь возможность моделировать его. Уровень нашего понимания климатических особенностей существенно повысился в последнее время, но остается множество неизвестных параметров, особенно если учитывать все нюансы и оценивать степень влияния новых факторов на атмосферу.

Понятно, что климат меняется, и я согласен, что меняется он в пагубную сторону, но у меня нет стопроцентной уверенности. Многочисленные пресс-релизы составляются на основе весьма ограниченных исследований, берущих в расчет лишь отдельные факторы. Каждый из них в отдельности дает веский повод для убежденности в том, что человечество в этой ситуации пострадает. Однако, учитывая отсутствие всеобъемлющей климатической модели, не исключено, что общая картина изменится из-за не учитываемого до настоящего времени фактора. Целостная система может выдать результаты, отличные от результатов, производимых ее составляющими.

Добавим, что прогноз негативного исхода рассматривается глобально, а ведь у сложных систем и последствия комплексные. К примеру, нам известно, что когда-то в прошлом Сахара была богатым плодородным регионом. Сейчас же это пустыня. Допустим на мгновение, что уровень океанов настолько поднимется, что вода

затопит прибрежные города, но Сахара и другие территории с неблагоприятными ныне природными условиями станут вновь плодородными. Поможет или навредит человечеству подобный поворот событий? В любом случае, не существует такой модели, которая давала бы точный прогноз глобальных климатических изменений.

Я всегда вспоминаю прогноз Римского клуба – престижного аналитического центра, заявившего в 1970 году, что рост населения Земли приведет к глобальному голоду к 2000 году. При этом члены клуба не были паникерами. При взгляде на темпы производства продуктов питания и роста населения в глобальном смысле их прогноз кажется точным. Но он не сбылся, потому что они не учли резкий рост объема доступного продовольствия, произошедший благодаря усовершенствованиям Нормана Борлоуга, «отца Зеленой революции»^[45]. Далее, они не предугадали тенденцию к снижению рождаемости, потому что никогда не брали в расчет некоторые факторы. В результате всеобщая вера в неконтролируемый рост населения была опровергнута тем, что в расчет не были приняты уже свершившийся факт (создание «чудесных» семян) и только еще формирующаяся тенденция (снижение уровня рождаемости).

Подобные прогнозы демографической катастрофы делались, исходя из доступных на то время данных: население росло, объем продовольствия оставался на одном и том же уровне. Модель, из которой исходили прогнозисты, видимо, была чересчур обширной и сложной. Не знаю, ошибаются ли те, кто сейчас говорит о климатическом изменении. Однако я вижу, что модели, подобные тем, которые описываются в «Демографической бомбе»^[46], часто оказываются ошибочными. Поэтому их я не касаюсь, ибо не знаю, как с ними обращаться. Это мое упущение: климат меняется (и, скорее всего, по вине людей), а у меня недостаточно ориентиров, чтобы понять, как это отразится на юго-западе Америки, а как – на северо-востоке.

Кроме того, я не стал поднимать эту тему, потому что сколь-либо значимое действие носит политический характер, требующий глобальных шагов, а я уверен, что никаких шагов не последует. Цена изменения образа жизни ради уменьшения выброса парниковых газов будет колоссальной, и не стоит ее занижать. Она будет подразумевать значительное снижение уровня жизни – даже в странах, подобных Китаю, где этот показатель, по большей части, и так находится на катастрофической отметке.

Активно развивающиеся страны не станут ничего менять из-за своей неспособности справиться с нестабильностью, которая обязательно возникнет вследствие подобных изменений. Что же касается продвинутого, промышленно развитого мира, то здесь есть два политических нюанса. Первый: никто не говорит, что непоправимое случится уже в следующем году. Большинство людей

оценивают степень опасности, исходя из ее близости во времени. Они рассуждают примерно так: изменения климата может и не случиться, а если это произойдет, то уж после моей смерти, поэтому не буду утруждаться по поводу того, чего, возможно, и не будет. Второй нюанс: люди, которых потепление заботит больше всего, – это те, кому доверяют меньше всего. Поэтому разговоры об изменении климата многими расцениваются всего лишь как попытка этих людей установить контроль над государством и диктовать ему линию поведения. Так что я не прогнозирую каких-либо глобальных мер в ответ на изменение климата, потому что не считаю, что эти меры будут приняты.

Раз уж мы затронули эту тему, давайте выделим то, что, на мой взгляд, может сыграть главную роль в решении проблемы. Изменение климата налицо, причиной тому является человечество, но никто не хочет тратиться на решение проблемы. «Зеленые» технологии не потянут бремя индустриального общества потребления. Мое видение проблемы связано с испытаниями ракет на западе Техаса^[47]. Единственный способ прекратить загрязнять планету электростанциями – задействовать солнечную энергию, получаемую из космоса. В космосе имеется бесперебойный источник солнечного света и достаточно места для коллекторов. Они будут конвертировать солнечную энергию в сверхвысокочастотное излучение и передавать его на Землю мощным трансформаторам, преобразующим СВЧ-пучки в пригодное для использования электричество. Так будет положен конец чрезмерному использованию углеводородов и, возможно, исчезнет опасность глобального потепления.

О возможности выработки электроэнергии из солнечных лучей при помощи расположенной в космосе энергетической станции я писал в своей книге «Следующие 100 лет», и сейчас эта возможность может стать реальностью. Мне хочется рассматривать эти исследования NASA в качестве доказательства своей правоты. Такой способ производства электроэнергии окажется менее затратным, чем сокращение вдвое выработки энергии; он не вызовет революции и будет доступным. Вне зависимости от конкретных моделей развития, подобный способ должен быть опробован.

Заключение

Американская эпоха

2026 год станет судьбоносным для США. Исполнится 250 лет со дня подписания Декларации независимости, 250 лет с того момента, как поселенцы провозгласили себя народом и пошли дорогой, которая привела к войне, невероятной победе и написанию конституции, побудившей их не просто стать народом, но и создать государственное устройство. Все это началось 4 июля почти 250 лет назад, и история до сих пор разворачивается, как мы видели, в своеобразном, присущем только Америке, стиле.

Наиболее поразительным является то, какой Америка стала. Из третьесортной страны она превратилась в исполина, руководящего миром. На ее долю приходится почти четверть годового ВВП в мире. Ее военные силы присутствуют и действуют, мудро или не очень, по всей планете. Американские вооруженные силы развернуты более чем в 150 странах, в большинстве случаев – для незначительных учений, но некоторые задействованы и в военных конфликтах. Какой бы ни была их задача и численность, количество стран присутствия поражает.

Отцы-основатели предполагали, что США откроют новую эру. Однако мы все склонны предполагать нечто, в реальность чего не слишком верим. Представляли ли отцы-основатели почти 250 лет назад, что Америка станет такой, какой стала? У Джефферсона и Вашингтона можно обнаружить намеки на подобный исход.

Для ироничного Франклина, возможно, подобная мысль была бы слишком фантастичной. Джон Адамс и Джеймс Мэдисон, видимо, были больше обеспокоены настоящим, чем далекими от жизни мечтаниями. Однако мечты стали реальностью. Америка превратилась в империю, несмотря на свое выступление против Британской империи. Руководители нации задумывали и предусматривали много разных вещей. Но что должно было случиться, то случилось.

Фундамент американской империи – не войны и даже не экономика. Это рок-н-ролл, футболки с надписью «Santa Barbara» и бейсболки с логотипом New York Yankee. Это союз людей из двух десятков разных стран, каждый из которых изъясняется на великолепном английском, потому что язык – это единственное, что их объединяет. Это прежде всего компьютер и языки

программирования, созданные исключительно на основе английского. Это люди, недолголюбивающие и даже ненавидящие США, но надеющиеся, что их дети поступят в американский университет.

Империя – Гитлер и Сталин не смогли это уяснить – основывается не на оружии. А на деньгах и зависти, которую приносят с собой деньги. Но еще более важный пункт, чем деньги или оружие, – это технологии, которые ведут в будущее, и культура, ведущая речь о современности. Все прочные империи – это империи умов и душ, вызывающие у других страстное желание следовать их примеру.

США не были задуманы империей – но стали именно ею. Термин «империя» со времен Войны за независимость употреблялся в одобрительном смысле. Между тем существует два типа империй. Первый тип основан на злоупотреблении собственными интересами, яркий пример – гитлеровский замысел империи. Второй тип получает выгоду от существования в качестве империи, но также создает систему симбиотических отношений, от которых пользу получают все. Такая империя держится не только на силе своей власти, но и на пользе, которую получают жители колоний. Так, Римская империя завоевала другие народы, при этом желание стать частью римской системы было если не всеобщим, то, по крайней мере, очень популярным. То же самое можно сказать о Персии. Империя превращается из завоевателя в силу, обеспечивающую экономический рост, торговые отношения и мир, которого в противном случае не было бы. Она является также инструментом распространения культурных ценностей, культурного развития.

Будучи нацией, примеру которой будут следовать другие народы, как в повседневных мелочах, так и в чем-то более великом, США продолжают дело отцов-основателей. Почти 250 лет назад те рассуждали о создании новой эры, основанной на моральных ценностях формы правления и вытекавших из этого следствиях. Республиканская форма правления теперь применяется практически повсеместно, и повсеместно же она несовершенна, равно как и США не могут во всем оставаться верными заветам основателей. Впрочем, как утверждал Ларошфуко, «лицемерие – дань уважения, которую порок платит добродетели». Несмотря на значительное несовершенство этой формы государственного устройства, большинство стран мира – даже те, что, как ни странно, являются

монархиями, – считают себя республиками. Права, о которых говорили основатели, могут попираться, но те, кто на самом деле их попирает, обычно лгут об этом. Бейсболки, компьютерные языки и авианосные ударные группы фактически символизируют весьма неидеальный триумф, но в общем и целом, конечно, являются символами триумфа величайшего. Благодаря мыслям и словам отцов-основателей мир выглядит крайне разнообразно.

Сейчас США стоят перед необходимостью найти базис для воспроизводства самих себя как государства в существенно новой американской эпохе, начавшейся в 1992 году. Эта эпоха будет длиться, по меньшей мере, столетие, даже если США еще не свыклись с реальностью своей власти и не разработали стратегию ее поддержания. В глобальном смысле Соединенным Штатам брошен вызов – продумать устойчивую имперскую политику для той нации, где власть, богатство и инновации постоянно растут в процессе смены циклов. С одной стороны, США требуется стать такими же, как любая другая могущественная страна. С другой – нельзя отступаться от творческого начала и энергии, которые движут ими изнутри.

До 1992 года американская стратегия строилась на применении военной силы для преследования своих интересов. Величайший ее триумф пришелся на Вторую мировую войну, когда, помимо победы над Германией и Японией, США завоевали господство в Атлантическом и Тихом океанах, тем самым обезопасив себя от вторжения, если не от ядерной войны. После Второй мировой войны Штаты методично использовали ту же самую стратегию, взятую ими на вооружение еще до того, как они стали империей. Однако после 1945 года Америке не удалось одержать победу ни в одном военном конфликте, за исключением операции «Буря в пустыне». Успешные империи используют как можно меньше военной силы для поддержания своих интересов, исходя из напряженности между народами, свойственной для конкретных регионов. Британия не посылала сотни тысяч солдат для управления Индией. Она пользовалась расстановкой сил в самой Индии.

Возникновение американской империи совпало с наиболее продолжительными и наименее успешными в истории Америки войнами против джихадистов. После 11 сентября США начали действовать в Афганистане, поддерживая и подкупая местные армии, чтобы противостоять «Аль-Каиде». Со временем их заменили сухопутные войска США, и война распространилась на

Ирак. То, что можно было назвать рациональным военным конфликтом, превратилось в войну, в которой невозможно одержать победу, в войну, истощающую и калечащую внутреннюю жизнь страны. Империя исчерпывает свои внутренние ресурсы, сражаясь с силами, которые не являются регулярными армиями и которые, следовательно, невозможно победить с помощью обычного военного превосходства.

Это указывает на проблему незрелости США. Стратегия зрелой нации будет направлена на то, чтобы минимизировать конфликт, потому что империя с силами, присутствующими в 150 странах мира, имеет бесконечные возможности для конфликтов, и ее противники все чаще затевают войну. Подобное положение дел может разрушительно повлиять на поступательное развитие нации. Однако нельзя забывать, что развитие общества является проблематичным без доступа к мировым ресурсам, рынкам и инновациям. Собственное имперское предназначение и отвергнуть нельзя, и принять просто так не получается. Империи требуется зрелое управление.

Зрелость – это основа империй, и Соединенным Штатам необходимо добиться такой устойчивости. Тем не менее она не является основой американской внутренней жизни. Циклы, о которых мы говорили, постоянно возвращаются к началу, и каждый цикл представляет собой новое изобретение Америки. После того как институциональные и социально-экономические циклы достигают фазы созревания, проблемы перерастают в кризис, и решением становится новый цикл. Поэтому между необходимым благоразумием внешней политики и регулярно повторяющейся незрелостью циклов существует неизбежная напряженность.

Новые циклы, которые обретут четкие очертания в 2030-х годах, как я уже говорил, решат проблемы текущего цикла и создадут проблемы для нового. Даты смены циклов таковы: 2080 год для социально-экономического и примерно 2105-й – для институционального. Сложно предположить, какой именно неудачей закончится каждый цикл. Логично ожидать, что социально-экономический цикл столкнется с напряженностью, вызванной радикальным изменением продолжительности жизни, благодаря появлению новых технологий. У пожилых людей есть мудрость, понимание того, что такое человеческая жизнь, что в ней важно, а что – нет. Они не всегда в курсе последних новинок, не всегда пользуются новейшими технологиями. Раньше я не мог жить

без компьютеров. Около десяти лет назад я потерял к теме интерес. Люди моложе меня знают о компьютерах гораздо больше, чем я. Со своей стороны, я понял, что компьютеры менее важны, чем любовь, что они даже могут быть помехой для способности любить. В наши дни для пожилых людей характерны либо мудрость, либо удача, но не знания. А поскольку продолжительность жизни американцев неуклонно увеличивается, то страна может стать в целом более мудрой, но менее обремененной конкретными знаниями. Поэтому, учитывая, что знания являются обязательным условием для движения циклов вперед, кризис 2080 года вполне может сложиться вокруг удельного веса в обществе многочисленного пожилого населения, находящегося в хорошей физической форме и обладающего мудростью, но не способного перешагнуть границы цикла, который терпит неудачу из-за засилья таких людей.

Что касается институционального цикла, то решение, которое назовет в недрах федеральной власти, будет включать в себя сдвиг во внутреннем функционировании этой самой власти, при котором жесткость нормативно-правового регулирования будет постепенно уступать место здравому смыслу тех, кто будет принимать решения: от представителей общественности до высшей власти. Кроме того, будут возрождены местные политические системы, задача которых – представлять отдельных граждан в отношениях с федеральной властью и требовать от власти отчетов о ее деятельности. Все это поможет решить существующие проблемы, но не ту, что может возникнуть на следующем этапе. В нашей действующей институциональной системе предусмотрен минимальный, но не максимальный возраст участия в голосовании. По мере увеличения продолжительности жизни и на фоне низкого уровня рождаемости население будет становиться все более пожилым, а интересы людей в возрасте сильно отличаются от интересов молодых избирателей. Пожилые люди станут более весомым избирательным блоком, чем сейчас, – за счет более долгого периода пребывания в преклонном возрасте. Вместе с тем активное развитие, необходимое для воспроизводства американских циклов, может улетучиться из системы. Пожилые люди будут способны к определенной деятельности, однако молодежь обладает только ей свойственным творческим задором. Можно предположить, что в какой-то момент возникнет вопрос об установлении верхней возрастной границы для голосования либо о придании меньшего веса голосам избирателей,

достигших определенного возраста. Увеличение периода старости будет иметь много последствий, что, вероятно, станет одним из важных насущных вопросов в XXI веке.

США становятся все более зрелыми по демографическим причинам. С этой зрелостью приходит мудрость, необходимая для проведения внешней политики. Однако с этой мудростью появляется и недостаток энергии, необходимой для поддержания жизнестойкости Соединенных Штатов, – а ведь именно она является залогом цикличности. Подобная напряженность лежала, в некотором роде, в основе зарождающегося государства. Действия отцов-основателей во внешней политике отличались благоразумием. Сердцем они, возможно, и были с Французской революцией, но свои коммерческие интересы всегда связывали с Великобританией, так что в союзе с Англией США действовали здраво. В то же время циклы постоянно возвращали США к своего рода перерождению, и в каждом цикле мы видим толику безрассудства, необходимую для того, чтобы бросить вызов прочным основам предыдущего, зрелого цикла.

Отцы-основатели были здравомыслящими, расчетливыми людьми, а народ – незрелым и неблагоразумным. Он состоял из авантюристов и любителей рискнуть, которые скитались там, куда влекла их удача, и жили так, как им хотелось. Современная ситуация не сильно отличается от того, как дело обстояло в прошлых циклах. Многие семьи разбросаны по стране: родители и дети строят карьеру и ищут новые возможности за сотни и даже тысячи километров друг от друга. В США можно и сделать себя с нуля, и переехать на другой конец страны. А можно и разрушить жизнь собственную и жизни тех, кто находится рядом.

Именно это отличает США от других стран. Всем народам до некоторой степени свойственно сумасбродство. Однако никто из них не возвел хаос в ранг порядка так, как это сделали Соединенные Штаты. Именно это сумасбродство проявляется в наших циклах, отражающих, подобно зеркалу, жизнь каждого человека. Люди рождаются, чтобы перевернуть реальность; они предлагают новое, небывалое решение, которое широко распространяется по всему миру. Цикл захлебывается собственными успехами и слабостями, азартно ниспровергая все то, что закоснело и признано ненадлежащим. США – это страна, которая включила революцию в процесс становления государственности и придала законный статус смелости на всех уровнях.

В основе этого явления лежит культура технологических достижений. Она не уникальна для Америки, но тем не менее по своей сути является подлинно американской. В книге британского писателя Артура Кёстлера, описывающей эпоху сталинских репрессий^[48], главный герой, сидящий в тюремной камере и несколько месяцев не читавший газет, задается вопросом, что происходит в мире. Ему любопытно, изобрели ли американцы машину времени. Это дает представление о том, чего мир, даже в 1930-е годы, ожидал от Америки. Ни великого искусства, ни глубоких размышлений, ни блестящей стратегии – но способности и выдающимся технологическим достижениям.

Новая технология, которая появится, будет направлена на удлинение периода жизни, в течение которого человек здоров и активен. В мире стареющего населения эта проблема должна быть решена – и она, конечно, будет решена наукой. Однако, как я уже сказал, появится новая сложность. Нация, в которой преобладают пожилые люди, какими бы энергичными и здоровыми они ни были, – это нация, в которой преобладает старость. Таким государством правит мудрость, необходимая для управления империей, но та же самая мудрость парализует циклы, движущие Америку вперед. Благодаря неведению молодости невозможное становится возможным, поскольку у молодежи нет четкого понятия о том, что является неосуществимым, и она не считает безрассудные поступки нереальными, а просто совершает их. И в этом безрассудстве – будущее.

Четвертый институциональный цикл будет особенно хорошо подходить для здоровых пожилых людей. Я имею в виду привнесение здравого смысла и мудрости в процесс управления. Эти характеристики будут угрожать социально-экономическим циклам, потому что с возрастом приходит адекватное восприятие происходящего. Адекватное – в то время как требуется безрассудная дерзость Стива Джобса или Генри Форда! Таким образом, проблема предстоящего цикла будет заключаться в том, что медицина решит задачу сокращения численности населения, но это, в свою очередь, приведет к социально-экономическому кризису, который глубоко расколется страну.

Другие страны будут справляться с кризисом своими методами. США же будут поступать так, как и всегда: жители страны пройдут через десятилетие мощного политического противостояния на фоне экономического и социального кризиса. Пожилые будут

противостоять молодежи, а поиск инноваций вызовет нестабильность. В итоге политический процесс увенчается неким результатом; действующий на тот момент президент, преданный ценностям предыдущего цикла, потерпит неудачу – и на смену ему придет следующий глава страны, способный справиться и с новым циклом, и с его возможностями.

Америка – страна, в которой для затишья обязательно нужна буря. Поскольку американцы, помешанные на настоящем и будущем, с трудом помнят прошлое, все они будут убеждены, что никогда еще не было столь несправедливых и тяжелых времен. Они будут ожидать повального краха всего вокруг и ненавидеть тех, кто вызвал такое положение дел, – то есть тех, с кем они не согласны. Наступит время лицемерной самоуверенности, ненависти, иногда смертоносной для отверженных. А затем исторические модели сделают свое дело, используя имеющиеся средства. Американское мировое могущество выдержит это испытание, потому что влияние такой страны, как США, – мощной экономической и военной державы с притягательной культурой – не снижается от того, что ее ненавидят. Все империи испытывают и зависть, и ненависть в свой адрес – но их мощь от этого не ослабевает.

Неизменные опоры американского общества – наши права и Конституция – служат как благоразумию, так и безрассудству страны. Именно их комбинация позволила США развиваться в течение почти двух с половиной веков стабильности и хаоса. И нет никаких подтверждений того, что этот путь подходит к концу. Теперешняя буря – явление, абсолютно нормальное для текущего периода американской истории и всей нашей жизни.

Благодарности

Книга, написание которой заняло пять лет, естественно, ко многому обязывает. Невозможно передать, насколько я благодарен тем, кто посвятил свое время улучшению будущей книги. Особенно я хотел бы отметить Марвина Оласки, Билла Серра и Дэвида Джадсона, которые не обязаны были ее читать, но с радостью согласились и дали ценные комментарии на ранних стадиях. Благодарю своих коллег из Geopolitical Futures, которые имели меньше выбора, но тем не менее также сильно помогли: Антонию Колибасану, Эллисон Федирку и особенно Джейкоба Шапиро.

Графический дизайнер Geopolitical Futures Стейси Хэрен очень тщательно и со знанием дела подошла к вопросу графиков и карт.

Благодарю своего агента Джима Хорнфишера, занимавшегося публикацией моих предыдущих четырех книг и не выказавшего пока никаких признаков усталости; благодарю его за то, что он умеет найти подход и ко мне, и к издателю. Джим всегда дает дельные советы по рукописи, даже когда я его об этом и не прошу.

Не менее важно отметить моего издателя из Random House Джейсона Кауфмана, который, получается, проработал со мной уже над пятью книгами: он заслуживает самой искренней признательности за свой профессионализм и за то, что не сдается в случае наших разногласий по острым вопросам. Благодарю его заместителя Кэролин Уильямс, усилия которой сделали эту книгу более удобочитаемой. Им обоим я сильно обязан.

Благодарю своих детей и внуков, чье ангельское терпение в моменты, когда за книгой я проводил праздники и отпуска, наконец, вознаграждено по заслугам. До следующей книги!

Посвящается моей любимой Мередит, без которой ни одна моя книга не началась и не закончилась бы.

Об авторе

Джордж Фридман – основатель и глава аналитической компании Geopolitical Futures, специализирующейся на геополитическом прогнозировании. Ранее он возглавлял частное разведывательное агентство Stratfor, основанное им в 1996 году. Фридман – автор шести книг, в числе которых бестселлеры, по версии New York Times: *«Следующие 10 лет: 2011–2021»* и *«Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века»*. Занимает должность старшего советника в Американском институте общественного мнения Gallup Corporation. Живет в Остине (Техас).

Примечания

1

Текста Конституции в 1787 году. – Примеч. пер.

2

Выборный орган, определяющий финансирование и учебный процесс в общеобразовательных школах в пределах школьного округа. – Примеч. пер.

3

Изначально в состав США входили 13 штатов: Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд, Нью-Гэмпшир, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр, Виргиния, Мэриленд, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия. – Примеч. пер.

4

Американцы ирландского происхождения – граждане Соединенных Штатов Америки, имеющие полное или частичное ирландское происхождение. Около половины переселенцев прибыли из ирландской провинции Ольстер, все они стали известны в Соединенных Штатах как «шотландские ирландцы», этот термин был создан в XIX веке для различия между ирландцами-протестантами и ирландцами-католиками. Большинство потомков ирландцев-протестантов идентифицируют себя как просто «американцы» или «ирландцы». (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%8B_%D0%B8%D1%80%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%81%D1%85%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F) (Дата обращения: 08.04.2020). – Примеч. ред.

5

Война за независимость США, в американской литературе она чаще называется Американской революцией, – война Великобритании и лоялистов против революционеров 13 британских колоний, которые провозгласили свою независимость от Великобритании как самостоятельное союзное государство в 1776 году. (По материалам Википедии, дата обращения: 27.03.2020.) – Примеч. ред.

6

Для подъема предметов, тяжестей. – Примеч. пер.

7

Объединенное наименование двух частных акционерных обществ – Лондонской и Плимутской компаний. – Примеч. пер.

8

Обозначение английских поселенцев, исповедовавших пуританские религиозные взгляды. – Примеч. пер.

9

Документ, заключенный в 1620 году между отцами-пилигримами и «Вирджинской компанией» о предоставлении им самоуправления. – Примеч. пер.

10

Английское нетитулованное мелкопоместное дворянство, не занимавшееся земледелием. – Примеч. ред.

11

«Стратегическая глубина» – военный термин, означающий степень отдаленности передней линии фронта от основных жизнеобеспечивающих командных, политических, промышленных районов страны. Другими словами, это показатель живучести страны в условиях нападения на нее противника (http://kadet.ru/lichno/vlad_v/Strategik_sub%27ektnost.pdf, дата обращения: 10.04.2020). – Примеч. ред.

12

Обширная территория у дельты Миссисипи, в то время контролировавшаяся французами. – Примеч. пер.

13

В 1803 году между Францией и США был подписан договор, известный как Луизианская покупка. Согласно документу, Франция за \$15 млн продает США Луизиану. Площадь переданных земель – более 2 млн кв. км, что включало в себя, в частности, Новый Орлеан, Оклахому, Канзас, юг Миннесоты и т. д. – Примеч. пер.

14

С началом Войны за независимость в 1775 году река Огайо стала границей между враждующими сторонами: индейцами, проживавшими к северу от реки, и колонистами, поселившимися на южных берегах. Согласно Королевской декларации 1763 года, белым поселенцам запрещалось селиться к западу от гор Аппалачи. Тем не менее виргинские колонисты игнорировали этот запрет (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%82%D0%B5%D0%B0%D1%82%D1%80_%D0%92%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D1%8B_%D0%B7%D0%B0_%D0%BD%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_%D0%A1%D0%A8%D0%90, дата обращения: 10.04.2020). – Примеч. ред.

15

Известно, что А. Линкольн отличался выдающимся умением рубить дрова. – Примеч. ред.

16

Сокращенно WASP – White Anglo-Saxon Protestant. – Примеч. пер.

17

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора. – Примеч. ред.

18

Картина-плакат американского художника Нормана Роквелла, написанная в 1943 году и изображающая уверенную, решительную женщину, которая во время войны стала работать на заводе вместо мужчины, ушедшего воевать. – Примеч. пер.

19

Кодовое название американской программы разработки ядерного оружия. – Примеч. пер.

20

Кодовое название урановой бомбы, сброшенной американцами в 1945 году на Хиросиму. – Примеч. пер.

21

Американский центральный банк. – Примеч. пер.

22

Коды запуска межконтинентальных баллистических ракет. – Примеч. ред.

23

Название Карибского кризиса, распространенное в США. – Примеч. ред.

24

Соглашение о создании зоны свободной торговли между США, Канадой и Мексикой, действовало в 1994–2018 годах. – Примеч. пер.

25

США и Китай подписали торговое соглашение лишь 15 января 2020 года. – Примеч. пер.

26

В горе расположен бункер, в котором находится командный пункт Командования воздушно-космической обороны Северной Америки. – Примеч. пер.

27

Запрещенная в России террористическая организация.

28

Первый конституционный документ США. – Примеч. пер.

29

Специальный акт Конгресса, позже включенный в Конституцию. – Примеч. пер.

30

Приключенческий фильм о борьбе добрых и злых волшебных сил (вышел в 2010 году). – Примеч. пер.

31

В американской историографии конфликт 1775–1783 годов называется Американской революцией, в то время как в русскоязычной литературе за этими событиями закрепилось название «Война за независимость». – Примеч. пер.

32

Один из 12 банков, входящих в Федеральную резервную систему. – Примеч. пер.

33

Часть Среднего Запада и восточного побережья США, до конца XX века бывшая средоточием национальной тяжелой промышленности. Этот регион также называется Фабричным поясом. – Примеч. пер.

34

Главой которого являлась Хиллари Клинтон с 2009 по 2013 год.
– Примеч. пер.

35

Критиковавшее политику Обамы консервативное движение, чье название отсылает к событиям Бостонского чаепития 1773 года.
– Примеч. пер.

36

Отсылка к знаменитому предвыборному лозунгу Трампа «Make America great again». – Примеч. пер.

37

Закон о защите пациентов и доступном здравоохранении (Patient Protection and Affordable Care Act, сокращенное название Affordable Care Act) – федеральный закон США, подписанный президентом Б. Обамой 23 марта 2010 года. – Примеч. ред.

38

Русский перевод басни: http://www.ezop.su/babri_j_lisa_i_ej/ (Дата обращения: 06.04.2020). – Примеч. пер.

39

В 1980-х годах возник феномен под названием «супервторник» (Super Tuesday) – первый вторник февраля, когда первичные выборы проходят одновременно в большом количестве штатов. – Примеч. ред.

40

Закон США, который определял льготы на высшее образование для вернувшихся с фронта участников Второй мировой войны. – Примеч. пер.

41

Стандартизованный тест для приема в высшие учебные заведения в США. – Примеч. ред.

42

Международная неправительственная некоммерческая организация, основанная в 1976 году, занимающаяся главным образом строительством простого и доступного жилья для бедных и бездомных во всем мире. – Примеч. ред.

43

Изначально спортивное объединение восьми частных институтов высшего образования, расположенных на Северо-Востоке США. Термин подразумевает исключительность в качестве образования, выборность при поступлении и принадлежность к социальной элите. В Лигу входят Брауновский университет, Колумбийский университет, Корнелльский университет, Дартмутский колледж, Гарвардский университет, Пенсильванский университет, Принстонский университет и Йельский университет. – Примеч. ред.

44

Национальная программа страхования для людей старше 65 лет, частично покрывающая расходы на лечение. – Примеч. пер.

45

Американский агроном, лауреат Нобелевской премии 1970 года, вывел множество высокоурожайных сортов зерновых. Занимался селекцией пшеницы для Мексики, Индии, Пакистана, африканских стран. – Примеч. пер.

46

Книга американского ученого Пола Эрлиха, издана в 1968 году. – Примеч. пер.

47

Вероятно, речь идет о возможности получения электроэнергии из космической солнечной энергии. Проект с 1970-х годов развивается NASA, чей научно-космический центр расположен в Техасе. – Примеч. пер.

Имеется в виду произведение Кёстлера «Слепящая тьма» (1940).
– Примеч. пер.